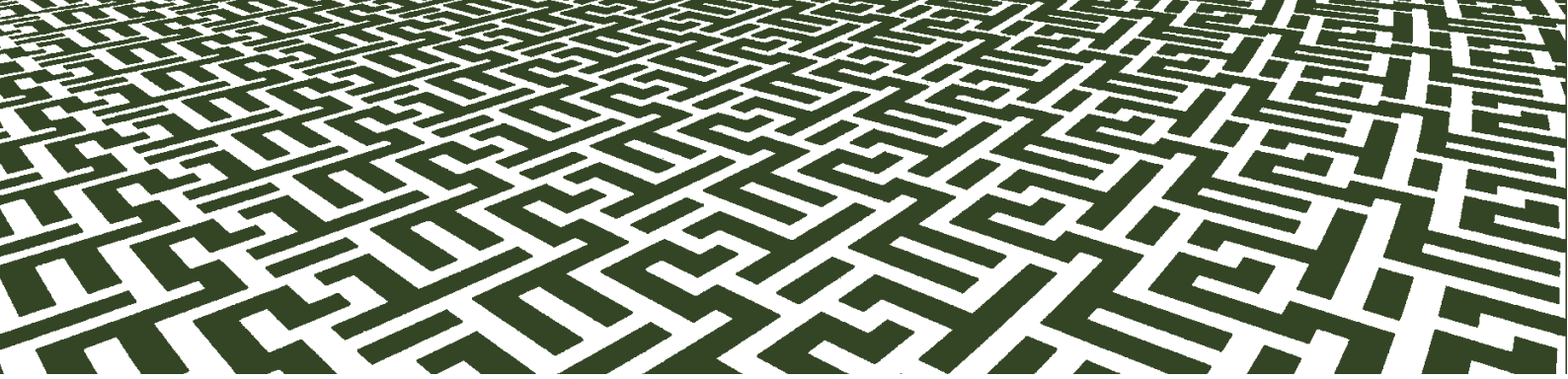


РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№2
2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 2/2021

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.
ISSN 2587-7666
Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Главный редактор П.А. Ореховский
Отв. секретарь А.И. Волынский

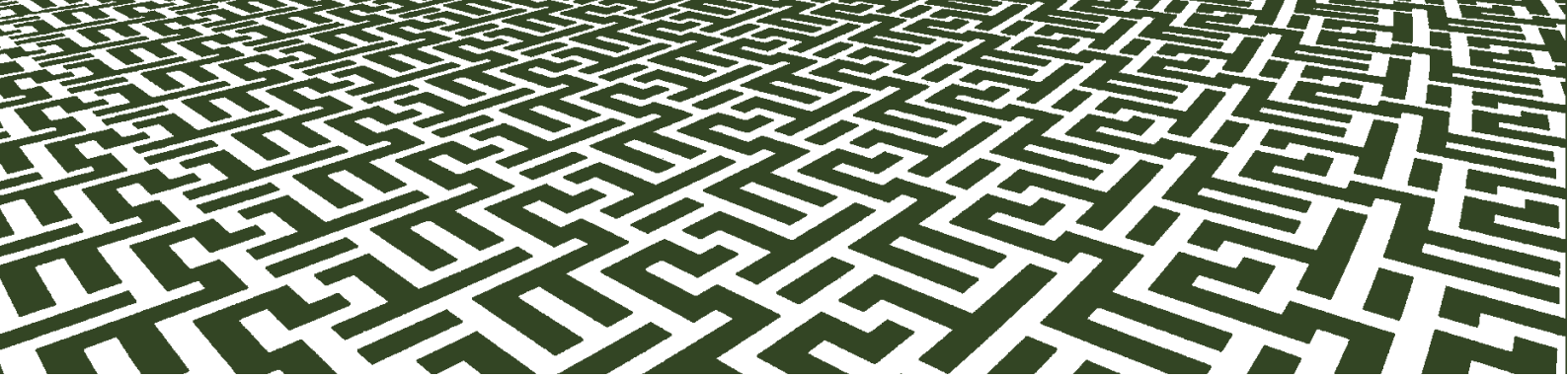
Редакционная коллегия

В.С. Автономов
О.И. Ананьин
М.Р. Байсингер (США)
А.Е. Варшавский
М.И. Воейков
зам. гл. редактора
Г.Д. Гловели
Р.С. Гринберг
В.Е. Дементьев
А.П. Заостровцев
зам. гл. редактора
Л.В. Зеленоборская
Р.И. Капелюшников
С.Г. Кирдина-Чэндлер
О.Б. Кошовец
А.М. Либман (ФРГ)
В.И. Маевский
Н.А. Макашева
зам. гл. редактора
В.С. Мартьянов
В.Ю. Музычук
Р.М. Нуреев
А.Н. Олейник (Канада)
Н.М. Плискевич
зам. гл. редактора
Л.И. Полищук
В.М. Полтерович
Т.Ф. Ремингтон (США)
А.Я. Рубинштейн
М.Е. Симон
Н.Е. Тихонова
М.Ю. Урнов
Б.А. Хейфец
Т.В. Чубарова
зам. гл. редактора

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2021



RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- Economic theory
- Methodology of economic science
- From theory to economic policy
- Interdisciplinary studies
- Economic history
- Surveys & reviews

№2
2021

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 2/2021

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov

O.I. Anan'in

M.R. Beissinger (USA)

A.E. Varshavskiy

M.I. Voyeikov
Deputy Chief Editor

G.D. Gloveli

R.S. Grinberg

V.E. Dementiev

A.P. Zaostrovtsev
Deputy Chief Editor

L.V. Zelenoborskaya

R.I. Kapelyushnikov

S.G. Kirdina-Chandler

O.B. Koshovets

A.M. Libman (FRG)

V.I. Mayevskiy

N.A. Makasheva
Deputy Chief Editor

V.S. Martyanov

V.U. Muzychuk

R.M. Nureyev

A.N. Oleinik (Canada)

N.M. Pliskevich
Deputy Chief Editor

L.I. Polishchuk

V.M. Polterovich

T.F. Remington (USA)

A.Y. Rubinshtein

M.E. Simon

N.E. Tikhonova

M.Y. Urnov

B.A. Kheyfets

T.V. Chubarova
Deputy Chief Editor

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Н.С. Павлова, А.Е. Шаститко
Методы анализа рынка в целях применения антимонопольного законодательства: теоретические и прикладные аспекты 7

С.С. Качковский
Деньги, власть и демократизация (в продолжение дискуссии о социальных порядках В.М. Ефимова и С.Г. Кирдиной-Чэндлер) 23

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ю.Г. Павленко
Социальное государство. В поисках механизмов возрождения 35

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Р.М. Нуреев
Демографический взрыв и его последствия в XXI веке 45

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Е. Тихонова
Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе 61

А.Н. Медушевский
Посткоммунистический проект в Восточной Европе: содержание, эволюция и причины исчерпания (Часть 2) 79

Ю.А. Нисневич
Институциональная основа формирования постиндустриального миропорядка 91

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.С. Соколов
Между карточками и социалистическим товарооборотом: Вторая советская пятилетка ... 102

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В.В. Арсланов
«При прочих равных»: Краткая история (мез)альянса политики и экономики в книге Тома Бергина «Free Lunch Thinking: How Economics Ruins the Economy» 111

Н.М. Плискевич
Где дорога к храму модернизации? (О книге А.П. Заостровцева «Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?») 120

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

N. Pavlova, A. Shastitko
Market Analysis Methods for Competition Law Enforcement: Theoretical and Practical Aspects 7

S. Kachkovskiy
Money, Power and Democratization (Continuing the Discussion on the Social Orders of V.M. Yefimov and S.G. Kirdina-Chandler) 23

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

Yu. Pavlenko
Social State. In Search of Renaissance Mechanisms 35

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

R. Nureev
Demographic Explosion and Its Effects in the XXI Century 45

INTERDISCIPLINARY STUDIES

N. Tikhonova
Intergenerational Reproduction of Professional Statuses and Class in Modern Russian Society ... 61

A. Medushevsky
Post-Communism Project in Eastern Europe: Content, Evolution and the Causes of Expiration (The Ending. Beginning in the Previous Issue) 79

Yu. Nisnevich
Institutional Framework for Forming the Post-Industrial World Order 91

ECONOMIC HISTORY

A. Sokolov
Between Cards and Socialist Commodity Turnover: Second Soviet Five Years 102

SURVEYS & REVIEWES

V. Arslanov
„Ceteris Paribus“: A Short History of the (Mis)Alliance of Economics and Politics in “Free Lunch Thinking: How Economics Ruins the Economy” by Tom Bergin 111

N. Pliskevich
Where Is the Road to the Temple of Modernization? (About the Book by A.P. Zaostrovtsev «The Polemic about Modernization: a Common Road or Special Paths?») 120

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Н.С. Павлова
к.э.н., доцент, Московский государственный университет, старший научный сотрудник, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

А.Е. Шаститко
д.э.н., профессор, Московский государственный университет, директор Института прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

МЕТОДЫ АНАЛИЗА РЫНКА В ЦЕЛЯХ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ[1]

Аннотация. В статье оценивается, насколько полно в российской практике применения антимонопольного законодательства используется потенциал известных из экономической теории и проверенных в других странах методов анализа границ рынков. Сформулированы рекомендации по совершенствованию известных методов анализа. Представлено подробное сравнительное описание вариантов проведения теста гипотетического монополиста и алгоритма анализа критических потерь продаж. Обобщены результаты ряда эмпирических исследований, которые позволяют сделать вывод о том, почему некоторые методы анализа рынка остаются невостребованными в российском (и зарубежном) антитрасте.

Ключевые слова: *определение границ рынка, тест гипотетического монополиста, анализ критических потерь продаж.*
JEL: K21, L22.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_7_22.

Применение антимонопольного законодательства, состоящего из большого количества оценочных норм, во многих случаях требует исследования состояния конкуренции на релевантном рынке. Вопрос о границах товарных рынков относится к числу основополагающих. От определения границ во многом зависят ответы на вопросы: занимает ли компания доминирующее положение (на релевантном рынке); является ли соглашение картельным, для чего необходимо выяснить, являются ли участники соглашения конкурентами (действуют ли они на одном и том же рынке). Наконец, каковы объемы дохода, полученные компанией-нарушителем на релевантном рынке, что необходимо как для исчисления штрафов, так и для определения убытков пострадавших от таких действий. Кроме того, определение границ товарных рынков становится центральным вопросом при анализе сделок экономической концентрации (сделки слияния и присоединений, а также заключения соглашений о кооперации) в связи с необходимостью оценивать возможные риски ограничения в будущем.

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

В настоящее время антимонопольными органами применяется детально разработанный инструментарий определения границ релевантных товарных рынков. В России данный инструментарий описан в Порядке проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденном приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220 (далее – Приказ-220), в США — в подготовленном Министерством юстиции и Федеральной торговой комиссией Руководстве по оценке горизонтальных слияний (Horizontal Merger Guidelines) 2010 г., в ЕС — в «Commission notice on the definition of relevant market for the purposes of Community competition law» 1997 г. Разумеется, после десятилетней практики применения Приказа-220 возникает потребность в ее оценке и подведении итогов: как сложились подходы к определению границ рынка в российской практике на фоне накопленного зарубежного опыта и обширных научных разработок по этому вопросу, в частности в сфере экономической теории.

Цель исследования — оценить, насколько полно используется потенциал известных из экономической теории и проверенных зарубежной практикой методов анализа границ рынков и сформулировать рекомендации по совершенствованию известных методов анализа. Для достижения поставленной цели мы предполагаем осветить две группы вопросов: каковы теоретические разработки в части методов анализа рынка для применения норм антимонопольного законодательства, в первую очередь — в России (первый раздел); какие можно предложить эмпирические подходы к оценке инструментов анализа рынка в целях применения антимонопольного законодательства (второй раздел). В Заключении формулируются основные выводы и возможности для дальнейших исследований.

Методы анализа рынка: теоретические разработки и их применение в России

В рамках исследования первого вопроса основное внимание уделено особенностям подходов к проведению теста гипотетического монополиста, анализу критических потерь продаж, проблеме определения границ рынка для случая нулевых цен и, наконец, возможности частично обойти вопрос об определении границ рынка через индексы повышательного давления на цену.

Тест гипотетического монополиста (hypothetical monopolist test, SSNIP-test)

Центральное место среди методов определения границ товарных рынков занимает тест гипотетического монополиста (ТГМ). В соответствии с Приказом-220 данный метод носит приоритетный характер. Можно также утверждать, что ТГМ на сегодняшний день — один из самых подробно разработанных инструментов с точки зрения его возможностей и ограничений. Однако далеко не все эти разработки находят отражение в российской практике — факт, который сам по себе представляет интерес на предмет фиксации тех ограничений, которые по факту применяются, но далеко не всегда отрефлексированы должны образом.

Методика проведения теста гипотетического монополиста. ТГМ — один из инструментов определения как продуктовых, так и географических границ товарного рынка. Границы товарного рынка — минимальный набор взаимозаменяемых товаров, в рамках которого монополист (или картель) мог бы повысить цену для получения дополнительной прибыли. Иными словами, это границы рынка, в рамках которого продавцы могли бы реализовать свою рыночную власть. Соответственно, чтобы оценить границы рынка, у потребителей выясняют, на какие товары и в каких объемах они бы переключились с базового товара при повышении цены на базовый товар на некоторую небольшую, но значимую величину. При этом повышение цены должно быть долговременным (год и более), а цены на остальные товары остаются неизменными. В связи с такой методоло-

гией, данный тест также называется «Small but significant increase in price test» (SSNIP-test)[2]. Базовый товар необязательно в действительности производится единственным производителем-монополистом (даже необязательно это один товар, а может быть набор товаров), но синхронность и единообразность повышения цены происходит так, как будто бы цена повышалась монополистом. В ответ на данный вопрос потребители указывают[3], на какие альтернативные товары они переключились бы в процессе потребления или, для географических границ, на товары из каких других регионов они бы перешли.

Логически тест состоит из двух этапов. На первом выясняется реакция потребителей: определяется круг потенциально взаимозаменяемых товаров по отношению к базовому товару. На втором этапе оценивается, достаточно ли этого переключения, чтобы повышение цены на величину SSNIP (стандартно она составляет 5–10%, хотя в некоторых странах употребляется 5%, а в США указывается на возможность антимонопольного органа самостоятельно выбрать величину повышения для анализа) было неприбыльным. Если объем переключения достаточно мал, то повышение цены на 5–10% оказывается прибыльным, и, таким образом, границы рынка определены правильно и сводятся к базовому товару. Если же объем переключения достаточно велик, то повышение цены на 5–10% неприбыльно, а значит, у базового товара есть близкие заменители и первоначально определенные границы товарного рынка необходимо расширить. Таким образом, ТГМ de facto позволяет оценить эластичность спроса на товар по его цене.

Говоря о случае, когда границы рынка необходимо расширять, стоит отметить, что существуют два варианта алгоритма расширения границ в рамках ТГМ:

— uniform SSNIP test (единообразный тест) — на второй итерации на 5–10% повышаются цены уже на все товары, которые вошли в новые (расширенные по итогам первой итерации) границы рынка;
— single-product SSNIP test (однопродуктовый тест) — на второй итерации на 5–10% повышается цена снова только на изначальный, базовый товар — тот же самый, что служил предварительно определенными границами рынка на первой итерации.

Первый вариант теста соответствует варианту, принятому в настоящий момент в российском антимонопольном законодательстве. Согласно [*Moresi, Salop, Woodbury*, 2019], в практике США применяются оба варианта теста, хотя первый более распространен. В Руководстве по анализу горизонтальных слияний (Horizontal Merger Guidelines), действительно, приведена некатегоричная формулировка: «In performing successive iterations of the price increase test, the hypothetical monopolist will be assumed to pursue maximum profits in deciding whether to raise the prices of any or all of the additional products under its control»[4].

Как указывается в [*Moresi, Salop, Woodbury*, 2019], однопродуктовая (single-product) версия ТГМ обладает рядом преимуществ. В частности, в условиях асимметричности входящих в группу товаров (по таким показателям, как цена, рыночная доля, рентабельность) single-product версия теста позволяет избежать неоправданно широкого определения рынка [*Daljord, Sørgard*, 2011].

Кроме того, важной характеристикой любого инструмента анализа границ товарного рынка является не только его точность, но и издержки — в том числе временные — имплементации. По данному параметру однопродуктовый ТГМ обладает существенным преимуществом, поскольку при правильно определенном на начальном этапе круге потенциальных заменителей опрос мнения потребителей (если тест реализуется в форме опроса)

---

[2] Корни SSNIP-теста в литературе прослежены в работе [*Scherer*, 2009].

[3] Своими действиями — приобретая товары или, наоборот, отказываясь от их приобретения, а также отвечая на вопросы анкеты.

[4] Пункт 1.11 3. U.S. (2010). DoJ, FTC. Horizontal Merger Guidelines. www.justice.gov/atr/file/810276/download.

может проводиться в один этап: для проведения всех итераций теста достаточно будет единожды собранной информации о том, в каком объеме потребители переключаются на иные товары, если цена на первоначальный товар повысится на 5–10%. В унифицированном тесте опрос потребителей de facto надо проводить каждый раз заново (или же сразу задавать потребителям вопрос при разных альтернативных гипотезах о предварительно определенных границах рынка), поскольку каждый раз после расширения границ товарного рынка базовый вопрос теста меняется и задается уже в отношении расширенной группы товаров.

В российской практике используется только «единообразный» вариант теста, что может служить источником ошибок в анализе, особенно с учетом того, что в Приказе-220 фактически основным исследовательским методом для выявления поведенческих установок потребителей являются опросы.

Ограничения применения теста гипотетического монополиста. Существует ряд широко известных ограничений на применение теста гипотетического монополиста.

Во-первых, ТГМ чувствителен к точке отсчёта. Поскольку на практике товары зачастую дифференцированы в той или иной степени, паттерны переключения с товара А на товар Б могут отличаться от переключения с товара Б на товар А. Выбор точки отсчёта особенно важен для однопродуктового ТГМ, поскольку в нем цена повышается только на один выбранный товар. Вместе с тем однопродуктовый тест позволяет и частично избежать проблемы чувствительности к точке отсчёта, поскольку изначально все потенциальные заменители определяются по отношению к товару А, а не к все расширяющейся группе товаров, которая постепенно способна начать включать продукты, которые потребители могут вообще не считать заменителем первоначального товара А.

Во-вторых, известным ограничением на применение теста является так называемая «целлофановая проблема», которая ярко проявилась в деле против монополиста на рынке целлофана в США — компании Dupont. Как отмечалось, суть «целлофановой проблемы» заключается в том, что монополист, имеющий возможность устанавливать завышенную цену, уже действует на участке эластичного спроса. В результате при повышении цены масштаб переключения оказывается таким значительным, что такое повышение заведомо невыгодно монополисту. В результате границы рынка определяются чрезмерно широко, что в результате повышает вероятность ошибки II рода в правоприменении — отсутствие факта нарушения по причине отсутствия возможности (в данном случае — доминирования компании на рынке).

Содержательно интерпретируя данную ситуацию, можно утверждать, что когда изначальная цена завышена в результате реализации рыночной власти фирмы, потребители рассматривают в качестве взаимозаменяемых такие товары, которые они не стали бы рассматривать, будь изначальная цена конкурентной. Таким образом, делается парадоксальный вывод, что тест гипотетического монополиста неприменим по отношению к продукции фактического монополиста. Вместе с тем в действительности тест может быть применен, однако базовую цену, к которой в рамках теста прибавляется 5–10%, необходимо корректировать и использовать вместо фактической цены аналитически сконструированный аналог конкурентной цены. В то же время такой подход может быть связан с усложнением теста, если он проводится по итогам опроса потребителей: помимо того, что потребителям необходимо сделать предположение о своем поведении в ответ на гипотетическое повышение цен, им придется дополнительно исходить из того, что гипотетическое повышение применяется к гипотетической цене на рынке.

В литературе встречаются указания на ограничения теста гипотетического монополиста в связи с тем, что он зачастую проводится по итогам опросов. В частности, важно обеспечение репрезентативности и достаточности выборки потребителей, если сплошной опрос потребителей оказывается невозможен. Но большое значение имеет и сама фор-

мулировка вопроса. Так, в Приказе-220 прописан конкретный вопрос, который должен задаваться в рамках теста, что позволяет снизить разночтения относительно методологии проведения теста. Однако практика показывает, что восприятие вопроса в такой формулировке может быть затруднительным для потребителя.

Иногда потребителям оказывается сложно вычленить цену услуги (или товара) в наборе, если, например, услуга является составной частью комплексной услуги (например, услуга завершения вызова на номер определённого оператора; тариф, часть которого составляет комиссия; и т.д.). В целом возможность такой ситуации — затрудненности для потребителя воспринять повышение цены на 5–10% в случае очень дешевого товара или товара, который составляет очень маленькую долю в стоимости комплексного товара, становится одной из причин, по которой антимонопольному органу должно быть доступно больше свободы в «шаге» повышения цены в рамках теста. При более существенном «шаге» теста или при повышении цены на 5–10% на весь комплексный товар, а не на его часть, стоит ожидать более существенной реакции потребителей, чем при стандартном варианте теста.

При ответе на вопросы свою роль также могут сыграть когнитивные искажения, которые могут привести как к переоценке потребителями-физическими лицами масштабов своего переключения, так и к недооценке (табл.).

Таблица

Влияние когнитивных искажений на оценку склонности потребителей к переключению в рамках опросов

Тип искажения	Описание	Вероятное влияние на результат
Стратегическое искажение	Респонденты могут попытаться воздействовать на политику или на цены посредством своих ответов	Респонденты будут пытаться добиться снижения цен. Может привести к преувеличению склонности к переключению
Искажение с целью продемонстрировать себя с лучшей стороны	Потребители дают те ответы, которые, как им кажется, представят их в лучшем свете	Маловероятен значимый эффект в данном контексте
Гипотетическое искажение	Потребители по-разному ведут себя в ситуациях выбора, если речь идет о «гипотетических», а не реальных деньгах	В вопросах про гипотетические суммы денег могут продемонстрировать меньшую чувствительность к цене. Может привести к недооценке переключения
Эффект инерции	Потребители могут переоценивать свою готовность к переключению, поскольку недооценивают издержки переключения, собственную инерционность и т.д.	Вероятно преувеличение склонности к переключению
Искажения, связанные с представлением информации	Дизайн опроса может приводить к искажениям (например, эффект якоря)	Направление эффекта зависит от дизайна опроса и вопросов в нем. Может привести к завышенной или заниженной оценке склонности к переключению
Искажение в связи с неопределенностью	Респонденты дают некорректную информацию, поскольку не уверены в своих ответах	Может привести к завышенной или заниженной оценке склонности к переключению

Источник: Human Capital. (2009). Research Bias and the Hypothetical Monopolist Test: A Report from Human Capital. P. 10. www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0023/ 40883/annex_5.pdf.

Учитывая, что ответы потребителей носят гипотетический характер и могут отражать перечисленные выше когнитивные искажения, естественно желание использовать фактические исторические данные для оценки масштабов переключения и взаимозаменяемости. Однако с методологической точки зрения данный подход является некорректным, на что многократно указывали суды в США [*Harkrider*, 2009]. Есть несколько причин, по которым исторические данные о переключении могут не подходить для проведения теста гипотетического монополиста:

1) Анализ в рамках теста является перспективным; анализ исторических данных, по своей природе, — ретроспективным. Использование эконометрических методов может позволить строить прогнозы относительно будущего поведения на основании данных о прошлых событиях, а также выявить реакцию потребителей непосредственно на повышение цены анализируемого товара (при прочих равных), но, если для полноценного эконометрического анализа не хватает данных, то опора на исторические данные сопряжена с рядом проблем, рассматриваемых ниже;

2) Характер ситуации может не отвечать методологии теста: так, зачастую повышения цен товаров являются краткосрочными, в то время как в тесте подразумевается долгосрочность повышения, а цены других товаров (в том числе заменителей) не остаются неизменными, хотя в тесте подразумевается, что они не меняются.

3) Причины повышения цен могут быть связаны не с рыночной властью, а с повышением издержек, изменением валютных курсов, регулирования и т.д. Можно при этом предположить, что если в условиях, когда в ответ на повышение цены, обусловленное повышением издержек или не такое длительное, как требует тест, потребители переключаются с товара А на товар Б, то и в условиях повышения цен в результате реализации рыночной власти переключение будет иметь место и в не меньших масштабах. Но при этом обратное неверно: если переключение в результате повышения цен, вызванное ростом издержек или не такое длительное, как требует тест, не происходило, это не позволяет достоверно предполагать, что и в ответ на реализацию рыночной власти или при долгосрочном росте цены оно бы не произошло. Таким образом, исторические данные скорее можно интерпретировать для расширения границ рынка, но не сужения [*Harkrider*, 2009].

4) Тест предполагает соблюдение «прочих равных» условий, что невозможно обеспечить на исторических данных, причем направление искажения чрезвычайно трудно предсказать.

Помимо указанных выше ограничений, ещё одним недостатком теста является то, что способность потребителей дать адекватную оценку переключению требует от них действительным обладанием знанием об альтернативах и об их ценах. Данное условие может не составлять сложности, если речь идет о товарах повседневного использования. Однако оно превращается в более значительную проблему, если речь идет о рынках, где приобретение товара носит спорадический характер. Наконец, особый класс проблем — на рынках, где происходят частое изменение параметров товаров и предоставляемых услуг.

Учитывая перечисленные недостатки проведения теста гипотетического монополиста, логично поставить вопрос о возможных альтернативах. Таким альтернативным способом является эконометрическое моделирование. Оно может быть применено для широкого спектра целей, но чаще всего речь идет об оценке функции спроса и эластичностей спроса. Преимущества данного подхода в том, что он потенциально позволяет гораздо точнее оценивать эффекты, в том числе делать перспективный анализ на основе ретроспективных данных (в противоположность использованию исторических данных в качестве прямых оценок переключения в тесте гипотетического монополиста). Однако эконометрическое моделирование имеет и свои сравнительные недостатки. Хотя оно может обеспечивать, при прочих равных, наибольшую точность результата, данный подход одновременно сопряжен и с высокими требованиями — и к данным, и к квалификации специалиста, проводящего

оценку. Так, использование эконометрических доказательств означает, что впоследствии в случае оспаривания решения в суде суд должен будет оценивать качество проведенного анализа, а значит, и суды также должны обладать компетенциями в проведении такого рода анализа. Один из вариантов решения данного вопроса — ограничение возможностей вступления в силу актов антимонопольного органа, а также судебных решений в случае, если при рассмотрении дела не были оценены по существу результаты эконометрических исследований, полученные участниками.

Анализ критических потерь продаж

Анализ критических потерь продаж (CLA) [*Harris, Simons,* 1989] — способ операционализации теста гипотетического монополиста. Вопрос, на который нужно ответить: насколько должны упасть продажи, чтобы сделать повышение цены на x% невыгодным?

Для теста с гомогенным продуктом применяется следующая базовая формула [*Davis, Garcés,* 2009]:

$$\text{Критические потери (\%)} = \frac{X\,(\%)}{X\,(\%) + \text{Первоначальная маржа (\%)}},$$

где X — относительное изменение цены на товар, то есть отношение прироста цены к первоначальной цене.

То есть при использовании CLA рассчитывается максимальная величина сокращения объема продаж товара в результате повышения цены на него на 5–10%, которое не сопряжено с потерями прибыли. В том случае, когда фактический объем сокращения продаж больше критического, такое повышение цены не будет выгодным. То есть повышение цены не приведет к потерям для гипотетического монополиста, если его прибыль после повышения окажется не ниже, чем до повышения.

Рассмотренная базовая формула может быть скорректирована с учетом особенностей отрасли. Кроме того, CLA может быть проведен с учетом других характеристик продукта, отличных от цены.

Тем не менее проведение данного теста сопряжено с рядом ограничений, среди которых стоит выделить то, что тест, как правило, дает лучшие результаты в отраслях с более низкой рентабельностью. Применение CLA также сопряжено с рядом иных проблем, которые обсуждаются в [*Davis, Garcés,* 2009]. Во-первых, повышение цены на 5% может быть невыгодным для фирмы, однако рост цены на 50% может оказаться выгодным (в этом случае просто должно приниматься узкое определение границ рынка). Во-вторых, часто критические потери оказываются значительно меньше, чем падение продаж, которое в реальности наблюдается при увеличении цены на 5%, и поэтому повышение цены на 5% оказывается невыгодным. Однако если антимонопольным органом рассматривается фактическое снижение продаж, то нужно учитывать высокую вероятность наличия эндогенности для изменения продаж и цен. В-третьих, если прибыль до повышения цены высока, то каждая единица снижения продаж приводит к большему снижению прибыли, то есть критические потери оказываются относительно маленькими (то есть здесь проявляется «целлофановая проблема», когда фирма уже использует свою рыночную власть)[5]. В этом случае фирма сталкивается с низкой эластичностью спроса, поэтому её критические потери неве-

[5] Можно также представить ситуацию, в которой издержки в условиях конкуренции высоки относительно того уровня цены, при которой эластичность становится больше единицы. Тогда рентабельность невысока, но проблемы все равно не удается избежать. Однако этот класс ситуаций не связан с монопольно высокой ценой.

лики. Тогда предлагается следующее решение проблемы: фирма должна объяснить низкую эластичность спроса, чтобы антимонопольным органом были установлены более широкие границы рынка [*Davis, Garcés,* 2009].

Ещё одна из проблем CLA заключается в том, что он игнорирует масштабы переключения внутри группы товаров, которые входят в предварительно определенный товарный рынок. Например, чем выше перекрестная эластичность двух товаров, тем больше у объединенной фирмы стимулов повысить цену на один из них, поскольку она сможет получить выигрыш от высокого переключения потребителей первого товара на второй товар. В ТГМ гипотетический монополист, как правило, контролирует несколько продуктов (или продукт нескольких фирм). Как отмечается в [*Moresi, Salop, Woodbury*, 2019], нельзя ответить на вопрос о том, будет ли повышение цены выгодным, не учитывая перекрестные эластичности спроса между товарами, которые контролирует гипотетический монополист. Если же речь идет об анализе слияний, то поскольку оно расширяет набор контролируемых фирмой продуктов, также необходимо учитывать перекрестные эластичности, если есть цель оценить выгодность повышения цены после сделки. Стоит также принять во внимание, что значение критических потерь продаж существенно зависит от формы функции спроса: линейной, с постоянной эластичностью или другого вида функции.

Согласно [*Langenfeld, Li,* 2001], существуют два варианта CLA: основанный на максимизации прибыли (profit-maximizing) и основанный на безубыточности (break-even). Если размер повышения цены задан, то в первом случае CLA дает оценку верхней границе доли продаж, которую монополист готов потерять, если он повышает цену для максимизации прибыли. Во втором случае анализ дает оценку по верхней границе доли продаж, которую монополист готов потерять, чтобы избежать потерь от повышения цены. Хотя, как отмечается в [*Langenfeld, Li,* 2001], первый вариант больше соответствует предположению о максимизирующем прибыль поведении фирм, заложенному в основу методов анализа рынка, но второй вариант распространен больше, поскольку его проще анализировать, в том числе потому, что его применение не опирается на какие-либо предположения о функциональной форме кривой спроса, в отличие от первого варианта.

Ограничением выступает также необходимость использования в расчётах CLA сведений о маржинальности/рентабельности продаж [*Pittman*, 2018]. Во-первых, встает стандартный вопрос о расхождении бухгалтерских и экономических издержек. Во-вторых, в формуле CLA для оценки первоначальной маржи используются предельные издержки, которые чрезвычайно сложно рассчитать на практике и потому, что это предельные издержки, и потому, что в теории они ещё и экономические (вмененные). Обычно в качестве приближения предельных издержек используются переменные издержки, однако многие работы указывают на неточность такой замены. Помимо этого ставится под сомнение ориентация фирмы на краткосрочные предельные издержки (даже если они посчитаны корректно), если её целью является долгосрочная максимизация прибыли [*Simons, Coate,* 2014]. Кроме того, расчёт основывается на предположении о неизменности предельных издержек при условии сокращения выпуска, однако в действительности данное условие также может не соблюдаться (стандартной является предпосылка о возрастающей кривой предельных издержек, в частности при приближении к границам мощностей). Другой фактор, на который обращено внимание в [*Werden*, 2008] и [*Baumann, Godek,* 2009], заключается в том, что гипотетический монополист может не только поднимать цену, но сокращать выпуск асимметрично: например, перераспределяя выпуск на предприятия, производящие товар с относительно более низкими издержками, а предприятия с более высокими издержками приостанавливая.

Таким образом, с одной стороны, можно утверждать, что ТГМ и CLA — довольно условные методы оценки границ товарного рынка: среди экономистов-теоретиков существуют противоположные точки зрения на то, как именно необходимо их применять (исхо-

дить из повышения цены на один или все товары из предварительно определенных границ; требовать, чтобы небольшое повышение цены не приводило к снижению прибыли или максимизировало прибыль), для того чтобы применение данных методов согласовывалось с экономической теорией. С другой стороны, преимущества данных методов заключаются как раз в относительной простоте метода в его классическом виде, который как раз не основывается на каком-то специфическом наборе предпосылок о поведении фирм до предполагаемого нарушения или слияния (в отличие от работ [*Katz, Shapiro*, 2003; *Langenfeld, Li*, 2001]).

CLA напрямую не прописан в Приказе-220, однако его проведение подразумевается, исходя из формулировки теста гипотетического монополиста в приказе. Критерии расширения границ рынка или сохранения их в первоначально определенном виде прописаны в пункте 3.9 Приказа-220. Так, границы рынка определены правильно и не требуют расширения, если будет выявлена группа товаров, «в отношении которой выполняется хотя бы одно из приведенных ниже условий:

— гипотетическое увеличение цены на входящие в группу товары не ведет к их замене приобретателями на другие товары;
— гипотетическое увеличение цены на входящие в группу товары не обусловливает утрату продавцом (продавцами) выгоды от продажи таких товаров по увеличенной цене».

В ситуации, когда имеет место частичное переключение потребителей (переключаются не все, но часть потребителей), именно второй критерий является решающим. Для проверки данного критерия как раз и должен использоваться CLA как способ оценки выгодности/невыгодности повышения, т.е. влияния повышения цены на прибыль гипотетического монополиста (с примерами проведения CLA в рамках идеологии Приказа-220 можно ознакомиться в [*Katsoulacos, Avdasheva, Benetatou, Golovanova, Makri,* 2020; *Павлова, Курдин, Поляков*, 2021]).

Стоит отметить, что существуют также специфические ограничения на применение ТГМ и CLA для цифровых рынков. Данный вопрос в настоящее время активно обсуждается в литературе. Основные ограничения систематизированы в [*Шаститко, Маркова,* 2020], а варианты модификации существующих методов — в [*Pontual Ribeiro, Golovanova*, 2020][6].

Эмпирические подходы к оценке инструментов анализа рынка в антимонопольных целях

Рассмотрев некоторые основные методы, известные и широко используемые в других юрисдикциях для анализа рынков в целях применения антимонопольного законодательства, мы видим, что данные методы почти не характерны для российской практики. В чём может заключаться причина сравнительно меньшего их применения? Перед тем, как ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего понять, как можно эмпирически исследовать качество экономического анализа в антитрасте.

Действительно, основная проблема, препятствующая эмпирическому исследованию применения инструментов анализа рынка, — сложность в оценке качества и уместности примененного экономического анализа. Подобная оценка требует формирования экспертного мнения, которое можно было бы квантифицировать и для которого можно

[6] Стоит также отметить, что в отдельных случаях вместо методов определения границ рынка для оценки последствий слияний используют индексы повышательного давления на цену (UPP, GUPPI), идеи которых близки к ТГМ и CLA [*Moresi*, 2010; *Farrell*, *Shapiro*, 2010] и 18.CRA. Scoring Unilateral Effects with the GUPPI: The Approach of the New Horizontal Merger Guidelines // CRA Competition Memo. — August 31st, 2010.

обеспечить сравнимость между делами. Один из возможных подходов — оценка качества экономического анализа путем оценки затрачиваемых на его обеспечение ресурсов, т.е. проводить своеобразную оценку «на входе». Речь может идти о количестве и уровне квалификации привлекаемых специалистов-экономистов, а также о бюджетах, выделенных на проведение экономической экспертизы. Другой способ — оценка «на выходе», по результату. В рамках второго способа возможна субъективная оценка исследователей, проводящих анализ. Однако при таком подходе может возникнуть проблема с объективностью и воспроизводимостью результатов. Более объективный подход — констатировать наличие либо отсутствие применения экономического анализа в принципе или элементов его применения. Элементами в данном случае могут служить различные этапы проведения анализа состояния конкуренции на рынке (определение продуктовых границ, определение географических границ, анализ барьеров и т.п.), различные способы определения продуктовых и географических границ рынка (тест гипотетического монополиста, анализ корреляции цен и т.п.). Кроме того, речь может идти о применении экономического анализа к интерпретации поведения или оценке его эффектов (например, незаконно полученного дохода, ущерба, убытков).

Стоит также отметить, что использование инструментов экономического анализа с целью применения антимонопольного законодательства напрямую зависит от принятых правовых стандартов. В первом приближении речь идет о выборе между двумя «режимами» запретов в части антимонопольных норм: запретах per se и запретах на основании правила взвешенного подхода (rule of reason). Однако, как показывает [*Katsoulacos*, 2018], в действительности правовые стандарты в части антимонопольного законодательства более многообразны и скорее представляют из себя некоторый континуум форм между запретами per se и правилом взвешенного подхода в его «идеальном» варианте, при котором имеет место непосредственная оценка всех связанных с действием положительных и отрицательных эффектов.

При этом, если влияние сформированных судом правовых стандартов в системах с судебной схемой антимонопольного правоприменения (когда антимонопольный орган ведет расследование, но решение по делу принимает суд) кажется вполне логичным, то менее очевидно влияние судебных решений в случае, если речь идет о системе с административной схемой антимонопольного правоприменения (антимонопольный орган ведет расследование и принимает решение по делу; решение может быть оспорено в суде). Однако Я. Катсулакос (Katsoulacos), С. Авдашева, С. Голованова, Д. Корнеева и др. в серии работ демонстрируют, как решения судов могут формировать способы доказывания (в том числе с точки зрения применения экономического анализа), применяемые антимонопольным органом даже в административной системе антимонопольного правоприменения.

Передаточный механизм связан с целевой функцией антимонопольного органа. Зачастую при моделировании деятельности антимонопольного органа опираются на предположение, что антимонопольный орган нацелен на максимизацию общественного благосостояния (или благосостояния потребителей). Однако на практике более реалистичных результатов можно добиться, исходя из моделирования антимонопольного органа с использованием иной целевой функции: например, основанной на показателях, по которым на практике оценивается качество деятельности антимонопольного органа его принципалами. Далеко не всегда такие показатели основаны на каких бы то ни было мерах благосостояния[7]. В частности, целевая функция антимонопольного органа может быть связана с максимизацией репутации, один (если не определяющий) из элементов которой — подтверждение решений, принятых антимонопольным органом, в судах [*Katsoulacos*, 2019].

[7] Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Ключевые показатели эффективности деятельности антимонопольного ведомства // Бюллетень о развитии конкуренции. 2016, № 14. Июнь.

Для российского антимонопольного органа данный показатель также является одним из ключевых, по которому оценивается его деятельность. Он измеряется как доля отмененных судом решений в числе решений ФАС, обжалованных в судах[8]. Согласно данным самой ФАС России, в судебном порядке в 2019 г. было оспорено 48,4% решений антимонопольного органа, причем из этого числа было отменено лишь 11% решений.

В более ранних анализах зарубежной практики, в частности практики ЕС, хотя и не предлагалось полноценного эмпирического исследования правоприменительной практики, но тем не менее высказывались некоторые соображения о характере зависимости между правовым стандартом/экономическими доказательствами и вероятностью отмены решения антимонопольного органа в суде. Так, [*Neven*, 2006] указывал, что с усложнением стандарта вероятность отмены решения в суде уменьшается, так как там, где важную роль играют экономическая теория и экономические доказательства, больше и поле для ведения споров.

Как показано в работах [*Авдашева, Цыцулина, Сидорова*, 2015; *Avdasheva, Golovanova, Katsoulacos,* 2019], выбор ключевых показателей эффективности антимонопольного органа может исказить стимулы в правоприменении. В частности, ориентирование на снижение вероятности отмены решения в суде может иметь эффекты, аналогичные «палочной системе», когда растет количество дел, которые при этом отбираются таким образом, чтобы вероятность отмены решения по ним низка. При этом такие дела зачастую имеют и низкий положительный эффект для общества и потребителей. Стоит отметить, что выбор в пользу множества «маленьких» дел в том числе может быть следствием системы, которая требует реагировать на каждую поступающую жалобу [*Avdasheva, Kryuchkova*, 2015]. В результате ресурсов на расследование каждой жалобы остается мало, а это, в свою очередь, ведет к снижению стандартов доказывания (включая требования к экономическому анализу) и повышению вероятности ошибок I и II рода [*Avdasheva, Kryuchkova*, 2015]. Более того, в результате существующих стимулов значительную часть правоприменительной практики составляют дела, не относящиеся к антитрасту в строгом смысле — в частности, где критерием наличия нарушения является не ограничение конкуренции, а причинение ущерба [*Avdasheva, Golovanova, Korneeva*, 2016].

Вопрос связи качества и масштабов применения экономического анализа исследуется в [*Katsoulacos, Avdasheva, Golovanova*, 2016]. Показано, что максимизирующий репутацию антимонопольный орган ориентируется на правовые стандарты, заданные судом, и в конечном итоге может принимать решение о неоптимальном (с точки зрения общественного благосостояния) использовании экономических доказательств. Как показано в [*Avdasheva, Katsoulacos, Golovanova, Tsytsulina,* 2016], если использование более сложного экономического анализа приводит к увеличению вероятности отмены решения в суде (что наблюдается на выборке оспоренных в суде решений ФАС за 2008–2012 гг.), то задача повышения стандартов экономического анализа требует специальных целенаправленных усилий, поскольку стимулы внутри системы не способствуют её решению, если ни суды, ни стороны дела, ни эксперты, ни общественность не предъявляют спрос на повышение стандартов. В работе строится несколько индикаторов для оценки масштабов применения экономического анализа в делах, на основе которых делается вывод об отсутствии повышательного тренда по объему применяемых экономических доказательств во времени. При более подробном анализе показано, что единственный источник расширения масштабов применения экономического анализа — распространение требований «обязательного» экономического анализа (т.е. анализа, проведенного в соответствии с Приказом-220; структурного анализа) с типов нарушений, где такой анализ является необходимым условием доказательства нарушения (например, злоупотребление доминирующим положением),

[8] Там же.

на типы нарушения, где такой анализ по сути не является необходимым требованием (например, антиконкурентные соглашения).

В [*Avdasheva, Golovanova, Katsoulacos*, 2019] на данных 2008–2015 гг. продемонстрировано, что, хотя применение определенных инструментов анализа рынка является обязательным согласно Приказу-220 (например, тест гипотетического монополиста), антимонопольный орган не всегда использует их, а зачастую прибегает к сокращённому «неформальному» анализу рынка. Обнаружено, что судебная проверка может положительно влиять на стандарты экономического анализа, поскольку положительный результат в суде повышает вероятность применения поддержанных методов анализа в будущих расследованиях.

Связь применения экономического анализа и исхода судебной проверки решений на современном этапе представляется ещё более сложной. Стандарт, применяемый антимонопольным органам, не будет выше, чем стандарт, применяемый судом — но может быть ниже при соблюдении набора условий, которые могут быть характерны для юрисдикции с относительно короткой историей антимонопольного правоприменения [*Katsoulacos*, 2019]. На теоретическом уровне в [*Katsoulacos*, 2019] обосновывается U-образная форма зависимости между правовым стандартом (и связанным качеством экономических доказательств) и вероятностью отмены решения в суде. Данная зависимость затем проверяется эмпирически в [*Katsoulacos Avdasheva, Benetatou, Golovanova, Makri*, 2020] на данных ЕС, Франции, Греции и России. Для Греции и России U-образная форма зависимости подтверждается, т.е. до какого-то критического уровня усложнение правового стандарта способствует повышению вероятности отмены решения в суде, и лишь потом такая вероятность убывает (усложнение стандарта идет от per se запрета до полноценного правила взвешенного подхода с непосредственной оценкой эффектов). В ЕС наблюдается монотонная зависимость: с 1992 — 2017 гг. с усложнением стандарта вероятность отмены снижалась. Однако в целом в результате исследования было подтверждено, что экономический анализ играет достаточно ограниченную роль в расследованиях, особенно в странах, где правовые стандарты ближе к запрету per se. Но при этом в разных странах ситуация различается.

Заключение

В российской практике в настоящее время не используются многие известные из экономической теории и опробованные в зарубежной практике инструменты анализа границ товарных рынков в целях применения антимонопольного законодательства. В экономической теории известны и на практике применяются различные способы определения границ рынка, для каждого из которых характерны определенные ограничения. Данные ограничения — свои для каждого метода — на практике являются источником сравнительных преимуществ применения каждого из них в зависимости от конкретной ситуации и конкретного рынка, что, в свою очередь, обеспечивает снижение ошибок I и II рода в правоприменении.

Эмпирические исследования применения различных инструментов экономического анализа в антитрасте и качества экономического анализа в целом показывают, что несклонность применять широкий спектр методов, особенно в направлении усложнения экономического анализа, в действительности задается особенностями институциональной среды, внешней по отношению к собственно содержанию норм антимонопольного законодательства и методических документов антимонопольных органов. Таким образом, повышение стандарта экономического анализа в антимонопольном регулировании — комплексная задача, которая требует усилий в части целенаправленных институциональных изменений сразу по нескольким направлениям.

ЛИТЕРАТУРА

Авдашева С.Б., Цыцулина Д.В., Сидорова Е.Е. (2015). Применение ключевых показателей эффективности для ФАС России: анализ на основе статистики судебных решений // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 7–34.

Павлова Н., Курдин А., Поляков Д. (2021). App Store: границы рынка и рыночная власть Apple // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 103–127.

Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2020). Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. № 6. С. 37–55.

Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. (2019*a*). The Impact of Performance Measurement on the Selection of Enforcement Targets by Competition Authorities: The Russian Experience in an International Context // Public Performance & Management Review. Vol. 42. No. 2. Pp. 329–356.

Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. (2019*b*). The role of judicial review in developing evidentiary standards: The example of market analysis in Russian competition law enforcement // International Review of Law and Economics. Vol. 58. Pp. 101–114.

Avdasheva S., Golovanova S., Korneeva D. (2016). Distorting effects of competition authority's performance measurement: the case of Russia // International Journal of Public Sector Management. Vol. 29. No. 3. Pp. 288–306.

Avdasheva S., Katsoulacos Y., Golovanova S., Tsytsulina D. (2016). Economic Analysis in Competition Law Enforcement in Russia: Empirical Evidence Based on Data of Judicial Reviews // Competition Law Enforcement in the BRICS and in Developing Countries, International Law and Economics / Eds. F. Jenny, Y. Katsoulacos. Switzerland: Springer International Publishing. Pp. 263–287.

Avdasheva S., Kryuchkova P. (2015). The 'reactive' model of antitrust enforcement: When private interests dictate enforcement actions. The Russian case // International Review of Law and Economics. Vol. 43. Pp. 200–208.

Baumann M., Godek P. (2009). Reconciling the Opposing Views of Critical Elasticity // GCP: Antitrust Chron. September. www.competitionpolicyinternational.com/reconciling-the-opposing-views-of-critical-elasticity (дата обращения: 25.02.2021).

Daljord Ø., Sørgard L. (2011). Single-product versus uniform SSNIPs // International Review of Law and Economics. Vol. 31. No. 2. Pp. 142–146.

Davis P., Garcés E. (2009). Quantitative techniques for competition and antitrust analysis. Princeton: Princeton University Press.

Farrell J., Shapiro C. (2010). Antitrust Evaluation of Horizontal Mergers: An Economic Alternative to Market Definition // The B.E. Journal of Theoretical Economics. Vol. 10. No. 1 (Policies perspectives). Pp. 1–41.

Harkrider J. (2004). Operationalizing the Hypothetical Monopolist Test. FTC/DOJ Joint Workshop on Merger Enforcement. https://www.justice.gov/atr/operationalizing-hypothetical-monopolist-test.

Harris B., Simons J. (1989). Focusing Market Definition: How Much Substitution is Necessary? // Research in Law and Economics. Vol. 12. Pp. 207–226.

Katsoulacos Y. (2018). Considerations Determining the Extent of Economic Analysis and the Choice of Legal Standards in Competition Law Enforcement // Competition Authorities in South Eastern Europe. Contributions to Economics / Eds. Begović B., Popović D. Cham, Switzerland: Springer. Pp. 133–153.

Katsoulacos Y. (2019). On the choice of legal standards: a positive theory for comparative analysis // European Journal of Law and Economics. Vol. 48. Pp. 125–165.

Katsoulacos Y., Avdasheva S., Benetatou K., Golovanova S., Makri G. (2020). The role of economics: testing for the extent of effects-based enforcement and its relation to the judicial review in different countries: Working Paper. www.cresse.info/uploadfiles/Empirical_analysis_of_LSs_in_different_countries_260420.pdf. Дата обращения: 25.02.2021.

Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2016). Legal standards and the role of economics in Competition Law enforcement // European Competition Journal. Vol. 12. No. 2–3. Pp. 277–297.

Katsoulacos Y., Pavlova N., Shastitko A. (2020). Delineating market boundaries in the Russian mass notification market: An application of critical loss analysis // Russian Journal of Economics. No. 6(2). Pp. 177–195.

Katz M., Shapiro C. (2003). Critical Loss: Let's Tell the Whole Story. Antitrust, Spring 2003. www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/04/Katz-Shapiro-Critical-Loss-Lets-Tell-the-Whole-Story-2003.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

Langenfeld J., Li W. (2014). Asymmetric Price Increase in Critical Loss Analysis: A Reply to Daljord, Sørgard, and Thomassen // Journal of Competition Law & Economics. Vol. 10. No. 2. Pp. 495–503.

Langenfeld J., Li W. (2001). Critical Loss Analysis in Evaluating Mergers // The Antitrust Bulletin. Vol. 46. No. 2. Pp. 299–337.

Mandrescu D. (2018). The SSNIP Test and Zero-Pricing Strategies: Considerations for Online Platforms // European Competition and Regulatory Law Review (CoRe). Vol. 2. No. 4. Pp. 244–257.

Moresi S. (2010). The Use of Upward Price Pressure Indices in Merger Analysis // The Antirust Source. www.crai.com/sites/default/files/publications/the-use-of-UPPIs-in-merger-analysis%20-%20Moresi%20-%20Feb%202010.pdf (дата обращения: 25.02.2021).

Moresi S., Salop S., Woodbury J. (2019). Market Definition and Multi-Product Firms in Merger Analysis. Chapter 1 // Antitrust Economics for Lawyers. New York: LexisNexis. store.lexisnexis.com/products/antitrust-economics-for-lawyers-skuSKU02369 (дата обращения: 25.02.2021).

Neven D. (2006). Competition economics and antitrust in Europe // Economic Policy. Vol. 21. No. 48. Pp. 742–791.

Newman J. (2015). Antitrust in Zero-Price Markets: Foundations // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 164. papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2474874 (дата обращения: 25.02.2021).

Pittman R. (2018). Three Economist's Tools for Antitrust Analysis: A Non-technical Introduction // Competition Authorities in South Eastern Europe. Contributions to Economics / Eds. B. Begović, D. Popović. Cham, Switzerland: Springer. Pp. 155–172.

Pontual Ribeiro E., Golovanova S. (2020). A unified presentation of competition analysis in twosided markets // Journal of Economic Surveys. Vol. 34. No. 3. Pp. 1–24.

Scherer F.M. (2009). On the Paternity of a Market Delineation Approach. January 12 // AAI Working Paper #09-01. www.antitrustinstitute.org/work-product/aai-working-paper-no-09-01-on-the-paternity-of-a-market-delineation-approach (дата обращения: 25.02.2021).

Simons J., Coate M. (2014). United States v. H&R Block: An Illustration of the DOJ's New but Controversial Approach to Market Definition // Journal of Competiton Law and Economic. Vol. 10. Pp. 543–580.

Werden G. (2008). Beyond Critical Loss: Tailored Application of the Hypothetical Monopolist Test // Competition Policy International. No. 02–9. Pp. 69–78.

Павлова Наталья Сергеевна
pavl.ns@yandex.ru

Natalia Pavlova
PhD (economics), Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
pavl.ns@yandex.ru

Шаститко Андрей Евгеньевич
aes99@yandex.ru

Andrey Shastitko
Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Faculty of Economics, Moscow State University; Director of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
aes99@yandex.ru

MARKET ANALYSIS METHODS FOR COMPETITION LAW ENFORCEMENT: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS[9]

Abstract. The article assesses how fully the Russian practice of applying antimonopoly legislation uses the potential of methods of market definition that are well-known from economic theory and applied in other countries. The article designs recommendations for improving the familiar methods of market definition. The study presents a detailed comparative description of the options for conducting the SSNIP test and the algorithm for critical loss analysis. The results of a number of empirical studies are summarized, which allows to come to conclusion why some methods of market analysis remain unclaimed in the Russian (and foreign) antitrust.

Keywords: *market definition, SSNIP test, critical loss analysis.*
JEL: K21, L22.

[9] The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program.

REFERENCES

Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. (2019). The Impact of Performance Measurement on the Selection of Enforcement Targets by Competition Authorities: The Russian Experience in an International Context // *Public Performance & Management Review*. Vol. 42. No. 2. Pp. 329–356.

Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. (2019). The role of judicial review in developing evidentiary standards: The example of market analysis in Russian competition law enforcement // *International Review of Law and Economics*. Vol. 58. Pp. 101–114.

Avdasheva S., Golovanova S., Korneeva D. (2016). Distorting effects of competition authority's performance measurement: the case of Russia // *International Journal of Public Sector Management*. Vol. 29. No. 3. Pp. 288–306.

Avdasheva S., Katsoulacos Y., Golovanova S., Tsytsulina D. (2016). Economic Analysis in Competition // Law Enforcement in Russia: Empirical Evidence Based on Data of Judicial Reviews / F. Jenny, Y. Katsoulacos (eds.), *Competition Law Enforcement in the BRICS and in Developing Countries, International Law and Economics*. — Switzerland: Springer International Publishing. Pp. 263–287.

Avdasheva S., Kryuchkova P. (2015). The 'reactive' model of antitrust enforcement: When private interests dictate enforcement actions — The Russian case // *International Review of Law and Economics*. Vol. 43. Pp. 200–208.

Avdasheva S.B., Tsytsulina D.V., Sidorova E.E.(2015). Primenenie kljuchevyh pokazatelej jeffektivnosti dlja FAS Rossii: analiz na osnove statistiki sudebnyh reshenij [The use of key performance indicators for the FAS: analysis based on the statistics of adjudications] // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. No. 3. Pp. 7–34. (In Russ.)

Baumann M., Godek P. (2009). Reconciling the Opposing Views of Critical Elasticity // *GCP: Antitrust Chron*. — September. https://www.competitionpolicyinternational.com/reconciling-the-opposing-views-of-critical-elasticity (date of the Application: 25.02.2021).

Daljord Ø., Sørgard L. (2011). Single-product versus uniform SSNIPs // *International Review of Law and Economics*. Vol. 31. No. 2. Pp. 142–146.

Davis P., Garcés E. (2009). *Quantitative techniques for competition and antitrust analysis*. Princeton: Princeton University Press.

Farrell J., Shapiro C. (2010). Antitrust Evaluation of Horizontal Mergers: An Economic Alternative to Market Definition // *The B.E. Journal of Theoretical Economics*. Vol. 10, No.1 (Policies perspectives). Pp. 1–41.

Harkrider J. (2004). *Operationalizing the Hypothetical Monopolist Test. FTC/DOJ Joint Workshop on Merger Enforcement*. www.justice.gov/atr/operationalizing-hypothetical-monopolist-test (date of the Application: 25.02.2021).

Harris B., Simons J. (1989). Focusing Market Definition: How Much Substitution is Necessary? // *Research in Law and Economics*. Vol. 12. Pp. 207–226.

Katsoulacos Y. (2018). *Considerations Determining the Extent of Economic Analysis and the Choice of Legal Standards in Competition Law Enforcement*. // *Competition Authorities in South Eastern Europe. Contributions to Economics* / Eds. Begović B., Popović D. Cham, Switzerland: Springer. Pp. 133–153.

Katsoulacos Y. (2019). On the choice of legal standards: a positive theory for comparative analysis // *European Journal of Law and Economics*. Vol. 48. Pp. 125–165.

Katsoulacos Y., Avdasheva S., Benetatou K., Golovanova S., Makri G. (2020). *The role of economics: testing for the extent of effects-based enforcement and its relation to the judicial review in different countries. Working Paper*. www.cresse.info/uploadfiles/Empirical_analysis_of_LSs_in_different_countries_260420.pdf (date of the Application: 25.02.2021).

Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2016). Legal standards and the role of economics in Competition Law enforcement // *European Competition Journal*. Vol. 12. No. 2–3. Pp. 277–297.

Katsoulacos Y., Pavlova N., Shastitko A. (2020). Delineating market boundaries in the Russian mass notification market: An application of critical loss analysis // *Russian Journal of Economics*. No. 6(2). Pp. 177–195.

Katz M., Shapiro C. (2003). Critical Loss: Let's Tell the Whole Story. *Antitrust*, Spring 2003. www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/04/Katz-Shapiro-Critical-Loss-Lets-Tell-the-Whole-Story-2003.pdf (date of the Application: 25.02.2021).

Langenfeld J., Li W. (2014). Asymmetric Price Increase in Critical Loss Analysis: A Reply to Daljord, Sørgard, and Thomassen // *Journal of Competition Law & Economics*. Vol. 10. No. 2. Pp. 495–503.

Langenfeld J., Li W. (2001). Critical Loss Analysis in Evaluating Mergers // *The Antitrust Bulletin*. Vol 46. No. 2. Pp. 299–337.

Mandrescu D. (2018). The SSNIP Test and Zero-Pricing Strategies: Considerations for Online Platforms // *European Competition and Regulatory Law Review* (CoRe). Vol. 2. No. 4. Pp. 244–257.

Moresi S. (2010). The Use of Upward Price Pressure Indices in Merger Analysis // *The Antirust Source*. www.crai.com/sites/default/files/publications/the-use-of-UPPIs-in-merger-analysis%20-%20Moresi%20-%20Feb%202010.pdf (date of the Application: 25.02.2021).

Moresi S., Salop S., Woodbury J. (2019). *Market Definition and Multi-Product Firms in Merger Analysis. Chapter 1 // Antitrust Economics for Lawyers*. New York: LexisNexis. store.lexisnexis.com/products/antitrust-economics-for-lawyers-skuSKU02369.

Neven D. (2006). Competition economics and antitrust in Europe // *Economic Policy*. Vol. 21. No. 48. Pp. 742–791.

Newman J. (2015). Antitrust in Zero-Price Markets: Foundations // *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 164. papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2474874 (date of the Application: 25.02.2021).

Pittman R. (2018). *Three Economist's Tools for Antitrust Analysis: A Non-technical Introduction* // *Competition Authorities in South Eastern Europe. Contributions to Economics* / Eds. B. Begović, D. Popović D. Cham, Switzerland: Springer. Pp. 155–172.

Pavlova N., Kurdin A., Poljakov D. (2021) App Store: granicy rynka i rynochnaja vlast' Apple [App Store: market boundaries and market power of Apple] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 6. Jekonomika. No. 1. Pp. 103–127. (In Russ).

Pontual Ribeiro E., Golovanova S. (2020). A unified presentation of competition analysis in twosided markets // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 34. No. 3. Pp. 1–24.

Scherer F.M. (2009). *On the Paternity of a Market Delineation Approach*. January 12. // AAI Working Paper #09-01. www.antitrustinstitute.org/work-product/aai-working-paper-no-09-01-on-the-paternity-of-a-market-delineation-approach (date of the Application: 25.02.2021).

Shastitko A.E., Markova O.A. (2020). Staryj drug luchshe novyh dvuh? Podhody k issledovaniju rynkov v uslovijah cifrovoj transformacii dlja primenenija antimonopol'nogo zakonodatel'stva [An old friend is better than two new ones? Approaches to market research in the context of digital transformation for the antitrust laws enforcement] // *Voprosy ekonomiki*. No. 6. Pp. 37–55. (In Russ).

Simons J., Coate M. (2014). United States v. H&R Block: An Illustration of the DOJ's New but Controversial Approach to Market Definition // *Journal of Competiton Law and Economic*. Vol. 10. Pp. 543–580.

Werden G. (2008). Beyond Critical Loss: Tailored Application of the Hypothetical Monopolist Test // *Competition Policy International*. No. 02-9. Pp. 69–78.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

С.С. Качковский
главный специалист Службы внутреннего аудита и контроля, Государственное унитарное предприятие «Московский метрополитен имени В.И. Ленина» (Москва)

ДЕНЬГИ, ВЛАСТЬ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ (в продолжение дискуссии о социальных порядках В.М. Ефимова и С.Г. Кирдиной-Чэндлер)

Аннотация. Данная работа обязана своему появлению дискуссии между С.Г. Кирдиной-Чэндлер и В.М. Ефимовым, нашедшей отражение на страницах журнала в 2018–2020 гг. В статье предлагаются уточнения и пояснения к концепции монетарного социального порядка, предложенной В.М. Ефимовым, позволяющие с большей уверенностью говорить о реальном существовании такого порядка, а также отказаться от дополнительного понятия патронального социального порядка, применяемого им в отношении постсоветской России, с целью упрощения дальнейшей дискуссии и лучшей фокусировки на объекте исследования. Далее, с целью восполнения теоретического пробела в понимании механики воспроизводства денег и товаров в экономике при монетарном социальном порядке, приводится упрощенная модель воспроизводственного цикла, которая позволяет проследить источник склонности системы к перепроизводству долгов и другие важные системные недостатки, провоцирующие регулярные кризисные явления. Альтернативная монетарному социальному порядку концепция «суверенных денег» Й. Хубера, предлагаемая В.М. Ефимовым, которую действительно рассматривают в качестве таковой уже на правительственном уровне в ведущих странах Европы, позволяет теоретически устранить некоторые пороки современной монетарной системы, но обладает существенными недостатками главным образом из-за ее сосредоточенности на вопросах управления деньгами, а не вопросе власти и общественного развития в целом. Для всех заинтересованных в нормативной теории предлагается иное видение альтернативных путей развития денежной сферы и общественных отношений, а также ключевые проблемы, решение которых может способствовать реальной, а не фиктивной демократизации общества.

Ключевые слова: *монетарный социальный порядок, суверенные деньги, свободные деньги, власть, разделение труда.*
JEL: B40, B59, D63.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_23_34.

Важно отметить, что оба автора (В.М. Ефимов и С.Г. Кирдина-Чэндлер) недавно возникшей дискуссии о социальных порядках и подходах к научному исследованию вообще, согласны с «методологической традицией экономической дисциплины игнорировать деньги» [*Ефимов*, 2018. С. 7]. Развернутое и убедительное пояснение этого тезиса, выдвинутого В.М. Ефимовым, представлено С.Г. Кирдиной-Чэндлер в её статье [*Кирдина-Чэндлер*, 2019], и он не вызывает существенных и обоснованных возражений. Кроме того, авторы действительно возвращают нас в важное для исследователей междисциплинарных проблем русло политической экономии, всячески подчеркивая важность социальных институтов в анализе экономических вопросов.

Идея монетарного социального порядка имеет прочную связь с окружающей действительностью, и эта связь нуждается в более подробном описании. А представителям нормативной науки, несомненно, будет интересно рассмотреть признаки иных форм социальных порядков, ровно как и недостатки предлагаемой Й. Хубером модели «суверенных денег», с которой многих читателей журнала познакомил В.М. Ефимов.

Уточнение к концепции монетарного социального порядка

Говоря о монетарном социальном порядке, как о «*социальном порядке с безраздельной властью тех, кто производит и контролирует деньги (финансовые капиталисты), и тех, кто их использует для найма работников (промышленные капиталисты)*» [*Ефимов*, 2018. С. 9], по-видимому, не стоит делать особых оговорок для постсоветской России, наделяя её социальный порядок эпитетом «патрональный», так как в России иного источника денег, помимо банков, не существует, а используют деньги в своей деятельности те же самые промышленные (и не только промышленные) капиталисты. Деньги производятся, контролируются и используются финансово-промышленными группами для осуществления собственной власти, а остальные черты, будь то большее или меньшее вовлечение административного аппарата, подкрепление этой власти искусной пропагандой и (или) откровенным насилием, представляются вторичными.

Существование монетарного социального порядка подтверждается объективными данными. Говоря о мировой экономике, стоит отметить исследование швейцарских экономистов и социологов во главе с Джеймсом Глаттфельдером и Стефано Баттистоном, которые выявили, что мировая структура собственности замыкается приблизительно на 147 компаний и группируется вокруг крупнейших инвестфондов и банков [*Glattfelder, Battiston*, 2019]. На интернет-сайтах фондовых бирж (например, NASDAQ) можно увидеть, кто держит акции крупнейших компаний мира из любых секторов со стороны институциональных инвесторов: это одни и те же группы фондов и инвестиционных банков, часто связанные друг с другом перекрестным владением акций. Наиболее выделяются в этих группах фонды, связанные с инвестиционными компаниями The Vanguard Group и BlackRock, Inc., в совокупности управляющие активами, стоимость которых в долларовом выражении находится приблизительно на уровне годового ВВП США или Китая.

В отношении России следует отметить следующие важные обстоятельства: по данным Минфина России, доля нефтегазовых доходов в доходах бюджета РФ в среднем за период 2014–2019 гг. составляла 43%[1], а в 2019 г. глава крупнейшей российской нефтегазовой компании и влиятельный политик И.И. Сечин заявил, что иностранный капитал (прежде всего США) получил контроль над алюминиевой, никелевой, медной, платиновой, палладиевой и другими сегментами российской промышленности, связанными с добычей и производством цветных и драгоценных металлов[2]. Поскольку подавляющая часть указанных ресурсов имеет экспортную направленность, главным источником поступления денег в экономику РФ являются международные финансово-промышленные группы. А импортированными в обмен на ресурсы деньгами уже местные финансово-промышленные группы распоряжаются в пределах своей компетенции, в которую, похоже, не входит развитие местной промышленности. Так, износ основных фондов в экономике РФ составляет 50–70%[3,4] , что означает полную неспособность наращивания капитала в будущем. В рамках монетарного социального порядка, по оценке Счетной Палаты РФ, потребуется свыше 4 трлн руб.[5] только лишь для того, чтобы на время остановить стремительный износ

---

[1] Краткая информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]: Официальный сайт МинФин России. minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhetadannye_s_1_yanvarya_2006_g.

[2] США получили контроль над «Русалом» при помощи санкций, заявил Сечин. ria.ru/20190606/1555313757.html.

[3] *Анастасия Башкатова.* Отечественная экономика наполовину изношена // Независимая газета. Счетная палата Российской Федерации. old.ach.gov.ru/press_center/publications-in-mass-media/31694?sphrase_id=12348459.

[4] Сборник докладов, Международный форум по промышленной безопасности. conference.gce.ru/images/cms/data/archive/xiv_2016/sbornik_doc_2016.pdf.

[5] *Александр Трушин.* Дело на 38 триллионов. www.kommersant.ru. www.kommersant.ru/doc/3566436.

и предотвратить чрезвычайные ситуации, подобные недавнему разливу нефтепродуктов на норильской ТЭЦ-3 (масштаб бедствия — федеральный). Эти факты усугубляют и без того колоссальную зависимость РФ от поступления валюты из-за границы.

Производство и контроль над деньгами есть монополия банковских институтов, а сами деньги (по крайней мере, в их современной форме), очевидно, имеют долговую природу, т.е. являются своего рода долговыми расписками, преимущественно электронными. Чтобы новые деньги появились в экономике, они должны быть сначала «произведены» банком в форме выдачи кредита. Контролирует ли банк заемщика? Да, поскольку невозврат долга («производство» которого, в сущности, ничего банку не стоило) влечет претензии банка в отношении имущества заемщика. Реализация таких претензий приводит к накоплению т.н. «непрофильных активов» у банков. Кредитные договоры на крупные суммы также часто включают требования к финансовым и операционным показателям деятельности заемщика, по которым заемщик должен регулярно отчитываться перед банком, и в этом смысле банк оказывает прямое влияние на управление бизнесом, т.к. несоблюдение этих требований влечет штрафы, отказ в дальнейшем финансировании и проч. Для многих предприятий отказ банков в финансировании означает скорое банкротство, а решение о выдаче или невыдаче кредита принимает только банк, и деньги должны идти только на цели, установленные договором с банком. Все это в совокупности говорит о действительной власти банков над производством материальных и нематериальных благ в условиях современной капиталистической экономики. Очевидно также, что крупнейшие промышленные и бизнес-группы оказывают значительное влияние, по крайней мере, на дальнейшее распределение первоначально созданного долга. Так, в своем отчете ЦБ РФ указывает, что в РФ «порядка 35% совокупного долга сектора приходится на 92 крупнейшие компании»[6]. Имеется в виду частный корпоративный сектор. Этот долг, символически выраженный в деньгах, далее распределяется крупнейшими предприятиями по обычной цепочке производственного цикла.

Перечисленные выше факты позволяют с большей уверенностью говорить о действительном существовании монетарного социального порядка как на условном Западе, так и в России, причем в приведенном выше контексте установленный в России порядок следует понимать как производный.

Взаимосвязь денежного и производственного циклов, системная склонность банковских институтов к перепроизводству долгов и последствия такой склонности

При ознакомлении с записью дискуссии на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований в НИУ-ВШЭ 21 мая 2019 г., в которой М.В. Ефимов и С.Г. Кирдина-Чэндлер принимали деятельное участие, складывается впечатление, что многим участникам осталась не до конца понятна связь процесса создания денег с воспроизводственным циклом в реальном секторе, а также процесс создания денег частными банками. Рассмотрим максимально упрощенную модель такой связи в рамках одного полного цикла, которая позволит представить, каким образом развивается система при повторных итерациях. Положим, существует только центральный банк (ЦБ) и два частных банка (Б1 и Б2). Также есть две частные компании (К1 и К2). В обоих банках и в обеих компаниях заняты работники, они же потребители. Пока что ничего не произведено: ни товаров, ни денег. Допустим, потребители нуждаются в деревянных стульях. Для этой цели работники

[6] О возможных макропруденциальных мерах по ограничению долговой нагрузки нефинансовых организаций. www.cbr.ru. www.cbr.ru/Content/Document/File/71241/Consultation_Paper_190410.pdf.

К2 добудут древесину (и единственным расходом К2 будет оплата труда), а работники К1 доведут эту древесину до состояния готового продукта (соответственно, расходы К1 помимо оплаты труда будут включать еще материалы от К1). Мотив извлечения прибыли полностью игнорируется, а проценты по банковским кредитам идут исключительно на оплату труда банковских сотрудников. Процесс производства товаров и денег будет строиться при монетарном социальном порядке следующим образом:

1) К1 обращается в Б1 за деньгами для начала производства стульев. Б1 запрашивает у ЦБ 1 000 денежных единиц под 5% и выдает К1 1 000 денежных единиц под 10%;

2) К1 выделяет из них 500 д.е. на закупку древесины у К2, а оставшиеся 500 д.е. направляет на заработную плату своих работников, которые размещают эту сумму на своих счетах в Б1;

3) Работники К2 добывают древесину, а полученные за нее 500 д.е. расходуются на заработную плату, которую работники К2 размещают на своих счетах в Б2. Древесина поставляется в К1 для дальнейшей обработки;

4) Работники К1 из полученной древесины собирают стулья, и К1 размещает их на рынке по цене 1 100 единиц, предполагая 100 д.е. в дальнейшем направить на оплату процентов банку;

5) Работники К1 и К2, имея на счетах в Б1 и Б2 по 500 д.е., покупают стулья на сумму 1 000 д.е.;

6) К1, имея теперь выручку 1 000 д.е., погашает кредит от Б1 на ту же сумму;

7) Б1 возвращает ЦБ исходный долг 1000 д.е.;

8) ЦБ выплачивает заработную плату своим работникам в размере 50 д.е. и те покупают стулья на ту же сумму у К1;

9) К1 возвращает эти 50 д.е. Б1 в оплату процентов;

10) Б1 направляет 50 д.е. на заработную плату своим сотрудникам, которые покупают оставшиеся стулья на ту же сумму у К1;

11) К1 полностью гасит проценты Б1 последним платежом 50 д.е. Цикл завершен.

В этой простейшей модели стоит отметить следующие важные моменты:

— производственный цикл начинается в момент создания долга перед банком («выдача» кредита производителю) и завершается его погашением;

— необходимым условием бесперебойной работы цикла является отсутствие сбережений. В противном случае исходный долг не вернется банку и возникнет кризис платежеспособности, а впоследствии платежеспособность так или иначе будет «восстановлена» опять же увеличением кредитования и долга.

В интересном положении после завершения третьего этапа цикла оказывается Б2: получив на свои счета 500 д.е. от работников К2, он сталкивается с дилеммой: ждать, когда работники клиента (К2) обнулят баланс по своим счетам, потратив средства на покупку стульев, или воспользоваться этими средствами. В нашем примере проценты по выданным кредитам банки используют исключительно для оплаты труда своих сотрудников, в реальности же ведущим мотивом является также стремление к максимизации прибыли. В любом случае, Б2 выдаст новый кредит на 500 д.е. и, более того, имеет на это полное право. Проблема заключается в том, что полученные этим банком 500 д.е. есть лишь часть исходного кредита в 1 000 д.е., созданного ЦБ и Б1. Таким образом и происходит создание денег (долга) «из ничего» в частном банковском секторе: исходный долг в 1 000 д.е. спровоцировал создание еще 500 д.е. долга, но уже не исходя из потребностей в реальном производстве и потреблении, а просто из факта своего существования. В аналогичном положении оказывается и ЦБ: во-первых, решение выдавать деньги под проценты уже само по себе продуцирует дополнительную сумму долга, а во-вторых, описанная ситуация с «клонированием» долгов усугубляет дисбаланс. Поэтому банковская система сверху донизу пронизана стимулом долговой экспансии, постоянного увеличения производства долгов.

К чему приводит системная склонность к перепроизводству долговых денег? Поскольку долг растет быстрее реального производства и потребностей, происходят либо банкротства банков и предприятий, следствием которых является дальнейшая концентрация и централизация финансово-промышленного капитала (более крупные игроки присваивают активы мелких и средних), либо постепенное наполнение экономики «плохими долгами» и последующие банкротства. Чрезмерное наполнение экономики деньгами также вызывает инфляцию. Перечисленные явления и их производные при должном масштабе (а масштаб — лишь вопрос времени) часто характеризуют то, что называется финансовым кризисом.

Таким образом, банки не только контролируют производственный цикл во всех отраслях экономики с помощью денег, но и побуждают другие предприятия к постоянному расширению деятельности и экспансии на новые рынки, причем такое расширение продиктовано в высокой степени не реальными потребностями производства и потребления, а врождённой потребностью банков в продуцировании долгов. Логичным следствием такой системы являются финансовые кризисы, которые позволяют списать «плохие долги» и обеспечивают дальнейший процесс концентрации и централизации финансово-промышленного капитала в руках узкой группы лиц, т.к. кризисы всегда приводят к поглощению имущества «банкротов», как правило, из числа мелких и средних предприятий и физических лиц в пользу крупных держателей капитала.

«Суверенные деньги» как альтернатива современной денежной системе: недостатки

Упомянутая выше проблема системной склонности банковских институтов к необоснованному перепроизводству долгов уже хорошо осознается и, судя по высказываниям Мервина Кинга (работавшего в Банке Англии в течение 21 года, из них последние 10 в качестве председателя), которые цитирует В.М. Ефимов, даже оформляется в некую новую политику, которая, возможно, придет на смену нынешней денежной системе.

Исследование компании, члена международной аудиторско-консультационной группы КПМГ, под названием «Денежная эмиссия: альтернативные денежные системы» [*KPMG*, 2016], дает краткий обзор дискуссий по описанной выше проблематике:

— обсуждение в Конгрессе США в декабре 2010 г. и сентябре 2011 г.;
— обсуждение в парламенте Исландии в октябре 2012 г. и октябре 2015г.;
— обсуждение в парламенте Великобритании в ноябре 2014 г. (первое за последние 170 лет);
— обсуждение в парламенте Швейцарии в декабре 2015 г., проведение референдума;
— обсуждение в парламенте Дании в марте 2016 г..

Параллельно обсуждениям на «высшем уровне», в сфере массовой информации распространялись такие фильмы, как «Дух Времени: Приложение» (Zeitgeist: Addendum, 2008), «Хозяева денег» (The Money Masters), «История золотых дел мастера Фабиана» (Die Geschichte vom Goldschmid Fabian) и другие, подробно и в доступной форме описывающие современную денежную механику и историю ее формирования. Значительно возросли объемы электронной и печатной публицистики по денежной тематике (в РФ ведущим публицистом в этой области является, вероятно, В.Ю. Катасонов).

Практически незамеченным прошло интервью[7] главы международной группы аудиторско-консалтинговых компаний «ПрайсвотерхаусКуперс» Дэнниса Нэлли российским

[7] Интервью с Дэннисом М. Нэлли. «Идет переход к бездолговой экономике». www.banki.ru. www.banki.ru/news/interview/?id=1408888.

«Ведомостям» в 2009 г., где он заявил, что «*в основе наблюдаемого сейчас фундаментального сдвига лежит переход к бездолговой экономике. Это касается кредитов, выдаваемых как на потребительские нужды, так и на развитие бизнеса*».

В качестве альтернативы существующему порядку предлагается, прежде всего, та самая концепция «суверенных денег» Йозефа Хубера, описанная В.М. Ефимовым в своих статьях. Она постулирует создание денег коммерческими банками как главную проблему и предлагает лишить их этой возможности, полностью передав право эмиссии центральным банкам, превратив банковскую систему в подобие сети расчетных киосков и «кошельков» для обслуживания производства. В упомянутом исследовании КПМГ также дается краткое сопоставление двух систем.

Главным недостатком предлагаемой Хубером системы, на мой взгляд, является то, что денежная сфера, и без того самая монополизированная из всех, превратится в абсолютную монополию центрального банка. Какие делиберации позволят подчинить такой центральный банк общественным интересам, особенно учитывая, что вокруг банков уже сложились мощнейшие бизнес-корпорации и они в совокупности с банками составляют то, что мы называем финансово-промышленными группами? Что касается государственного аппарата, то он преимущественно обслуживает интересы финансово-промышленных групп, т.к. доходы государственного бюджета формируются из налогов, а они в свою очередь являются долей произведенного и распределенного финансово-промышленными группами денежного долга. Кстати, по этой причине, при монетарном социальном порядке такое явление, как коррупция, является не какой-то порочной чертой, которую можно устранить и таким образом «улучшить систему», а в некотором смысле органичной или даже основополагающей формой управления экономикой и обществом.

В концепции Хубера, излагаемой Ефимовым, центральный банк станет «четвертой властью», не зависимой ни от государственного аппарата, ни от промышленников, ни от частных банков. Ефимов в ответ на возражения пишет: «*Иногда идею суверенных денег обвиняют в «централизме» и создании денежной монополии. На это Хубер отвечает, что монетарная монополия Центробанка в суверенной монетарной системе действительно будет создана, однако она имеет ту же природу, что и монополия государства в области законодательства, государственного управления, налогообложения, юриспруденции и применения силы. Современные нации не могли бы существовать без этих монополий, и проблемы дисфункций современной монетарной системы, основанной на банковских деньгах, на самом деле лучшее доказательство того, что и в монетарной сфере нужна аналогичная монополия. Нации-государства или сообщества национальных государств не должны передавать свои суверенные прерогативы частным агентствам и делить свою монетарную прерогативу с коммерческими создателями денег*» [*Ефимов*, 2017]. Итак, выход, по Хуберу — в дополнении абсолютной монополии государства в области законодательства и применения силы абсолютной же монополией центрального банка над производством и управлением деньгами. Есть все основания полагать, что за ними последует формирование абсолютной монополии во всех остальных отраслях и полное слияние их в единую систему управления обществом. Если в такой системе сохранится частная собственность на средства производства и прибыль (а высокопоставленные архитекторы новой системы, такие как Мервин Кинг, вопросы отмены частной собственности и упразднения прибыли не ставят), то получится экономика и общество по модели Третьего Рейха, где было пять отраслевых министерств, подчиненных партии, на каждом производстве был свой фюрер, а цены на все товары и услуги устанавливались директивно из центра, и всё это подкреплялось массированной пропагандой, выгодной финансово-промышленным капиталистам и объединенной с ними нацистской партии. Если же в системе будет установлена государственная собственность на средства производства, а прибыль упразднена, получится социалистическая экономика и общество по типу СССР со всеми характерными

достоинствами и недостатками. По этому поводу Ефимов делает следующую оговорку: «*деньги станут действительно суверенными, только если политика центрального банка будет определяться демократическими процедурами, в которых решающую роль играет общественность, и деятельность центрального банка будет находиться под постоянным общественным контролем. Нынешняя парламентско-президентская система правления этого обеспечить не может. Для реальной суверенности денег народ, то есть прописанный в конституции суверен (верховная власть), и его наиболее активная часть — общественность — должны получить доступ к управлению денежными потоками. Это может быть обеспечено, по моему глубокому убеждению, только при развитой системе делиберативной демократии, которая должна дополнить представительную демократию и стать основой новой финансовой системы*» [*Ефимов*, 2017]. Развивать делиберативную демократию в условиях тотальной концентрации власти может оказаться совершенно непосильной задачей. К сожалению, развитие демократии по объективным причинам вообще крайне затруднительно, и на этом вопросе хотелось бы далее заострить внимание.

Необходимые условия формирования демократии и пути к ее достижению

Как мог заметить читатель, денежный вопрос обсуждается здесь, в сущности, лишь потому, что является вопросом власти, так как общественные отношения при монетарном социальном порядке формируются и поддерживаются в первую очередь с помощью денег. Споря о том, должны ли быть деньги частными или общественными, контролироваться государством или теми или иными демократическими институтами, исследователи рискуют повторить старую ошибку.

В XIX в. собственность на средства производства была названа ключевым фактором, определяющим вопросы власти в обществе. Предполагалось, что пролетариат, завладев средствами производства, обеспечит подлинную демократию в интересах всего общества. И действительно, колоссальные успехи в области социального обеспечения и уважения прав и достоинства человека, образования и науки были достигнуты благодаря международному рабочему движению и созданию первого в мире социалистического государства — СССР. Однако в конце XX в., несмотря на то, что материальные предпосылки и отношения собственности в СССР наиболее благоприятствовали подлинной демократии, концентрация власти у части партийной номенклатуры позволила практически мгновенно перераспределить собственность в её пользу. Если бы отношения собственности имели то значение, которое им придавалось, если бы широкие слои советской общественности действительно имели возможность участвовать в управлении государством, такой исход был бы, скорее всего, невозможен.

В XXI в. вопрос собственности на средства производства весьма искусно снимается с повестки дня. Так, например, большое распространение получает акционирование собственности компаний среди своих же сотрудников (т.н. ESOP — Employee stock ownership plan). К 100%-ому акционированию прибегают компании с десятками тысяч сотрудников[8]. В Германии, например, действует Акт о совместном управлении (Mitbestimmungsgesetz 1976), который предусматривает включение в Наблюдательный совет предприятий представителей рабочего коллектива (выбираемых самими рабочими), и число их может доходить до 50%. Эта мера не затрагивает отношений собственности, но значительно повышает осведомленность рабочих о делах предприятия, позволяет предупредить возникновение

[8] The Employee Ownership 100: America's Largest Majority Employee-Owned Companies. www.nceo.org. www.nceo.org/articles/employee-ownership-100.

«острых углов» и корпоративные конфликты, напрямую участвовать в принятии решений по принципиальным вопросам управления предприятием.

Совершенно иные формы отношений власти и собственности можно наблюдать, например, в Аргентине, где рабочие сотен предприятий либо вовсе изгнали собственников, либо так или иначе отстранили их от принятия решений или ограничили их полномочия. Наиболее известными примерами такого рода предприятий являются крупный керамический завод FaSinPat (бывш. Zanon) в богатой провинции Неукен и отель Bauen в самом сердце Буэнос-Айреса. Первый был захвачен рабочими и управляется ими с 2001 г., а второй был захвачен в 2003 г. и управлялся до 2020 г., когда вынужден был закрыться из-за кризиса, вызванного карантинными мерами правительства против распространения вируса COVID-19. Аргентинские примеры убедительно показывают, что можно с успехом коллективно управлять даже крупными предприятиями, формально не владея ими.

Поскольку власть напрямую связана с возможностью принятия решений и управлением, а демократизация означает широкое вовлечение масс в принятие решений относительно организации общественной жизни, в рамках предприятий прямое управление «по-аргентински» является, по-видимому, высшей степенью демократизации, за ним следует «германский» формат совместного управления, и следом идет «американский» формат акционирования собственности.

Что касается денежной сферы, то демократизация в ней достигается, вероятно, не созданием одного единого супербанка, «мегарегулятора», хотя бы к этому нас и побуждал бывший председатель одного из самых могущественных центральных банков мира, лорд Мервин Кинг. Демократизация в денежной сфере достигается широким применением локальных и местных валют и их общественным контролем. Необходимость широкого применения местных валют впервые сформулирована Сильвио Гезеллем в его концепции «свободных денег» [*Гезелль*, 2015]. Разложение, а не укрепление монополии на деньги, было бы разумным шагом к высвобождению творческих сил огромной массы людей, дало бы шанс более свободно строить общественную жизнь, прежде всего в регионах и малых городах и поселениях. Уже само по себе осознание того, что деньги являются творением человека и человеком же управляются, а не даны свыше как нечто подобное силам природы или божественной эманации, даёт мощный стимул к демократическим переменам и способствует росту заинтересованности в управлении хозяйственной и в целом общественной жизнью. В мире растет число местных и региональных валют, выпуском которых управляют более или менее небольшие сообщества людей в интересах развития местной экономики. Таких валют уже несколько тысяч. Например, есть региональная валюта в германской Баварии под названием «химгауэр», которую запустили в оборот местные школьники. В американском городе Итака в пригороде Нью-Йорка обращается местная валюта «итакский час», измеряемая часом труда человека любой профессии и квалификации. В РФ предпринимались попытки введения местных валют в деревнях Колионово и Шаймуратово, но власти в таких явлениях усмотрели нарушение законодательства и угрозу государству, при этом население этих деревень составляло в то время не более тысячи жителей, а теперь и того меньше.

Главное препятствие на пути к демократизации

Даже упразднения монополии на деньги — что само по себе уже задача колоссального масштаба — недостаточно, поскольку имеются недостатки в самих функциях денег. Экономисты, которые глубоко понимали природу денег, прежде всего Сильвио Гезелль, указывали, что функции денег как средства обмена и средства накопления фундаментально противоречат друг другу, выполнение этих двух функций равносильно одновременному

нажатию педалей газа и тормоза, и если не ограничить определенными механизмами возможность накопления денег, они будут всегда иметь приоритет перед товаром, который обязательно нужно сбыть, где-то хранить, который может испортиться и так далее. В рассмотренном ранее примере денежного и производственного циклов отмечалось, что в случае формирования сбережений неизбежно возникновение кризиса платежеспособности, который приведет ко все более интенсивному наращиванию долгов и банкротствам. Поэтому с 2012 г. многие центральные банки развитых стран практикуют введение отрицательных процентных ставок, что позволяет изымать сбережения населения и корпоративного сектора для покрытия банковских долгов. Так, например, к концу 2019 г. в Германии отрицательные ставки применялись в отношении 60% депозитов корпоративного сектора и 20% депозитов физических лиц[9]. Эта мера способна лишь временно стабилизировать систему, т.к. ключевая проблема перепроизводства долгов в современной монетарной системе не решена.

Таким образом, несовершенство денег заключается не только в их долговой природе, но и в конфликте их функций: накопление денег блокирует обменные процессы и провоцирует кризисные явления. Поэтому деньги в своей нынешней форме — инструмент, далёкий от совершенства, и простое копирование существующей денежной модели на местном уровне может привести, в конечном счете к тому же «разбитому корыту».

Кроме того, стоит всё же найти стабильный и понятный эквивалент стоимости, хотя бы для облегчения обмена. Таким эквивалентом уже не могут являться традиционные валюты. Они подвержены спекуляции со стороны властных финансово-промышленных групп. Даже если максимально ограничить спекуляции или вовсе упразднить монополию на деньги, принципы ценообразования и эмиссии денег останутся в высокой степени непрозрачными и непонятными большинству. Эквивалентом стоимости не может являться также золото или драгоценные металлы по тем же причинам, а также ввиду их товарной природы.

Понятный и прозрачный эквивалент стоимости предложил германский ученый Арно Петерс. В своем эссе по истории и, в частности, по истории экономических учений [*Peters*, 1996] он пришел к выводу, что денежные цены не выражают стоимость, не отражают труда по созданию благ, и предложил считать единицей измерения стоимости просто час труда вне зависимости от его сложности, уровня квалификации, профессии и т.п. Тем самым Петерс завершил трудовую теорию стоимости. Предложение Петерса имеет как рациональные, так и глубоко этические основания, но к такому шагу пока, по-видимому, ни одно современное общество, тем более функционирующее в рамках монетарного социального порядка, не готово. Хотя, как уже упоминалось ранее, реально используемая в американском городе Итака местная валюта под названием «итакский час» воплощает именно эту идею.

Наиболее серьёзным препятствием на пути к демократизации является, как ни странно, разделение труда в его современном виде. Глубокое разделение труда, без которого невозможно массовое производство, даёт относительное изобилие материальных и нематериальных благ. Относительное, прежде всего, в сравнении с историческими данными об уровне жизни широких слоев населения. Однако такое изобилие подразумевает, что человек, способный регулярно решать (хотя бы потенциально) сотни разнообразных задач различной сложности, ежедневно в среднем по восемь-двенадцать часов в день выполняет крайне ограниченный набор операций. И это касается не только материального производства, но и сферы услуг.

---

[9] Most German banks are imposing negative rates on corporate clients. Financial times. www.ft.com/content/74573de6-0a15-11ea-bb52-34.

Один лишь этот факт влечет катастрофические последствия для человеческой личности. Тематика профессиональных деформаций и деструкций и их влияние на общественное бытие все еще не вполне изучена [*Дружилов*, 2013]. В то же время классики политэкономии писали, что способности большинства людей складываются в строгом соответствии с их ежедневными занятиями. И если эти занятия всегда одни и те же или почти одни и те же, то человек «*становится настолько невежественным и тупым*, *насколько это вообще возможно*» [*Смит*, 2007]. Таким образом, рост объемов и скорости производства экономических благ сопровождается, вследствие углубления разделения труда, стремительной духовной и физической деградацией основной массы общества.

Поэтому перспективы реальной, а не фиктивной демократизации экономики и общества крайне сомнительны, пока сохраняется глубокое разделение труда в его современной форме. Основная масса населения будет в таких условиях разобщенной (повседневная практика работников разных профессий практически не пересекается, а значит способность к взаимопониманию и кооперации затруднена) и манипулируемой, с подавленной волей и неспособной к какой-либо серьезной инициативе, даже бытовой, не то что политической. Подлинно гражданское общество не родится в описанных условиях.

Поэтому новые демократические общественные отношения возможны только при условии значительного или полного разложения вообще всего современного способа производства в самом его корне — в области глубокого разделения труда и его высокопроизводительной эксплуатации. И упразднение банковской монополии на деньги может послужить главным толчком для такой фундаментальной реформы (революции?).

Заключение

Затяжной мировой экономический кризис, продолжающийся с 2008 г., на этот раз привлёк пристальное внимание практиков к «денежному вопросу»: мы видим обсуждения в парламентах, обширную публицистику, исследования частных компаний и представителей науки, затрагивающие вопрос самой природы денег. Возможно, такого всплеска интереса к проблеме ранее не наблюдалось в истории.

Вероятно, новая форма власти будет сконструирована в ближайшие годы, и та же концепция «суверенных денег» Йозефа Хубера имеет шансы на воплощение, так как действительно рассматривается в качестве альтернативного варианта представителями элит. Однако следует помнить, что деньги при монетарном социальном порядке — основной инструмент власти, но всё же — инструмент. И в конечном счёте дискуссии, начинающиеся с попыток понять природу денег, редко идут дальше вопроса «кому должен принадлежать центральный банк?». Это очень похоже на проблему собственности на средства производства, которая считалась ключевой в борьбе за власть в прошлые века и, как оказалось, действительно крайне важна, но все же несколько переоценена.

Поэтому вопрос денег можно свести к вопросу власти, а власть — это прежде всего возможность принимать решения и управлять общественными процессами. Если учёный, исходя из гуманистических соображений, требует демократизации, т.е. вовлечения всё более широких масс и слоев населения в процессы принятия решений и управления общественной жизнью, то в условиях монетарного социального порядка его задачей будет выявление способов демократизации денежной сферы. Последнее представляется затруднительным при создании центробанка с абсолютной монополией на деньги (что предлагают Й. Хубер и М. Кинг).

Даже в случае некоторых успехов в обозначенной области, фундаментального сдвига в отношениях власти в обществе ожидать не приходится. Сама форма современного производства (созданная во многом на базе денежной монополии), основанного на глубоком

разделении наемного труда в рамках крупных производственных структур с вертикальным управлением военного типа, закрепощает творческие способности и инициативу миллионов людей. Ежедневное существование в такой системе на протяжении многих лет обуславливает деградацию воли, умственных и физических способностей людей, делая их уязвимыми и податливыми к манипуляциям.

С другой стороны, экономисту сейчас, как и прежде, удобно занимать выжидательную позицию и просто бесстрастно описывать, и интерпретировать явления по мере их возникновения и развития, в полном соответствии с той ролью, которая ему отводится в существующей системе власти.

ЛИТЕРАТУРА

Ефимов В.М. (2018). О двух типах социальных порядков. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–25.

Ефимов В.М. (2017). Конец алхимии финансов и суверенные деньги // Вопросы экономики. № 12. С. 131–141.

Дружилов С. А. (2013). Профессиональные деформации и деструкции. Феноменология и подходы к изучению // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 12. С. 137–140.

Гезелль С. (2015). Естественный экономический порядок. Серпухов: Концептуал.

Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019). О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В.М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 32–42.

Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО.

Peters A. (1996). Das Äquivalenz-Prinzip als Grundlage der Globalökonomie. Vaduz: Akademische Verlagsanstalt.

James B Glattfelder. (2019). The Architecture of Power: Patterns of Disruption and Stability in the Global Ownership Network. SSRN Electronic Journal. www.researchgate.net/publication/330414714_The_Architecture_of_Power_Patterns_of_Disruption_and_Stability_in_the_Global_Ownership_Network (дата обращения 1.02.2021).

KPMG. (2016). Money Issuance. Alternative Monetary Systems. KPMG. assets.kpmg/content/dam/kpmg/is/pdf/2016/09/KPMG-MoneyIssuance-2016.pdf (дата обращения 1.02.2021).

Качковский Сергей Сергеевич
skachkovski@mail.ru

Sergey Kachkovskiy
Chief internal control specialist in Moscow Metro State Unitary Enterprise (Moscow)
skachkovski@mail.ru

MONEY, POWER AND DEMOCRATIZATION (CONTINUING THE DISCUSSION ON THE SOCIAL ORDERS OF V.M. YEFIMOV AND S.G. KIRDINA-CHANDLER)

Abstract. This work owes much of its existence to the discussion between S.G. Kirdina-Chandler and V.M. Yefimov, which was reflected on the pages of the journal in 2018-2020. The article proposes clarifications and explanations to the concept of a monetary social order proposed by V.M. Yefimov, allowing us to speak with greater confidence about the real existence of such an order, as well as to abandon the additional concept of a patronal social order, which he used in relation to post-Soviet Russia, in order to simplify further discussion and better focus on the object of research. Further, in order to fill the theoretical gap in understanding the mechanics of the reproduction of money and goods in the economy under a monetary social order, a simplified model of the reproduction cycle is presented, which allows us to trace the source of the system's propensity to overproduction of debt and other important systemic shortcomings that provoke regular crisis phenomena. The concept of "sovereign money" by J. Huber, alternative to the monetary social order, proposed by V.M. Yefimov, who is really considered as such already at the government level in the leading European countries, allows theoretically eliminating some of the vices of the modern monetary system, but has significant drawbacks, mainly due to its focus on money management, and not on the issue of power and social development generally. For everyone interested in the normative theory, a different vision of alternative ways of developing the monetary sphere and social relations is proposed, as well as key problems, the solution of which can contribute to real, and not fictitious, democratization of society.

Key words: *monetary social order, sovereign money, free money, power, division of labor.*
JEL Classification: A12, A13, B40, B59, D63, O15.

REFERENCES

Druzhilov S.A. (2013). Proffesionalnyie deformatsii i destructsii. Phenomenologiya i podkhody k izucheniyu [Professional deformations and destructions. Phenomenology and approaches to study] // *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovani.* № 12. Pp. 137–140.

Gesell S. (2015). Yestestvennyi economicheski poryadok [Natural economic order]. Serpukhov: Kontseptual.

Glattfelder J.B., Battiston S. The Architecture of Power: Patterns of Disruption and Stability in the Global Ownership Network // SSRN Electronic Journal. www.researchgate.net/publication/330414714_The_Architecture_of_Power_Patterns_of_Disruption_and_Stability_in_the_Global_Ownership_Network (date of the application 1.02.2021).

Kirdina-Chandler S.G. (2019). O dengakh i socialnykh poryadkakh (razmyshleniya nad statiyoi V.M. Yefimova) [On money and social orders (thoughts on the article by V.M. Yefimov)] // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. № 2. Pp. 32–42.

KPMG. (2016). Money Issuance. Alternative Monetary Systems. assets.kpmg/content/dam/kpmg/is/pdf/2016/09/KPMG-MoneyIssuance-2016.pdf (date of the application 1.02.2021).

Peters A. (1996). Das *Äquivalenz-Prinzip als Grundlage der Globalökonomie* [Equivalence principle as a foundation of the global economy]. Vaduz: Akademische Verlagsanstalt.

Smith A. (2007). *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]/ M.: EKSMO.

Yefimov V.M. (2017). Konets alkhimii finansov i suverennyye dengi [The end of the alchemy of finance and sovereign money] // *Voprosy Ekonomiki.* № 12. Pp. 131–141.

Yefimov V.M. (2018). O dvukh tipakh sotcialynogo poryadka [On two types of social orders]. Part I // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* № 1. Pp. 7–25.

Ю.Г. Павленко
д.э.н., профессор, Институт экономики РАН, Москва

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО. В ПОИСКАХ МЕХАНИЗМОВ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Аннотация. В работе предпринята попытка определить некоторые направления выхода из кризиса современного социального государства. Дается описание кризисной ситуации, выявляются некоторые фундаментальные ее причины, образующие механизмы торможения. Особое внимание уделяется развитию демократических процедур и необходимости формирования современных ценностных ориентаций человека, адекватных вызовам постиндустриального общества. В этой связи приводятся конкретные примеры «социально-ответственного» поведения некоторых видных представителей отечественного и зарубежного бизнеса. Подчеркивается определяющая роль современного гражданского общества в формирования социально-ориентированной экономики. Акцентируется внимание на дискуссиях вокруг географической и культурной детерминированности научных исследований, методологических аспектах социальной «укорененности» науки, противоречий между глобальным и универсальным в социальных науках. Экономической основой современного социального государства рассматривается инновационная экономика, экономика знаний. Анализируется состояние научно-технического потенциала России, ее экономики в контексте глобальной конкуренции. Отмечается влияние реалий экономики знаний на возникновение новых форм производственных отношений. Обращается внимание на успешные институциональные «механизмы развития» в Китае, обеспечивающие рост благосостояния населения.

Ключевые слова: *социальное государство, патернализм, гражданское общество, демократия, научно-технический потенциал, инновационная экономика.*
JEL: B25, B40, I3, O38, P30.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_35_44.

Социальное государство в кризисе

Социальное государство (welfare state) — понятие, возникшее в 40-е гг. прошлого XX в. для обозначения ситуации, при которой государство несет основную ответственность за обеспечение минимального уровня жизни посредством системы социального обеспечения, предоставляющей услуги и материальные блага для удовлетворения базовых потребностей в жилье, медицинском обслуживании, образовании и финансах. В более поздние годы, начиная с 80-х гг. XX в., бюджетные кризисы, а также влияние идеологии неолиберализма и идей новых правых подвигли многие правительства к глубоким преобразованиям социального государства[1]. Напомним, что бюджетный кризис (budget crisis), согласно Словарю Лопатникова, характеризуется ситуацией, когда резко обостряется дефицит бюджета, и государство теряет возможность выполнения своих обязательств — прежде всего социальных обязательств[2] [*Словарь*, 2021].

---

[1] A Dictionary of Sociology. New York: Oxford University Press. P. 702.

[2] Словарь Лопатникова (Общеэкономический и экономико-математический объяснительный словарь). lopatnikov.pro/slovar/b/byudzhetnyj-krizis (дата обращения: 4.03.2021).

Российские исследователи отмечают также снижение роли общественного контроля социального диалога, а также ослабление влияния трудящихся на ход социально-экономических процессов. Наблюдаются изменения в сфере труда, помимо прочего, предполагающие ограничение индексации заработной платы, децентрализацию коллективных переговоров, а также меры по увеличению гибкости занятости, многие из которых не столько генерируют создание рабочих мест, сколько способствуют росту «неустойчивости» рынка труда и стагнации трудовых доходов. Наконец, внедряется режим «социальной экономии», отказ от распространения патерналистской активности государства на всех членов общества и переход к государству участия [*Шестакова*, 2019. С. 105]. Перечисленные процессы негативным образом отражаются на социальной интеграции и стабильности общества.

Кризис социального государства находит непосредственное отражение на рынке труда, на поведении его участников. Распространенная сегодня практика рынка труда как сегментированного (дуального) рассматривается как вызов неоклассической теории. Различные концепции сегментированного рынка труда (СРТ), подчеркивая его фрагментацию, отдают приоритет институциональным и социальным объяснениям формирования заработной платы и занятости, а не действию сил спроса и предложения. В рамках этих концепций дифференциация в заработной плате не столько отражает различия в знаниях и умениях работников (в накопленном ими человеческом капитале), сколько является следствием фрагментированной (сегментированной) структуры рынка труда и связанных с этим различий в механизмах, формирующих уровень зарплаты [*В тени регулирования*, 2012. С. 14]. Описываемая ситуация очевидно служит вызовом социальному государству, его неспособности в его нынешнем состоянии обеспечить соответствие трудового вклада работников их вознаграждению.

Любопытны данные опроса, характеризующие предпочтения молодежи на рынке труда в Германии. На вопрос об их профессиональных целях в 2014 году треть всех немецких студентов университетов ответили, что ищут надежную позицию в государственной службе, больше всего они стремятся к стабильности и безопасности. Новые, новаторские профессии, рискованные стартапы и независимые творческая деятельность потеряли привлекательность для многих студентов. И напротив, государственная служба представляется им одной из немногих сфер, в котором могут быть обеспечены стабильная занятость, безопасность и предсказуемый социальный рост. Подобные настроения, как отмечают немецкие эксперты, отражают состояние общества, в котором присутствует коллективный страх нисходящей мобильности [*Nachtwey*, 2018. P. 7].

Механизмы торможения

Среди фундаментальных причин кризиса социального государства, отмечают то обстоятельство, что в условиях новых исторических вызовов патерналистское государство продолжало по-прежнему ориентироваться по преимуществу на устранение провалов рынка, постепенно утрачивая способность определять общие интересы, формулировать установки развития, что и предопределило реальные угрозы потери общественного благосостояния [*На пути*, 2018. С. 56].

Хотелось бы обратить внимание на интересную особенность кризисного состояния социального государства — его дезинтеграцию, разделение на две принципиально разные составляющие. Описание данной новой ситуации, вслед за немецким социологом В. Штриком, приводит П. Ореховский. По его словам, основная теоретическая новация, связанная с появлением так называемого государства долгов, заключается в том, что кроме граждан, которые «по определению» одновременно являются и налогоплательщиками, появляется другая категория физических и юридических лиц — держатели долгов, креди-

торы. Первые характеризуются как «государственный народ», вторые — как «рыночный народ» [*Ореховский*, 2020. С. 187].

Сам В. Штрик так описывает механизм торможения социального государства. По его словам, демократическое государство, управляемое своими гражданами и существующее за их счет в качестве налогового государства, превращается в демократическое государство долгов, как только его существование начинает зависеть не только от денежных выплат граждан, но в значительной степени и от доверия кредиторов. В отличие от «государственного народа» налогового государства, «рыночный народ» объединен на транснациональной основе. Его представители связаны с национальным государством исключительно узами контрактов — как инвесторы, а не как граждане [*Штрик*, 2019. С. 124].

Проблемы взаимоотношений «государственного» и «рыночного» народов, в несколько ином ее аспекте и интерпретации до В. Штрика, впервые рассматривал в своей работе «Восстание элит и предательство демократии» известный американский социолог К. Лэш. По его мнению, к концу 20-го столетия процессы глобализации в мире привели к ситуации, которую можно определить как «восстание элит» [*Лэш*, 2002]. В данном подходе речь идет о состоянии современной элиты, проблемах, связанных с ее отношением к обществу и, в конечном счете, о ее качестве и эффективности. По словам К. Лэша, элиты, определяющие повестку дня, утратили точки соприкосновения с народом. Прежний демократический идеал общего равенства условий подменяется выборным продвижением представителей низов в класс управленцев и специалистов. Нереалистический, искусственный характер современной, в частности американской, политики отражает, по мнению К. Лэша, ее оторванность от общественной жизни. Данная точка зрения, как нам представляется, во многом отражает объективные процессы, не только недалекого прошлого, но и в еще большей мере настоящего, процессы, имеющие универсальное значение. Очевидно, что особенно остро негативные последствия «восстания элит» проявляются в странах так называемого периферийного капитализма [*Павленко*, 2012].

Лауреат Нобелевской премии по экономики Пол Кругман, исследуя опыт США в решении проблемы неравенства и создания многочисленного среднего класса, указывает на еще одну фундаментальную причину кризиса социального государства. Речь идет, по его мнению, о решающей роли политических условий, расстановке политических сил в возникновении данного кризиса, проявляющегося, в частности, в росте уровня экономического неравенства. П. Кругман подчеркивает, что институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, чем, в отличие от положений, содержащихся в базовых курсах экономикс, объективные рыночные факторы [*Кругман*, 2009]. В этой связи представляется, что важнейшей задачей для России сегодня является формирование и закрепление демократических процедур достижения социального консенсуса вокруг направлений и механизмов социальной политики, которые позволили бы ликвидировать существующие деформации.

Гуманитарно-демократическая составляющая

В современной обществоведческой литературе наблюдается достаточно интенсивное теоретическое осмысление опыта взаимоотношения индивида, общества и государства с акцентом на состоянии современного социального государства. Так, по мнению французского социолога Пьера Розанваллона, социальное государство, призванное решить современный социальный вопрос, должно основываться не как раньше на идее страхования от всевозможных рисков, таких как болезнь, безработица, старость, а на идее гражданства, то есть членства человека-гражданина, наделенного совокупностью политических, собственно гражданских и социальных прав. При этом солидарность между гражданами должна разви-

ваться одновременно с их участием в принятии решений на основе делиберативной демократии. Только в этом случае, по его словам, должны будут исчезнуть прежние противопоставления формальных и реальных, политических и экономических прав граждан [*Розанваллон*, 1997]. Отметим, что под делиберативной демократией в теории демократии подразумевается такое положение, которое подразумевает расширение власти гражданского общества и его влияние на представительную власть и администрации всех уровней и включает механизмы и процедуры конструктивного обсуждения проблем [*Линде*, 2015. С. 57]. Данная модель демократии предусматривает принятие политических решений, формулировку политической повестки и рассмотрение спорных вопросов, основываясь на делиберативном общественном мнении. Последнее понимается как формирующееся в рамках рационального и аргументированного публичного дискурса, направленного на достижение консенсуса.

По существу, сходную с П. Розанваллоном позицию занимает В.М. Ефимов, утверждающий, что без радикальной реформы представительной демократии в сторону активного участия рядовых граждан в обсуждении и принятии политических решений, построение стабильного социального государства невозможно, а воспроизведение и обострение социального вопроса становятся неизбежными [*Ефимов*, 2016. С. 290–291].

Одним из важнейших социальных институтов, способных мобилизовать активность граждан в рамках развития демократических процедур является, гражданское общество. Американский социолог А. Гоулднер (A. Gouldner), исследуя исторические механизмы возникновения капитализма, отмечает определяющее и даже приоритетное, по сравнению с материально-техническими факторами, значение гражданского общества в начальный, еще в недрах феодализма, период формирования классического капитализма [*Gouldner*, 1980]. Важную роль А. Гоулднер придает гражданскому обществу и в современных условиях формирования социально-ориентированной экономики. Иными словами, исторический опыт показывает, что в реальной практике базис и надстройка могут меняться местами с точки зрения приоритетности их статуса и значения для развития экономики. При этом не только социальная среда, социальная система могут меняться под воздействием активности человека, в частности, в рамках гражданского общества, но и человек и его поведение меняется в процессе адаптации к формирующейся социальной среде.

С удовлетворением, хотя и сдержанным, по причине их пока еще не массовости, следует отметить все более частые примеры «социально-ответственного» поведения видных представителей «рыночного народа» как за рубежом, так и в нашей стране. Речь идет о примерах поведения современных олигархов, миллиардеров, которое иногда определяется как «новая рациональность». Так создатель системы магазинов Duty Free американский миллиардер ирландского происхождения Чак Фини (Chuck Feeney) через свое детище — фонд The Atlantic Philanthropies пожертвовал на благотворительные цели, по некоторым оценкам, свыше 6,2 млрд долл. По словам Фини: «Я убедился, что куда больше удовольствия получаешь, когда отдаешь деньги и видишь, как благодаря им что-то появляется — например, госпиталь»[3].

Другой эпизод, относится к нашему соотечественнику Владиславу Тетюхину, бывшему совладельцу крупной металлургической компании на Урале. Свердловский олигарх продал все свои акции и на вырученные 3,3 млрд руб. построил медцентр в Нижнем Тагиле. Миллиардер планирует также построить гостиницу, новые дома для сотрудников клиники, общежитие для студентов. Сам В. Тетюхин занимает пост генерального директора и в свои 82 года приезжает на работу строго по графику: к 9:00 утра 6 дней в неделю[4].

---

[3] 6 богачей, которые пожертвовали все свое состояние на благотворительность. (2018). www.adme.ru/zhizn-dobro/6-bogachej-kotorye-pozhertvovali-vse-svoe-sostoyanie-na-blagotvoritelnost-1024810 (дата обращения: 4.03.2021).

[4] Там же.

Методологические споры об универсальности науки

Формирование эффективной модели социального государства, отвечающей историческому опыту и традициям каждой конкретной страны, очевидно, должно опираться на серьезный научный фундамент. И здесь хотелось бы обратить внимание на два важных обстоятельства методологического характера. Во-первых, речь идет об актуальности междисциплинарного подхода. Сошлемся на авторитет Нобелевского лауреата Д. Норта, утверждающего, что невозможно раздельное изучение экономических, политических и социальных изменений [*Норт,* 2010. С. 7]. В свою очередь, Т. Пикетти, в заключительной части своей новой книги «Капитал и идеология», озаглавленной «О гражданской и политической роли общественных наук», утверждает, что сегодняшний демократический беспорядок, неблагополучие в сфере демократии проистекает из того, что касается социальной и политической сфер, что экономическая теория отделилась от других социальных наук. Эта «автономизация» экономики, по его словам, частично является результатом технического характера и возрастающей сложности самой экономической сферы. Но это также результат повторяющегося искушения со стороны профессиональных экономистов, будь то в университете или на рынке, заявить о монополии на знания и аналитические способности, которыми они, по мнению Т. Пикетти, не обладают. В действительности прогресс в нашем понимании социально-экономических явлений становится возможным только за счет сочетания экономических, исторических, социологических, культурных и политических подходов. Ещё одним следствием чрезмерной автономизации экономической теории (экономической науки), по словам Т. Пикетти, является то, что историки, социологи, политологи и философы слишком часто доверяют изучение экономических вопросов экономистам [*Piketty*, 2020. P. 1039–1040].

Вторым из «методологических обстоятельств», на которое хотелось бы обратить внимание, является вывод, к которому также пришел Д. Норт, уже вслед за немецкой исторической школой, сделавшей это более ста лет назад. Речь идет о том, что, по мнению Д. Норта, наши теории неизбежно должны быть разными по отношению к разным географическим регионам мира и разным временным интервалам [*Норт*, 2010. С. 33–35].

Продвигаясь дальше в данном направлении мысли можно говорить не только о своеобразии объекта исследования, но и географическом (национальном) своеобразии самого субъекта исследования, т.е. ученого. Можно сказать, что социальная теория глобальна, но очевидно не универсальна, поскольку имеет свои национальные особенности, содержит свои характерные акценты. Так, согласно некоторым отечественным авторам, ключевой вопрос экономической науки — вопрос практической значимости производимого знания должен ставиться как вопрос об интерпретации (или об «авторитетном дискурсе»). Это подразумевает разговор о языковых средствах, которые не являются нейтральными и существуют в рамках культуры и имеющихся в ней дискурсов об «экономическом». При этом языковые средства всегда ценностно нагружены и детерминированы социальными и институциональными условиями, в рамках которых они воспроизводятся [*Кошовец, Ореховский*, 2018].

Со своей стороны, известный британский социолог и одновременно американский профессор М. Буравой подчеркивает, что наука не может быть абстрагирована от ее контекста, поскольку она является продуктом своей истории, а также более широкой истории, в которую также вписана. Проект науки, по его словам, от эпистемологий до теорий, от методологий до техник, глубоко пропитан тем социальным миром, в котором наука укоренена [*Буравой*, 2011].

В своем споре с известным польским социологом П. Штомкой, которого М. Буравой называет «последним позитивистом», британский социолог упрекает своего польского коллегу в том, что тот выступает как идеолог, пытающийся восстановить фиктивное прошлое посредством навязывания глобальному универсальное, не учитывая эмпирическую реальность. Даже сегодня, подчеркивает М. Буравой, с нашим повышенным национальным

и глобальным сознанием, многое в социологии США хотя и пишется без всяких географических референций, в действительности пишется о США; это частное, выдаваемое за универсальное [*Буравой,* 2011. С. 31]. В каждой стране национальные традиции находят отражение не только в содержании дисциплины, но также в ее внутренних расколах, ее институциональном устройстве, ее ранговой структуре и т.д. [*Буравой,* 2011. С. 32].

Любопытным дополнением к спору двух маститых ученых может служить высказывание еще одного социолога. Работающий в Университете Эразма в Роттердаме польский социолог Славомир Магала (Sławomir Magala), смело, по его словам, скрепя сердце, в «споре о методе» со П. Штомкой встал на сторону М. Буравого. При этом С. Магала делится своими наблюдениями, касающимися отношений, царящих в западной научной среде. По его словам, производство знаний там подвергается постоянным обсуждениям, переговорам и пересмотрам, не существует универсальных правил — «всех под одну гребенку». Наука предстает как своеобразный парламент, состоящий из конфликтующих партий: парадигмальных, прагматических, методологических и прочих, но никак не монастырь для методологических чистюль [*Magala*, 2012. S. 297].

Экономика знаний

Экономической основой современного социального государства является высокоразвитая инновационная экономика, опирающаяся на соответствующий ей научно-технический потенциал. Способность обеспечивать устойчивый экономический рост определяется, прежде всего, состоянием научно-технического потенциала и наличием институциональных механизмов его эффективного использования. Для оценки состояния данного потенциала в той или иной стране в рамках международных сопоставлений с точки зрения его финансовой составляющей используется показатель наукоемкости. Указанный относительный показатель определяется в виде затрат на исследования и разработки (НИОКР) в процентах к величине валового внутреннего продукта. В Советском Союзе наукоемкость ВВП была одной из самых высоких в мире. В период радикальных экономических реформ величина данного показателя в России снизилась почти в 3 раза. Сегодня по показателю наукоемкости мы находимся на уровне Польши и Турции, почти в 3 раза отстаем от США и в 2 раза от Китая [*Павленко*, 2018. С. 135].

Учитывая потребность в устойчивом развитии экономики, геополитическое положение страны, вызовы, с которыми оно связано, такое состояние научного-технического потенциала для нашей страны не может рассматриваться как удовлетворительное.

Отставание в развитии научно-технического потенциала негативно сказывается на конкурентоспособности российской экономики и, соответственно, российского государства в целом. В глобальном индексе конкурентоспособности, содержащемся в Отчете о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, Россия среди 138 стран занимает 43-е место. Специалисты Всемирного экономического форума классифицируют страны по стадиям развития, приняв за критерий характер ресурсов, на который они опираются и определяя соответствующий тип их экономики. В результате страны делятся на три типа: с факторной экономикой, с эффективной экономикой и страны с инновационной экономикой. К последним относятся наиболее развитые и конкурентоспособные экономики мира. Россия в рамках данной классификации отнесена к странам с переходной экономикой, от факторной — к эффективной [*The Global*, 2016].

Представляется, что в решении проблемы наращивания и качественного совершенствования научно-технического потенциала российской экономики заслуживает внимания накопленный опыт советской экономической науки в исследовании научно-технического прогресса. Известно, что ускорение НТП в до перестроечный период рассматривалось как

решающее условие повышения эффективности производства. В частности, заслуживают внимания и творческого осмысления, как не потерявшие актуальности и сегодня, некоторые результаты теоретических исследований и практических разработок в области планирования и долгосрочного прогнозирования НТП, проведенные в Институте экономики РАН в до перестроечный период [*Павленко*, 2020. С. 150–151].

Современное социальное государство, опирающееся на инновационную экономику и научно-технический потенциал, должно поддерживать новые формы социально-экономических, производственных отношений, учитывающих объективные условия кардинальных изменений в материально-технической базе современной экономики. В своем анализе современной экономики знаний выдающийся теоретик менеджмента П. Друкер (P. Drucker) отмечает, что «знания, в отличие от денег, тесно связаны с конкретной личностью. Именно человек всегда остается носителем знания, он создает, наращивает и совершенствует знания, а также применяет, преподает и передает их. Следовательно, с переходом к обществу знаний человек становится ключевой фигурой в этом новом мире [*Друкер*, 2004. С. 347]. Далее П. Друкер акцентирует внимание на новых явлениях в положении работника в производстве, утверждая, что «все чаще отношения между работником умственного труда и организацией носят характер взаимной зависимости» [*Друкер*, 2004. С. 372.].

Развитие экономики и общества знаний, новая роль и положение труда как субъекта инновационной деятельности объективно закладывают институциональные основы интеграции социального государства и инновационной экономики. Инновационная экономика (общество знаний), опираясь на новые производственные отношения, создает тем самым более прочные экономические основания для развития социального государства. В свою очередь, эволюция современных корпораций в условиях вызовов экономики знаний должна идти по пути большего контроля со стороны государства в отношении их социальной ответственности, а также установления новых партнерских отношений между государством, корпорациями и инновационной сферой внутри корпораций.

Заключение. Успешный опыт?

В качестве примера успешного развития социального государства (при всей его национальной специфике) может служить современный Китай. С одной стороны, стабильно развивающаяся экономика, опирающаяся на постоянно растущий научно-технический потенциал (рост показателя наукоемкости ВВП) и во все большей мере работающая на внутренний рынок обеспечивает рост благосостояния всего населения.

С другой стороны, социально ориентированная институциональная структура государства и экономики. Согласно представлениям некоторых западных экспертов, китайский государственный капитализм рассматривается как иерархия, в которой партия и правительство находятся наверху, государственные и частные работодатели ниже их, а масса служащих, работников располагается внизу. Партия и правительство мобилизуют частные и государственные ресурсы, сосредотачивая их на решении приоритетных социальных проблем. Ключевой урок китайского развития заключается в том, что экономические цели быстрее достигаются, если доминирующее социальное агентство уделяет первоочередное внимание их достижению и может мобилизовать для этой цели максимум ресурсов как частных, так и государственных. Этим агентством выступают партия и правительство Китая [*Wolff*, 2021].

Таким образом, возможные пути возрождения социального государства лежат, во-первых, в формировании такой институциональной конструкции экономической модели, которая обеспечивает стабильный экономический рост, исходя из принципа — «прежде чем делить нужно произвести». И во-вторых, такой модели демократии, которая транслирует «наверх» интересы и пожелания общества и обеспечивает его потребности.

ЛИТЕРАТУРА

Буравой М. (2011). Последний позитивист // Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. Социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии НИУ–ВШЭ / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2011. С. 27–40. cyberleninka.ru/article/n/posledniy-pozitivist.

В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. (2014) / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: ИД НИУ ВШЭ.

Друкер П. (2004). Энциклопедия менеджмента. М.: Вильямс.

Ефимов В.М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М.

Кошовец О.Б., Ореховский П.А. (2018). Экономика против экономической системы: структуралистский анализ: Препринт. М.: МЭ РАН.

Кругман П. (2009). Кредо либерала. М.: Европа.

Линде А.Н. (2015). Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 1. (8). С. 52–58.

Лэш К. (2002). Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос & Прогресс.

На пути к новой экономической теории государства. (2018) / Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН.

Норт Д.К. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: ИД НИУ ВШЭ.

Ореховский П.А. (2020). Капитализм и демократия кредиторов (О книге В. Штрика «Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма») // Вопросы теоретической экономики. № 3 (8). С. 183–190.

Павленко Ю.Г. (2012). Социальные механизмы успешного развития // Современные проблемы экономической теории и практики / Под. ред. И.Ю. Ваславской, Ю.Г. Павленко). М.: ИЭ РАН.

Павленко Ю.Г. (2018). Социальное государство и инновационная экономика // Россия и современный мир. № 4. С. 129–141.

Павленко Ю.Г. (2020). Экономические проблемы научно-технического прогресса в исследованиях Института экономики // Вестник ИЭ РАН. № 2. С. 43–59.

Розанваллон П. (1997). Новый социальный вопрос: переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М.: Ad Marginem.

Шестакова Е.Е. (2019). Современное социальное государство: патрон или помощник? // Вопросы теоретической экономики. 2019, № 2. С. 104–117.

Штрик В. (2019). Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М.: ИД НИУ ВШЭ.

Gouldner A.W. (1980). The Two Marxisms Contradictions and Anomalies in the Development of Theory. London: The Macmillan Press Ltd.

Magala Sł. (2012). Gorzkie żale, czyli autorefleksja zawodowa // Przegląd Socjologii Jakościowej. PSJ. T. VIII №2. С. 296–301. www.przegladsocjologiijakosciowej.org (дата обращения: 4.03.2021). (На польском яз.)

Nachtwey O. (2018). Germany's hidden crisis: social decline in the heart of Europe. rooklyn: Verso.

Piketty Th. (2020). Capital and ideology. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

The Global Competitiveness Report 2016–2017. (2016). www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf (дата обращения: 4.03.2021).

Wolff R.D. (2020). Socialist or capitalist: What is China's Model, Exactly? www.counterpunch.org/2020/08/24/socialist-or-capitalist-what-is-chinas-model-exactly (дата обращения: 4.03.2021).

Павленко Юрий Григорьевич
yupavl83@mail.ru

Yuri G. Pavlenko
Doctor Habilitatus in Economics, Professor, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
yupavl83@mail.ru

SOCIAL STATE. IN SEARCH OF RENAISSANCE MECHANISMS

Abstract. In this work, we attempted to determine some directions for overcoming the crisis of the modern welfare state. A description of the crisis situation is given, some of its fundamental causes are identified, which form the mechanisms of inhibition. Particular attention is paid to the development of democratic procedures and the need for the formation of modern human value orientations, adequate to the challenges of the post-industrial society. In this regard, specific examples of the socially responsible behavior of some prominent representatives of domestic and foreign business are given. The decisive role of modern civil society in the formation of a socially oriented economy is emphasized. Attention is focused on discussions around the geographical and cultural determinism of scientific research, methodological aspects of the social 'rootedness' of science, contradictions between the global and the universal in the social sciences. The economic basis of a modern welfare state is considered an innovative economy, a knowledge economy. The state of the scientific and technical potential of Russia, its economy in the context of global competition is analyzed. The influence of the realities of the knowledge economy on the emergence of new forms of industrial relations is noted. Attention is drawn to the successful institutional 'development mechanisms' in China, ensuring the growth of the well-being of the population.

Keywords: *welfare state, paternalism, civil society, democracy, scientific and technical potential, innovative economy.*
JEL: B25, B40, I3, O38, P30.

REFERENCES

Buravoj M. (2011). *Poslednij positivist* [The Last Positivist] // Sb. nauchnykh trudov / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. Sotsiologii i sotsial. psikhologii; Kafedra obshchey sotsiologii NIU–VSHE; Red. i sost. N.Ye. Pokrovskiy, D.V. Yefremenko. Pp. 27–40. cyberleninka.ru/article/n/posledniy-pozitivist (date of the application: 4.03.2020). (In Russ.)

Druker P. (2004). *Enciklopediya menedzhmenta* [Encyclopedia of Management]. M.: Vil'yams. (In Russ.)

Efimov V.M. (2016) *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inye metodologiya, isto-riya i issledovatel'skie praktiki* [Economic Science under Question: Different Methodology, History and Research PRACTICES]. M.: Kurs: INFRA-M. (In Russ.)

Gouldner A.W. (1980). *The Two Marxisms Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. London: The Macmillan Press Ltd.

Koshovetz O.B., Orekhovsky P.A. (2018). *Ekonomika protiv ekonomicheskoj sistemy: strukturalistskij analiz*: Preprint [Economics vs. Economic System: Structuralist Analysis]. M.: IE RAN. (In Russ.)

Krugman P. (2009). *Kredo liberala* [Creed of Liberal]. M.: Evropa. (In Russ.)

Lash K. (2002). *Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii* [The Uprising of the Elites and the Betrayal of Democracy]. M.: Logos & Progress. (In Russ.)

Linde A.N. (2015). Deliberativnoj demokratiya kak napravlenie v sovremennoj teorii demokratii: analiz osnovnyh podhodov [Deliberative democracy as a direction in the modern theory of democracy: analysis of the main approaches] // *Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. Vypusk 1. (8). Pp. 52–58. (In Russ.)

Magala Sł. (2012). Gorzkie żale, czyli autorefleksja zawodowa // *Przegląd Socjologii Jakościowej*. PSJ. Vol. VIII. No. 2. Pp. 296–301. www.przegladsocjologiijakosciowej.org. (In Polish).

Na puti k novoj ekonomicheskoj teorii gosudarstva. (2018) [Towards a new economic theory of the state] / Pod red. A.Ya. Rubinshtejna. M.: IE RAN. 2018. (In Russ.)

Nachtwey O. (2018). *Germany's hidden crisis: social decline in the heart of Europe*. Brooklyn: Verso.

North D.K. (2010). *Ponimanie processa ekonomicheskih izmenenij* [Understanding the process of economic change]. M.: ID NIU VSHE. (In Russ.)

Orekhovsky P.A. (2020). Kapitalizm i demokratiya kreditorov (O knige V. Shtrika «Kuplennoe vremya. Otsrochennyj krizis demokraticheskogo kapitalizma») [Capitalism and Creditors' Democracy (On V. Shtrik's Book "Purchased Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism")] // *Voprosy teoreticheskoj ekonomiki*. № 3 (8). Pp. 183–190. (In Russ.)

Pavlenko Y.G. (2012). *Social'nye mekhanizmy uspeshnogo razvitiya* [Social Mechanisms of Successful Development] // *Sovremennye problemy ekonomicheskoj teorii i praktiki* / Pod. red. I.Yu. Vaslavskoj, Yu.G. Pavlenko). M.: IE RAN. (In Russ.)

Pavlenko Y.G. (2018). Social'noe gosudarstvo i innovacionnaya ekonomika [Social State and Innovative Economy] // *Rossiya i sovremennyj mire*. No. 4. Pp. 129–141. (In Russ.)

Pavlenko Y.G. (2020). Ekonomicheskie problemy nauchno-tekhnicheskogo progressa v issledovaniyah instituta ekonomiki [Economic Problems of Scientific and Technological progress in the Studies of the Institute of Economics] // *Vestnik IE RAN*. No. 2. Pp. 43–59. (In Russ.)

Piketty Th. (2020). *Capital and ideology*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Rozanvallon P. (1997). *Novyj social'nyj vopros: pereosmyslivaya gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya* [A New Social Question: Rethinking the Welfare State]. M.: Ad Marginem. (In Russ.)

Shestakova E.E. Sovremennoe social'noe gosudarstvo: patron ili pomoshchnik? [Modern Welfare State: Patron or Assistant?] // *Voprosy teoreticheskoj ekonomiki*. 2019. No. 2. Pp. 104–117. (In Russ.)

Shtrik V. (2019). *Kuplennoe vremya. Otsrochennyj krizis demokraticheskogo kapi-talizma:* Cikl lekcij v ramkah Frankfurtskih chtenij pamyati Adorno [Purchased time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism: A Lecture Series in the Frankfurt Readings in Memory of Adorno]. M.: ID NIU VSHE. (In Russ.)

The Global Competitiveness Report 2016–2017. (2016). www3.weforum.org/docs/GCR2016-2017/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2016-2017_FINAL.pdf (date of the application: 4.03.2020).

V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossijskom rynke truda. (2014). [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market] / Pod red. V.E. Gimpel'son, R.I. Kapelyushnikov. M.: ID NIU VSHE. (In Russ.)

Wolff R.D. (2020). *Socialist or capitalist: What is China's Model, Exactly?* www.counterpunch.org/2020/08/24/socialist-or-capitalist-what-is-chinas-model-exactly (date of the application: 4.03.2020).

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Р.М. Нуреев
д. э. н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В XXI ВЕКЕ[1]

Аннотация. В статье рассмотрен демографический взрыв и его последствия в XXI в. На протяжении длительного времени численность населения земного шара изменялась крайне медленно. Хотя для традиционного общества характерна высокая рождаемость, но также характерна и высокая смертность, особенно в детском возрасте. Это продолжалось до середины прошлого века. После принудительной вакцинации всего взрослого и детского населения стран Азии, Африки и Латинской Америки удалось добиться резкого сокращения смертности и увеличения общей продолжительности жизни. В результате, хотя рождаемость в этих странах по-прежнему регулируется законами доиндустриального общества, смертность стала регулироваться законами постиндустриального общества. Начался стремительный рост населения, который будет продолжаться в течение всего XXI в. Кроме роста численности населения земного шара, увеличилась и продолжительность жизни. Если в 1950 году она составляла 37 лет в Тропической Африке и 69 лет в Северной Европе, то в 2010 она поднялась до 50,5 лет в Тропической Африке и 79 лет в Северной Европе. Произошли и существенные изменения в структуре населения земного шара: резко возросла доля стран Азии, Африки и Латинской Америки. К 2100 г. из 20 крупнейших по населению стран мира 19 будут страны Азии, Африки и Латинской Америки. Наибольших успехов добились те страны, в которых удалось снизить социально-экономическое неравенство и создать в соответствии с рекомендациями Г. Мюрдаля систему стимулирования более производительного труда.

Ключевые слова: *развивающиеся страны, демографический взрыв, ожидаемая продолжительность жизни, уровень жизни, мировой ВВП.*
JEL: D31, E01, F63, I15, J11.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_45_60.

На протяжении длительного времени численность населения земного шара изменялась крайне медленно (рис. 1). Хотя для традиционного общества характерна высокая рождаемость, но также характерна и высокая смертность, особенно в детском возрасте. Это продолжалось до середины прошлого века.

Так, в 1950 году до 20-летнего возраста доживал лишь каждый второй, а до 55-летнего возраста лишь каждый четвёртый человек. До 75-летнего возраста доживало менее 1% населения (рис. 2). Ожидаемая продолжительность жизни в 1950 году в странах Латинской Америки Карибского бассейна была чуть больше 51 года, в странах Восточной Азии —

---

[1] Статья написана по материалам доклада, прочитанного на конференции «Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. синтез цифровых технологий и инновационных решений», проведённой 1–2 апреля 2021 в Сочи. Она подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

46 лет, в странах Юго-Восточной Азии — 42 года, в странах Южной Азии — 38, а в странах Тропической Африки — 37 лет. Такая короткая продолжительность жизни была прямым следствием низкого уровня благосостояния в странах третьего мира. К тому же в этих регионах нередки были вспышки холеры, чумы, оспы, сибирской язвы. Они уносили миллионы жизней и представляли опасность для всего мира.

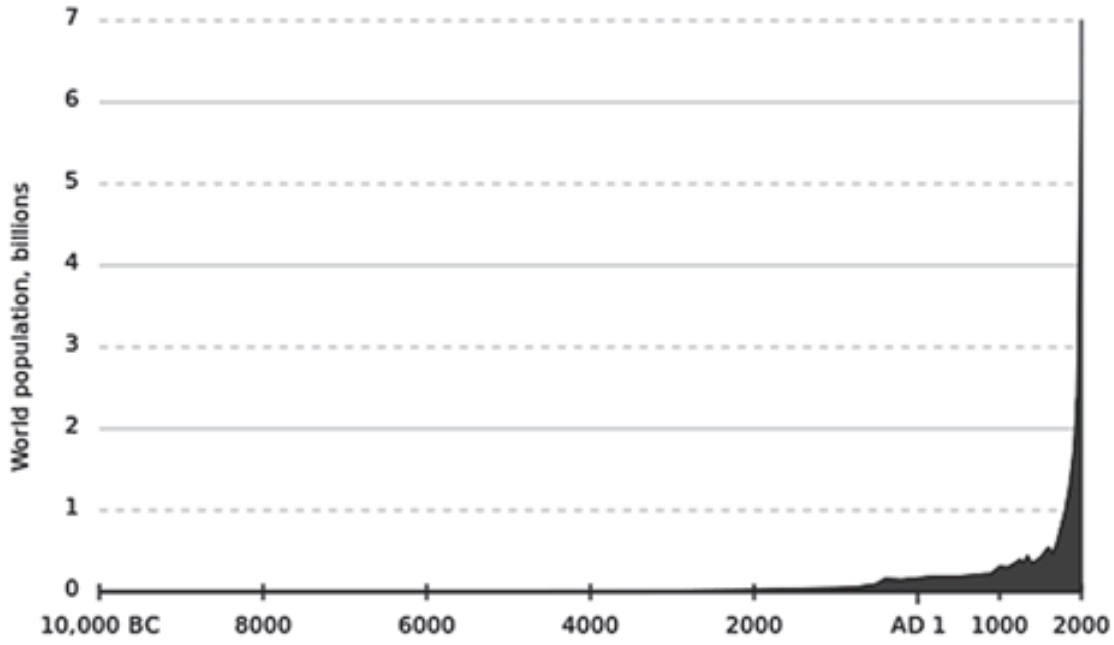


Рис. 1. **Динамика численности населения мира, 10 000 г. до н.э. — 2000 г. н.э. млрд чел.**
Источник: **US Census Bureau, Demographic Internet Staff. Historical Estimates of World Population (EN-US). www.census.gov (дата обращения: 28.01.2021).**

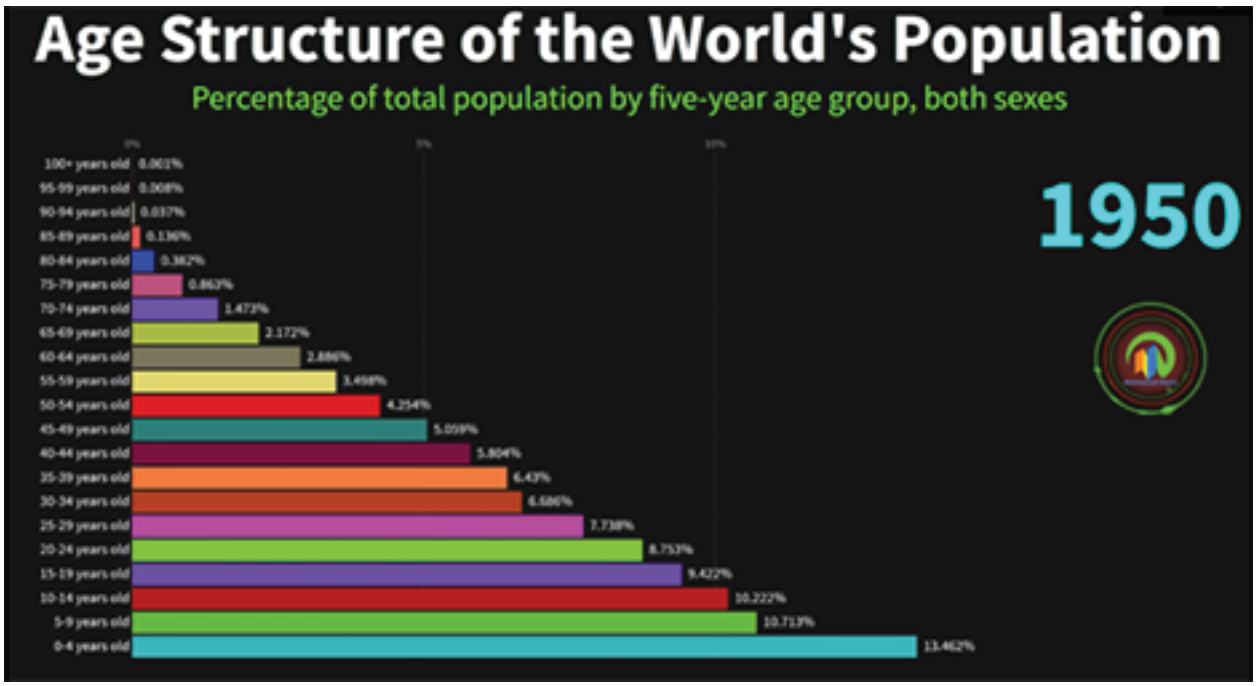


Рис. 2. **Возрастная структура мирового населения в 1950 г.**
Источник: **Age Structure of the World's Population 1950 to 2100 (Unsorted bar chart). www.youtube.com/watch?v=X1ojPHXni8M (дата обращения: 02.03.2021).**

После получения колониями независимости опасность распространения этих заболеваний по всему миру резко возросла. Для предотвращения возникновения и роста эпидемий мировое сообщество решилось воспользоваться достигнутым в развитых странах опытом борьбы с опасными заболеваниями: началась вакцинация всего взрослого и детского населения развивающихся стран.

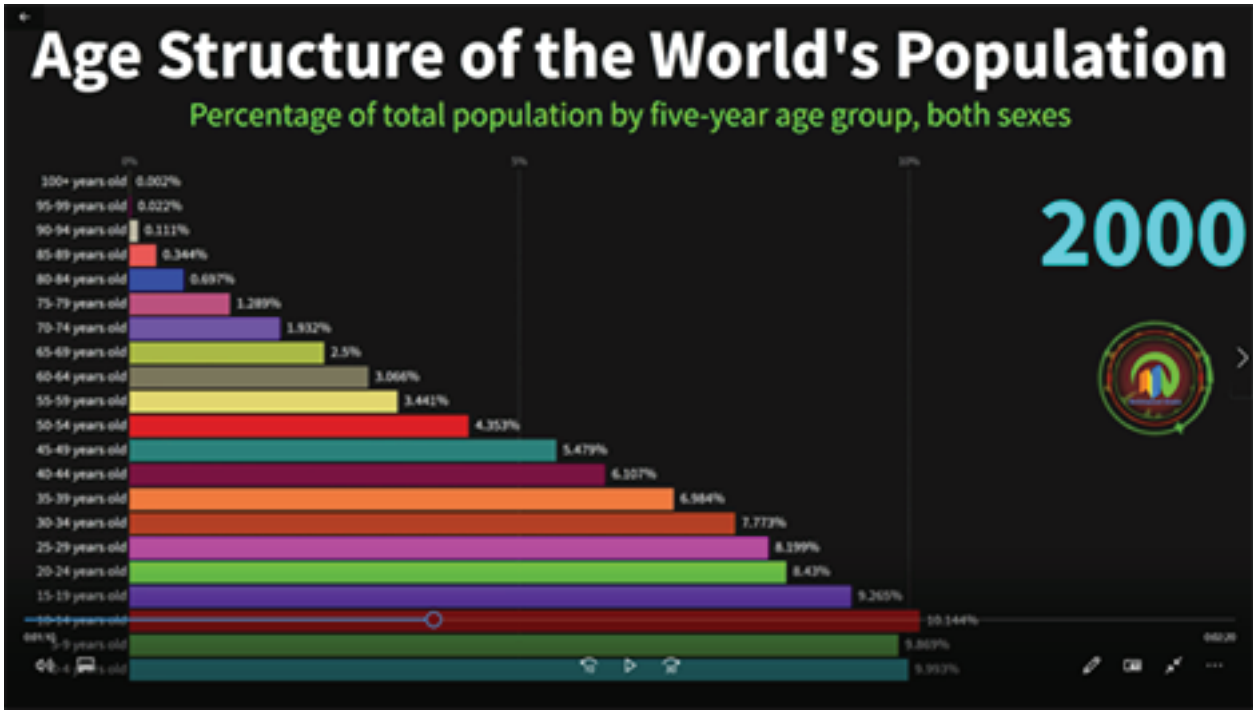


Рис. 3. **Возрастная структура мирового населения в 2000 г.**
Источник: **Age Structure of the World's Population 1950 to 2100 (Unsorted bar chart). www.youtube.com/watch?v=X1ojPHXni8M** (дата обращения: 02.03.2021).

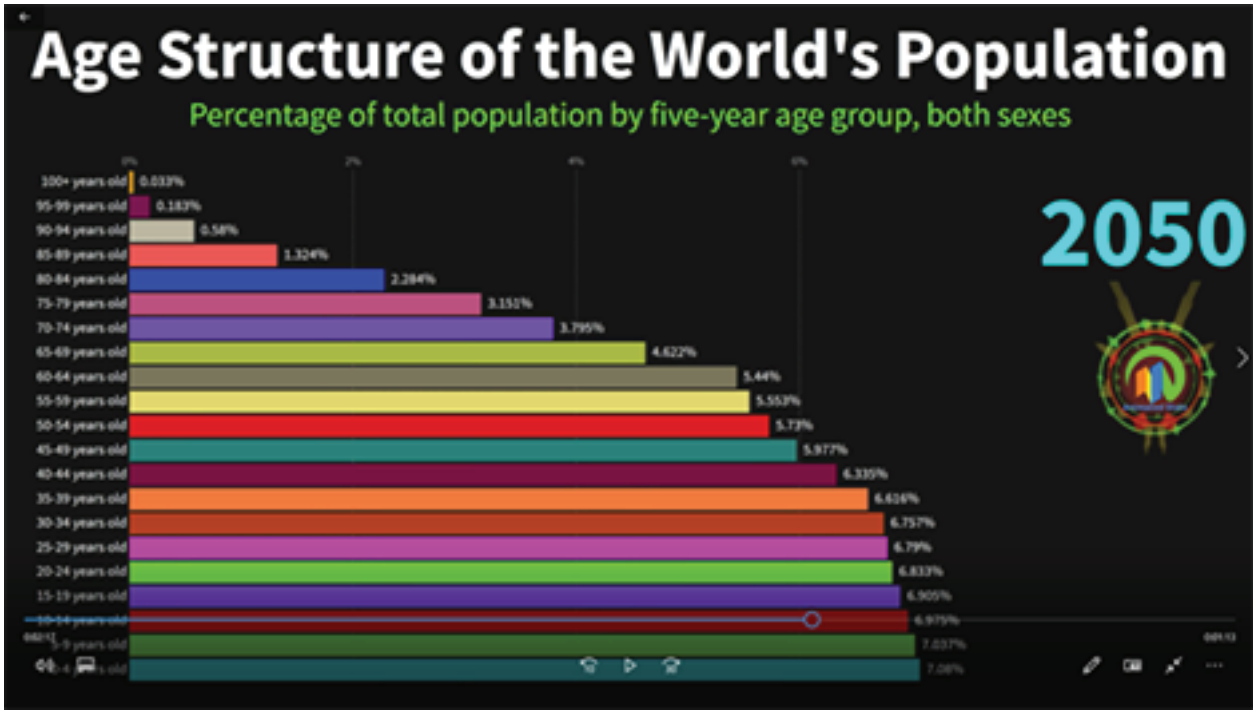


Рис. 4. **Возрастная структура мирового населения в 2050 г.**
Источник: **Age Structure of the World's Population 1950 to 2100 (Unsorted bar chart). www.youtube.com/watch?v=X1ojPHXni8M** (дата обращения: 02.03.2021).

Это позволило резко снизить детскую и взрослую смертность от наиболее опасных заболеваний типа холеры, чумы, сибирской язвы и других наиболее опасных заболеваний. В результате вероятность дожития до более старших возрастов в развивающихся странах резко возросла.

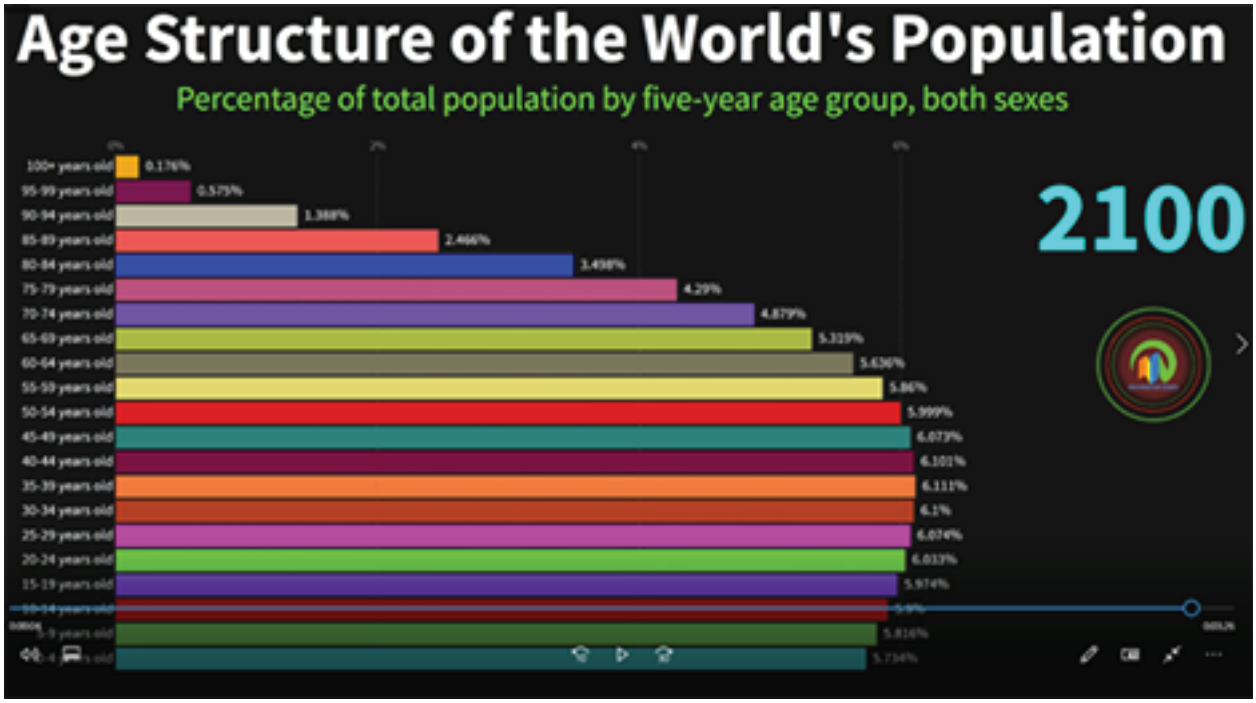


Рис. 5. **Возрастная структура мирового населения в 2100 г.**
Источник: **Age Structure of the World's Population 1950 to 2100 (Unsorted bar chart). www.youtube.com/watch?v=X1ojPHXni8M (дата обращения: 02.03.2021).**

Новые тенденции и закономерности развития стали результатом демографического взрыва в развивающихся странах. Прямым следствием его стал молодеющий мир. Доля молодого населения в странах Азии, Африки и Латинской Америки заметно выше, чем в странах Европы или Северной Америки. Высокие темпы роста населения в освободившихся странах привели к резкому возрастанию доли стран Азии, Латинской Америки и Африки в мировом сообществе. Как показывают расчёты, это будет продолжаться по меньшей мере до 2100 г.

Рождаемость в третьем мире не могла снизиться в одночасье. Она по-прежнему регулировалась законами доиндустриального мира. А вот смертность была сокращена за счёт новейших достижений и стала регулироваться законами постиндустриального мира.

Этот разрыв и стал основой демографического взрыва. Так, для родившихся в 2000 г. вероятность дожития до 20-летнего возраста составляет уже не 50%, а почти 80% (рис. 3). Для родившихся в 2050 г. она будет составлять 90% (рис. 4), а к 2100 г. проблема смертности юных будет полностью решена (рис. 5).

Мы уже отмечали, что для традиционного общества характерна высокая рождаемость. В 1950 г. было более 20 стран с высоким коэффициентом рождаемости, превышающим 7 детей на одну женщину. В их числе лидировали Руанда, Йемен, Ирак, Доминиканская республика, Гондурас, Филиппины, Афганистан, Кот-д'Ивуар. К середине прошлого века среднее количество детей на одну женщину составляло 5 человек [*Top Countries With The Highest Fertility Rates…*].

К 2000 г. число стран, в которых на одну женщину приходилось 7 рождений сократилось до четырёх. В их числе остались Нигер, Сомали, Афганистан, Чад. Мировой показатель рождаемости снизился с 5 человек до 2,72 [*Top Countries With The Highest Fertility*

Rates…]. К 2100 году мировой показатель снизится до 1,92. Это будет означать уже простое воспроизводство, то есть эхо демографического взрыва закончится.

В результате сменились страны — лидеры по среднегодовому числу рождений. В 1950 г. наибольшее число родившихся было в Китае, Индии, Советском Союзе, США и Пакистане [*Top Countries by Average Annual Number of Births…*]. В 2000 г. на первое место вышла Индия, перегнав Китай, а на третьем оказалась Нигерия, на четвертом месте Пакистан, а на пятом — Индонезия.

В 2050 г. пятерка лидеров будет выглядеть следующим образом: Индия, Китай, Нигерия, Пакистан, Демократическая республика Конго. В 2100 г. ситуация сохранится. Однако Нигерия перегонит Китай, а Танзания перегонит Пакистан, вытеснив его на шестое место [*Top Countries by Average Annual Number of Births…*].

Всё это приведёт к резкому возрастанию роли стран Азии, Латинской Америки и Африки в мировом населении. Как показывают расчёты, эта тенденция будет продолжаться на протяжении всего XXI века. В 2100 г. до 55-летнего возраста будут доживать почти все родившиеся в этом году! (рис. 4). Возрастёт и общая продолжительность жизни во всём мире. Хотя возрастёт, конечно, не в одинаковой пропорции. Развитые страны будут по-прежнему иметь некоторые преимущества, хотя разрыв между странами и континентами будет постепенно сокращаться.

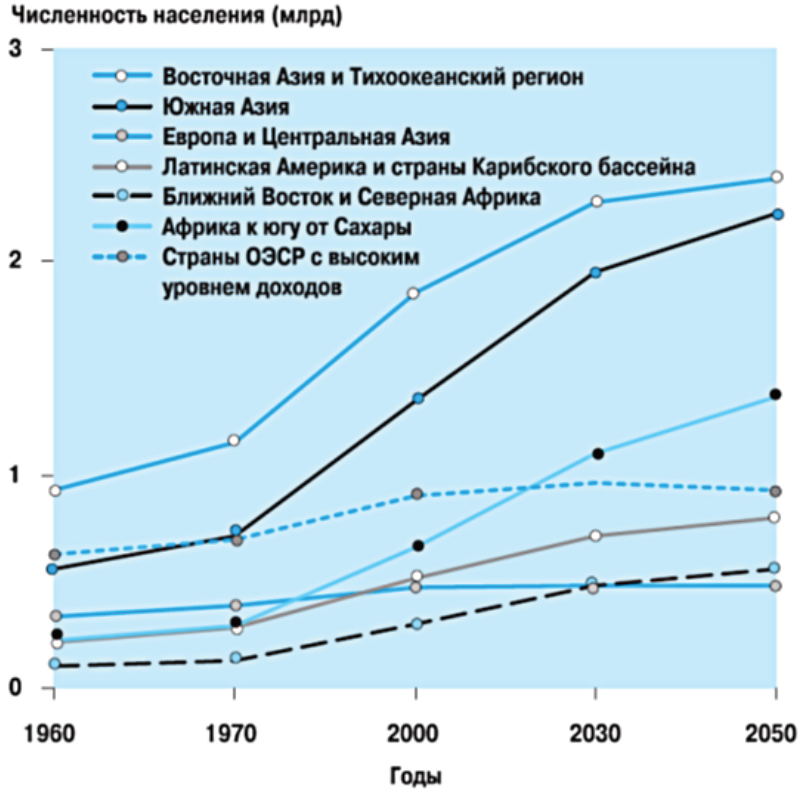


Рис. 6. **Темпы роста населения регионов мира, 1960 — 2050 гг.**
Источник: **Доклад о Мировом развитии 2003 года. М.: Весь мир, 2003. С. 5.**

Действительно, в результате «демографического взрыва» более половины населения Земли в настоящее время приходится на Азию, а если добавить еще Африку, Латинскую Америку и Океанию, то их доля составит почти 80%. Прогнозы показывают, что удельный вес этих регионов в населении будет возрастать, поскольку на них приходится 90% прироста населения планеты (рис. 6). И хотя их вклад в мировое экономическое развитие значительно скромнее, постепенно наметился сдвиг торговых потоков из Европы и транс Атлантики в Азию и Тихий океан. Как показывают прогнозы, эта тенденция в середине XXI века.

Особенно быстрыми темпами будет расти население стран Африки. Население этого континента к концу 20-х гг. XXI в. превысит население Европы, Северной и Южной Америки вместе взятых [*Родионова*, 1995. С. 48]. Поэтому давление, оказываемое на природные ресурсы в третьем мире, гораздо сильнее, чем в развитых странах и действительно создает опасности порочных кругов нищеты, особенно если учесть долговременные тенденции экономического роста.

Таблица 1

Исторические тенденции экономического роста мировой системы хозяйства 1800–1990 гг. (ежегодные темпы прироста ВНП на душу населения, %)

Страны	Развитые страны	Страны третьего мира*	Все страны
1800–1830	0,6	–0,2	0,1
1830–1870	1,1	0,0	0,4
1870–1880	0,8	0,0	0,5
1880–1890	1,1	0,1	0,8
1890–1900	1,7	0,2	1,2
1900–1913	1,6	1,0	1,5
1913–1920	–1,3	0,2	–0,8
1920–1929	3,1	0,1	2,4
1929–1939	1,1	0,3	0,8
1939–1950	1,5	0,4	0,8
1950–1960	3,3	1,6	2,5
1960–1970	4,6	1,7	3,5
1970–1980	2,5	1,7	2,0
1980–1990	1,8	0,0	0,9

* 1950 г. исключены страны с централизованно планируемой экономикой.

Источник: Bairoch P. Economics and World History. Myth and Paradoxes. London, 1993. P. 7.

Удивительно другое. Ежегодные темпы прироста ВНП на душу населения в третьем мире после демографического взрыва XX в. заметно возросли. В 1950–1970-е годы они были в 4–5 раз выше, чем между двумя мировыми войнами (табл. 1). Конечно, ежегодные темпы прироста ВНП на душу населения в послевоенные годы были в 2–3 раза ниже, чем в развитых странах. Но не следует забывать, что в последних никакого демографического взрыва не было. В условиях демографического взрыва сохранение даже прежних скромных показателей прироста ВНП на душу населения было бы уже большим достижением. А развивающимся странам их удалось превысить в 4–5 раз! Это было огромным достижением и разрушило все мальтузианские теории, популярные в Западном мире в первые годы независимости. Фактически, мы вновь открыли истину, сформулированную ещё В. Петти, о том. что в доиндустриальную эпоху население было важнейшим элементом богатства[2]. Неслучайно, комментируя труды этого великого экономиста, К. Маркс пишет, что В. Петти уже в XVII в. открывает, что «население — богатство» [*Маркс, Энгельс.* Т. 26. Ч. 1. С. 357].

[2] Подробнее в: [*Мэддисон*, 2012. С. 385–398].

Многие западные эксперты искренне считали, что для использования «избыточной» рабочей силы необходимо лишь предоставление работы. Шведский экономист Г. Мюрдаль был одним из первых, кто обратил внимание на сравнительно недавнее происхождение западного подхода[3]. Он считал, что это типичный перенос ультрасовременной западной теории в развивающиеся страны. Характерно, что ранее, в колониальный период, существовала проблема дефицита рабочей силы, и для решения производственных проблем широко практиковалось внеэкономическое принуждение к труду. Возникла даже особая теория колонизаторов — своеобразная попытка объяснения парадокса недостатка рабочей силы в условиях её избытка. В качестве важнейших причин, объясняющих его, назывались лень и нетребовательность рабочей силы, жаркий влажный климат и расовая неполноценность. Действительными причинами, полагал Г. Мюрдаль, являются: плохое питание и слабое здоровье; низкий уровень жизни; институциональные условия и несовершенство рынка труда. Он считал, что кейнсианский подход не применим к подавляющему большинству населения. Исключение составлял лишь современный сектор, который к моменту освобождения страны от колониальной зависимости охватывал лишь 13 млн из 147 млн экономически активного населения в тогдашней Индии!

Оценки безработных в развивающихся странах весьма условны: отсутствие пособий в развивающихся странах снижает стимул к регистрации, поэтому регистрируются только люди с образованием. Поэтому Г. Мюрдаль подчеркивает, что большинство так называемых безработных отнюдь не готовы к выполнению работы в современном секторе и не составляют резерв рабочей силы в социально-экономическом смысле этого слова. Более того, в развивающихся странах резерв рабочей силы зависит от направления и интенсивности институциональных мероприятий как прямых (воспитание, образование, пропаганда, агитация, регулирование и принуждение), так и косвенных (улучшение условий труда за счет других ресурсов — капитала и земли).

Поэтому Г. Мюрдаль уже в конце 1960-х гг. сформулировал основные принципы более реалистичного подхода. Он предложил различать понятия «потенциальная рабочая сила», то есть часть населения, находящегося в трудоспособном возрасте, и действительное использование рабочей силы.

Анализируя традиционное земледелие и факторы, влияющие на использование рабочей силы, Г. Мюрдаль отмечал, что коэффициент занятости в сельском хозяйстве меньше 1. Более того, он имел долгосрочную тенденцию к понижению. Продолжительность рабочего времени сильно колебалась в течение года, который продолжается обычно 6–8 месяцев. Неодинаковыми с точки зрения их реального наполнения являлись даже такие простые категории, как рабочая неделя и день.

Различной была и интенсивность, и производительность труда. Они сильно зависели от институциональных факторов. Не удивительно, что в этих условиях возникал порочный круг бедности в сельском хозяйстве.

Главная причина слаборазвитости была не в недостатке иностранного капитала, а в недоиспользовании трудовых ресурсов. Люди, не заинтересованные в своем труде, работали плохо и мало, при этом в Индии, по мнению Мюрдаля, сохранялось презрительное отношение к простому физическому труду. Повинна в этом, прежде всего, система традиционных «азиатских ценностей». Признание этого обстоятельства больно ранило национальное самосознание. Нехватка внешних объективных ресурсов — товаров, денег, капитала и т.д. — не так остро затрагивала национальные чувства, как признание в качестве главных и определяющих факторов собственных недостатков.

---

[3] Подробнее см.: [*Нуреев*, 2020. С. 113–143].

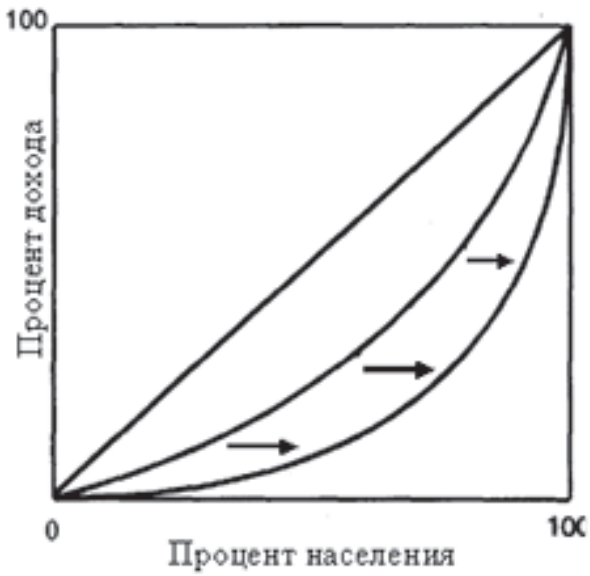


Рис. 7. **Усиление неравенства в процессе становления рыночной экономики в западноевропейских странах**
Источник: составлено автором.

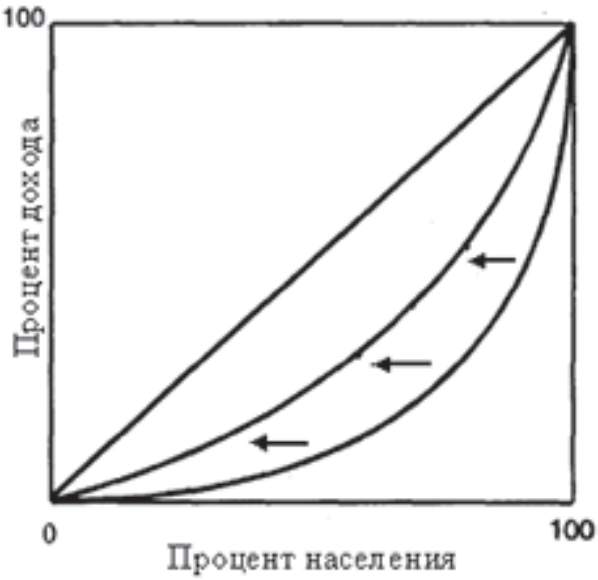


Рис. 8. **Ослабление неравенства в ходе развития рыночной экономики.**
Источник: составлено автором.

Г. Мюрдаль вступил в полемику с С. Кузнецом, который путем изучения индустриализации развитых стран, вывел своеобразную взаимосвязь между неравенством и доходом на душу населения в ВНП. Кривая Кузнеца показывает, что на ранних этапах индустриализации снижается доля беднейшего населения в национальном доходе и растет коэффициент Джини, достигая 0,6–0,7 к концу индустриализации. Реально это означает рост полюсов богатства и нищеты, что выражается в сдвиге кривой Лоренца вправо (рис. 7). Мюрдаль отстаивал прямо противоположный подход. Он полагал, что для подъёма экономики развивающихся стран необходимо ослабление неравенства (рис. 8).

Для преодоления отсталости необходимо изменить систему возмещения трудовых затрат. В странах Азии сохраняется прямая связь между уровнем жизни и производительностью, а «...с ростом дохода должны повыситься работоспособность и эффективность труда» [*Мюрдаль*, 1972. С. 25]. Поэтому главная проблема — не в росте нормы накопления капитала, а в обеспечении населения продовольствием таким образом, чтобы стимулировать более интенсивный, более производительный труд. Проведённые до этого реформы не затрагивали коренных основ традиционного общества. Их разрушению, способствовала бы глубокая аграрная реформа. Однако трагедия заключалась в том, что сознание крестьянства в освободившихся странах было явно неподготовленным для такой реформы. Мюрдаль выступал в поддержку любых социальных сил, которые были способны обеспечить реальный рост трудового вклада незанятой или слабоиспользуемой рабочей силы. Особенно он пропагандировал такие методы, применение которых не приводит к росту дефицита других факторов производства.

Подход Мюрдаля имел важное гуманистическое значение. По существу он углублял пропасть между теориями роста и теориями развития. Рост, который не сопровождается улучшением положения большинства населения, не рассматривается им как развитие с большой буквы, потому что он оставляет в стороне подавляющую часть населения и осуществляется за счет неё. Развитие понимается Мюрдалем как повышение степени удовлетворения основных потребностей всех членов общества. Теория Мюрдаля стала теоретическим обоснованием деятельности наиболее радикальной части общества. Под влиянием его книги была подготовлена стратегия удовлетворения основных потребностей, рекомендованная экспертами ООН освободившимся странам.

Если до демографического взрыва в 1950 г. почти половину самых густонаселённых стран составляли индустриальные высокоразвитые государства [*Top 20 Countries by Population…*], то к 2000 их доля сократилась до одной четвертой (рис. 9). К 2050 г. развитых стран останется только три (рис. 10), а к 2100 году из этих ныне самых развитых стран в числе густонаселённых останется только одна — Соединённые Штаты Америки (рис. 11).

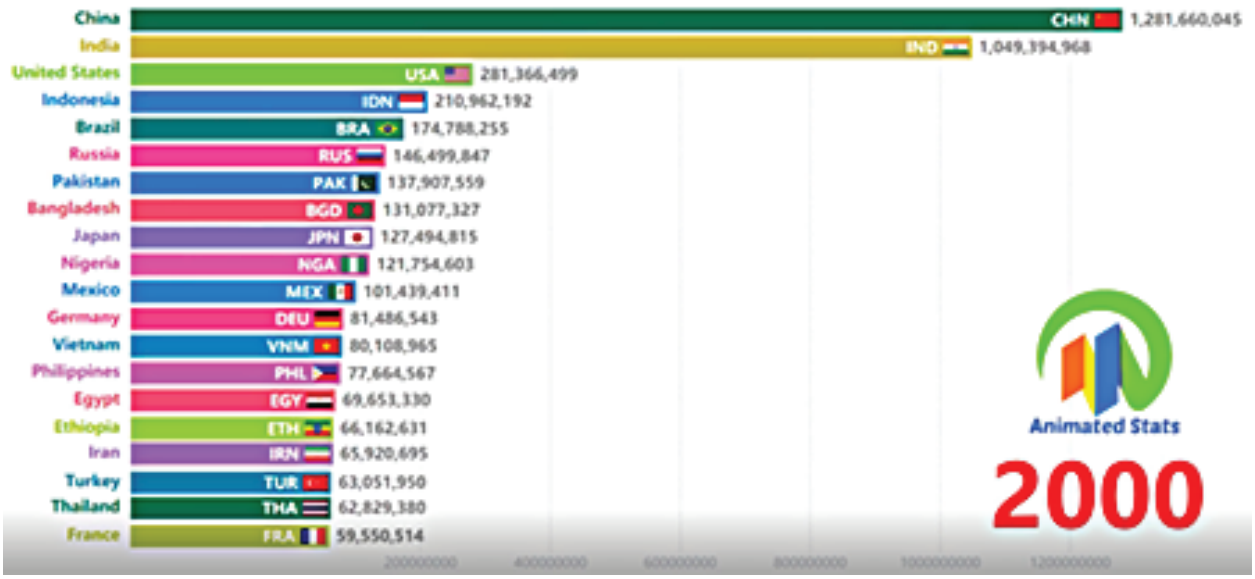


Рис. 9. **20 крупнейших по населению стран мира в 2000 г.**
Источник: **Top 20 Countries by Population (1950 to 2100). www.youtube.com/watch?v=eQ3DmdduyyQ** *(*дата обращения: 28.01.2021).

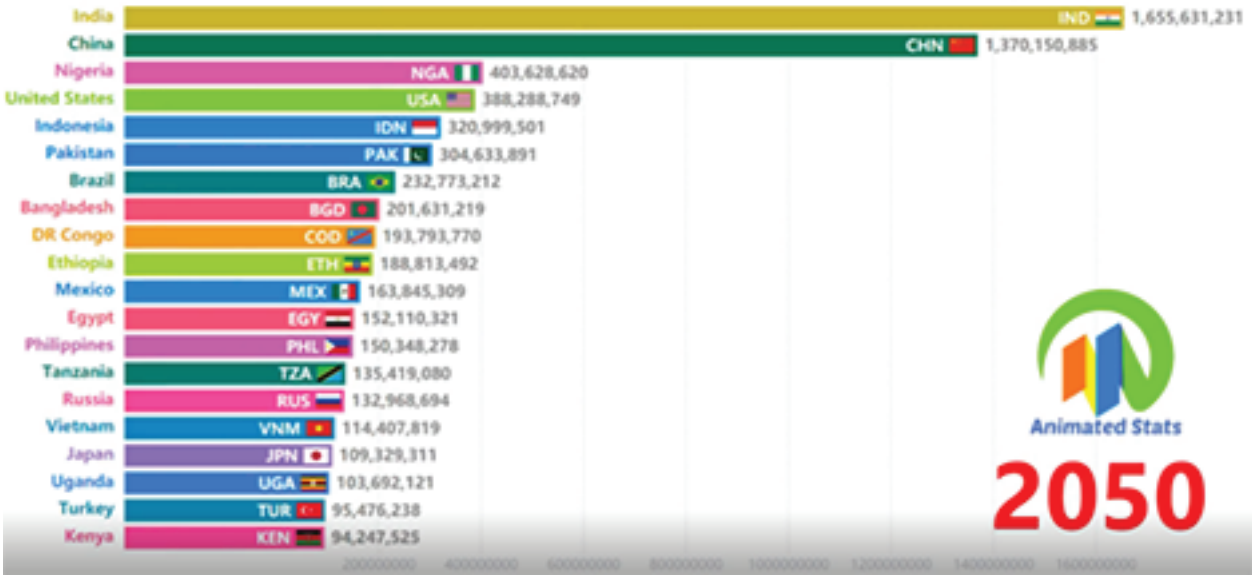


Рис. 10. **20 крупнейших по населению стран мира в 2050 г.**
Источник: **Top 20 Countries by Population (1950 to 2100). www.youtube.com/watch?v=eQ3DmdduyyQ (дата обращения: 28.01.2021).**

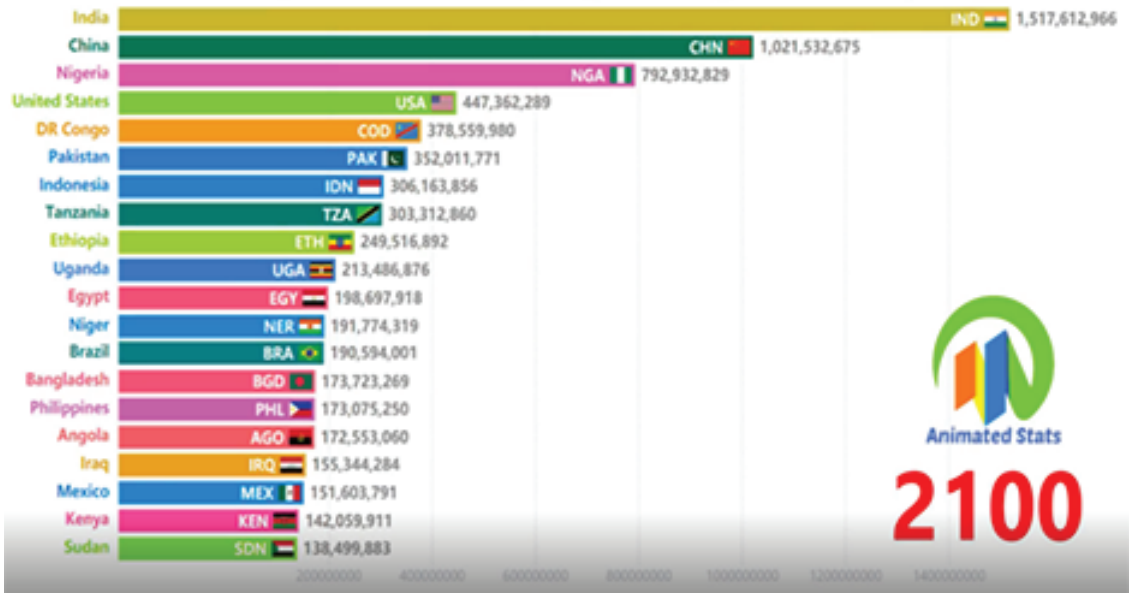


Рис. 11. **20 крупнейших по населению стран мира в 2100 г.**
Источник: Top **20 Countries by Population (1950 to 2100).**
www.youtube.com/watch?v=eQ3DmdduyyQ (дата обращения: 28.01.2021).

К 2100 г. Китай перегонит Индию, население которой превысит 1,5 млрд. человек. На 3-е место выйдет Нигерия, население которой будет приближаться к 800 млн человек. Население таких стран, как Демократическая республика Конго, Пакистан, Индонезия и Танзания, превысит 300 млн. человек каждая.

Кроме них в двадцатку крупнейших стран мира войдут Эфиопия (250 млн), Уганда (213), Египет (299), Нигер (292), Бразилия (291), Бангладеш (274), Филиппины (273), Ангола (173), Ирак (155), Мексика (152), Кения (142) и Судан (138 млн).

Кроме роста численности населения мира, увеличилась и продолжительность жизни. Если в 1950 году она составляла 37 лет в Тропической Африке и 69 лет в Северной Европе, то в 2010 она поднялась до 50,5 лет в Тропической Африке и 79 лет в Северной Европе. (рис. 12). Более высокие тепы роста продолжительности жизни были характерны для стран Восточной и Южной Азии, а также для стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

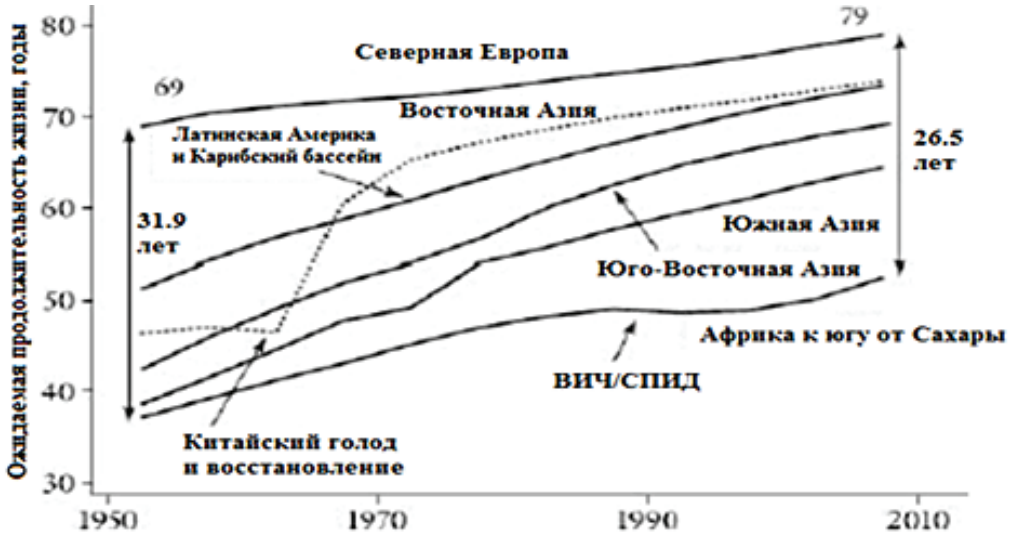


Рис. 12. **Ожидаемая продолжительность жизни в различных регионах мира,1950–2010 гг.**
Источник: ***Дитон А.*** **Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. С. 129.**

И хотя разрыв в продолжительности жизни между развитыми и развивающимися странами сохраняется по-прежнему, он имеет ярко выраженную тенденцию к сокращению. Особенно быстро он сокращается со странами Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии. Единственное исключение пока составляют страны Тропической Африки, в которых СПИД тормозит повышение ожидаемой продолжительности жизни (рис. 12).

После Первой мировой войны и Октябрьской революции в России в развитых странах появилась отчётливая тенденция к более равномерному распределению доходов (рис. 13). Так, если в конце XIX в. доля в общем богатстве, принадлежащая 1% самых богатых, превышала 60% национального богатства во Франции и Великобритании, 50 — в Швеции, 40 — в Дании и Финляндии, 35% — в Норвегии, Финляндии и США, то в конце XX в. она снизилась более чем в 2 раза. В конце XX в. эта тенденция к более равномерному распределению доходов стала типична и для многих развивающихся стран, включая Индию, Китай, Аргентину и Южную Африку (рис. 14).

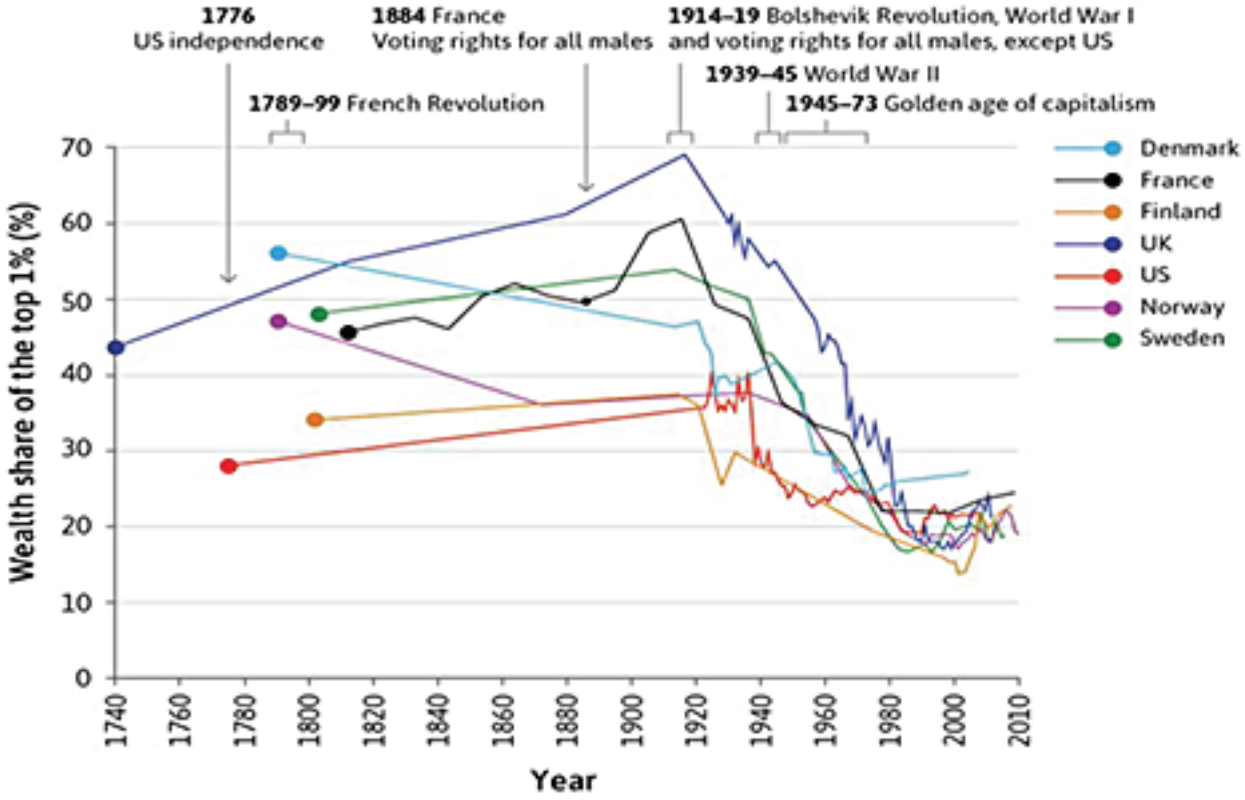


Рис. 13. **Доля в общем богатстве, принадлежащая 1% самых богатых (1740–2011 гг.)**
Источник: **The Economy. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 848**.

Однако это не означает, что во всех странах уже установилось равномерное распределение доходов. К сожалению, коэффициент Джини до сих пор очень высок для Южной Африки, Бразилии и Мексики (рис. 15).

Уровень жизни в таких густонаселённых странах, как Китай и Индия после долгих лет стагнации стал стремительно расти (рис. 16). Следствием стало уменьшение числа бедных в мире. Число людей, живущих за чертой бедности с1980 по 2010 г. сократилось на 750 млн человек (рис. 17).

Это привело к тому, что в двадцатке самых богатых государств мира стало всё больше развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. В 1950 году их было всего восемь (Индия, Китай, Бразилия, Аргентина, Мексика, Нигерия, Индонезия и Южная Африка, рис. 18).

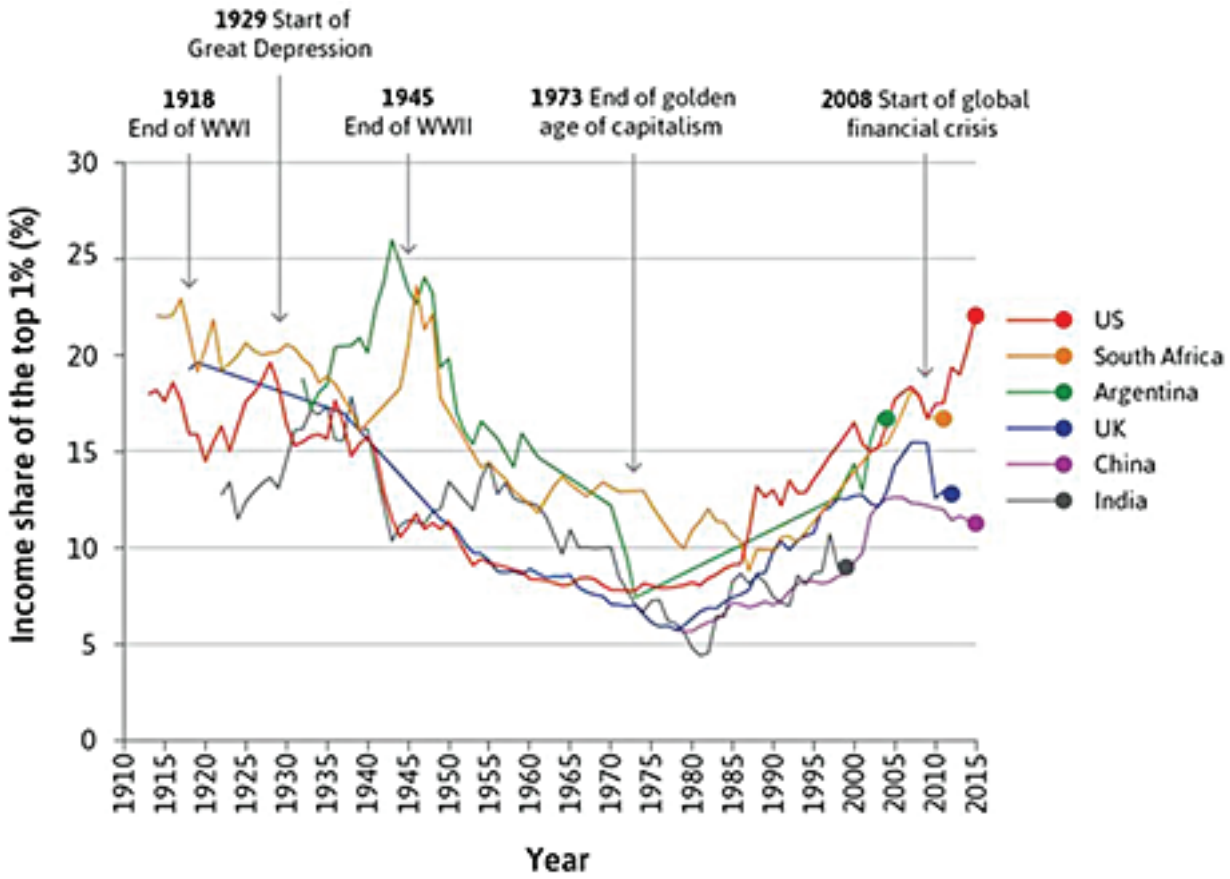


Рис. 14. **Доля в общем доходе, полученная топ 1% (1913–2015 гг.)**
Источник: **The Economy. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 849.**

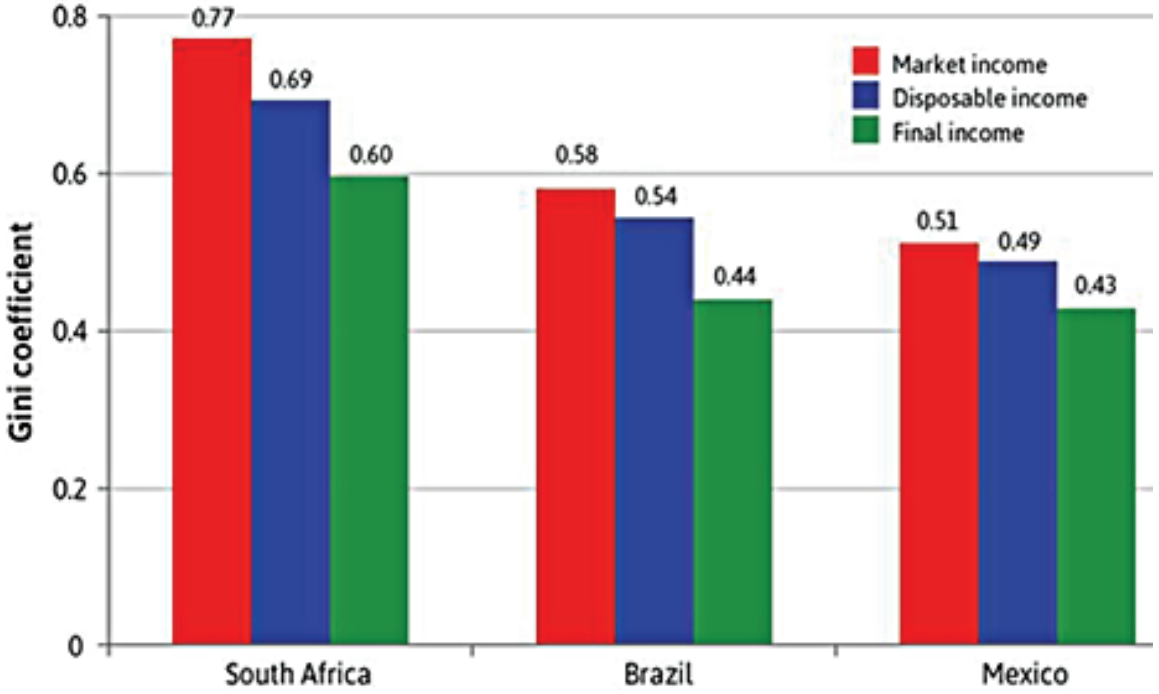


Рис. 15. **Коэффициент Джини для рыночного дохода, располагаемого дохода и конечного дохода**
Источник: **The Economy. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 890.**

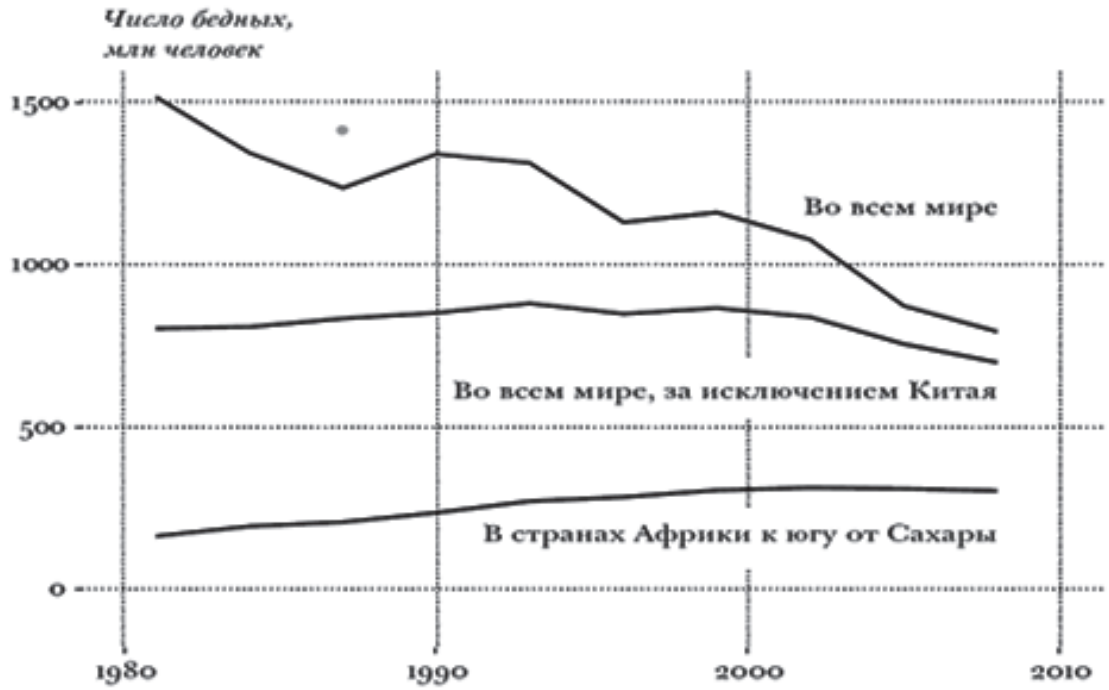


Рис. 16. **Уменьшение числа бедных в мире с 1980 по 2010 гг.**
Источник: **Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. С. 63.**

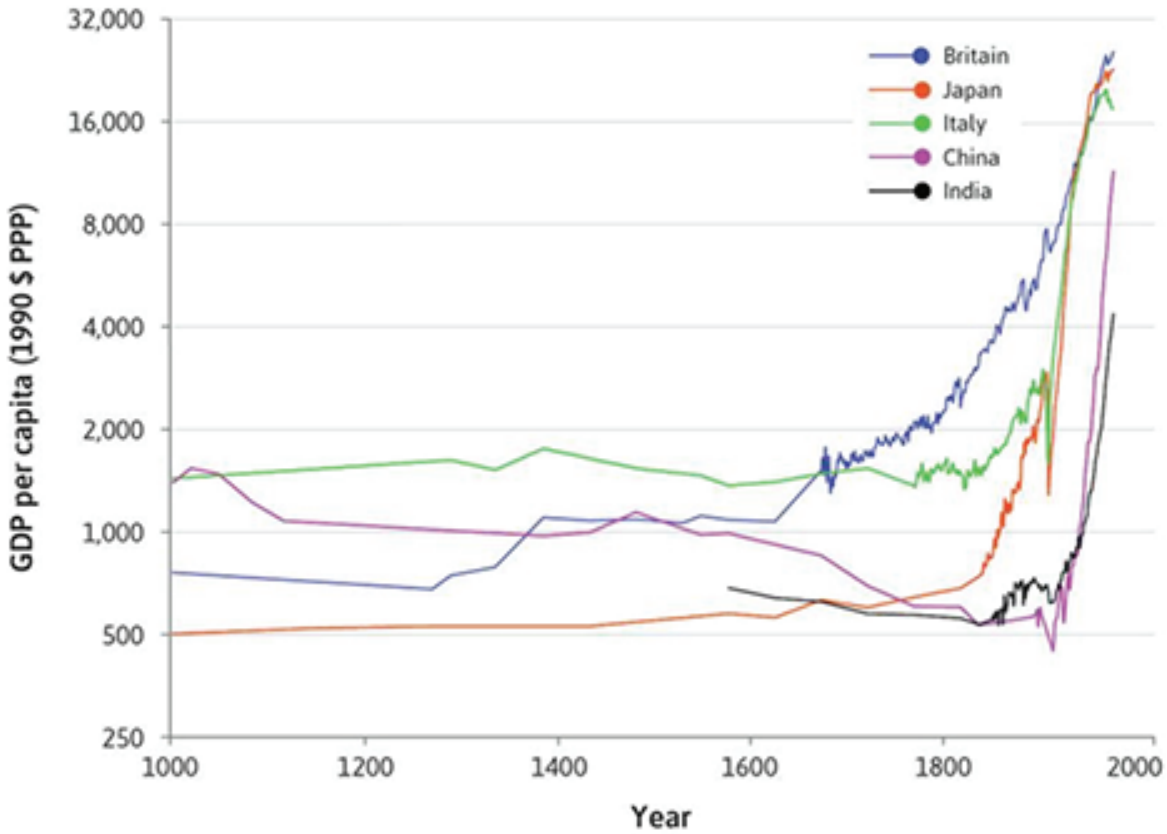


Рис. 17. **Уровень жизни в 5 странах (1000–2015 гг.)**
Источник: **The Economy. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 12.**

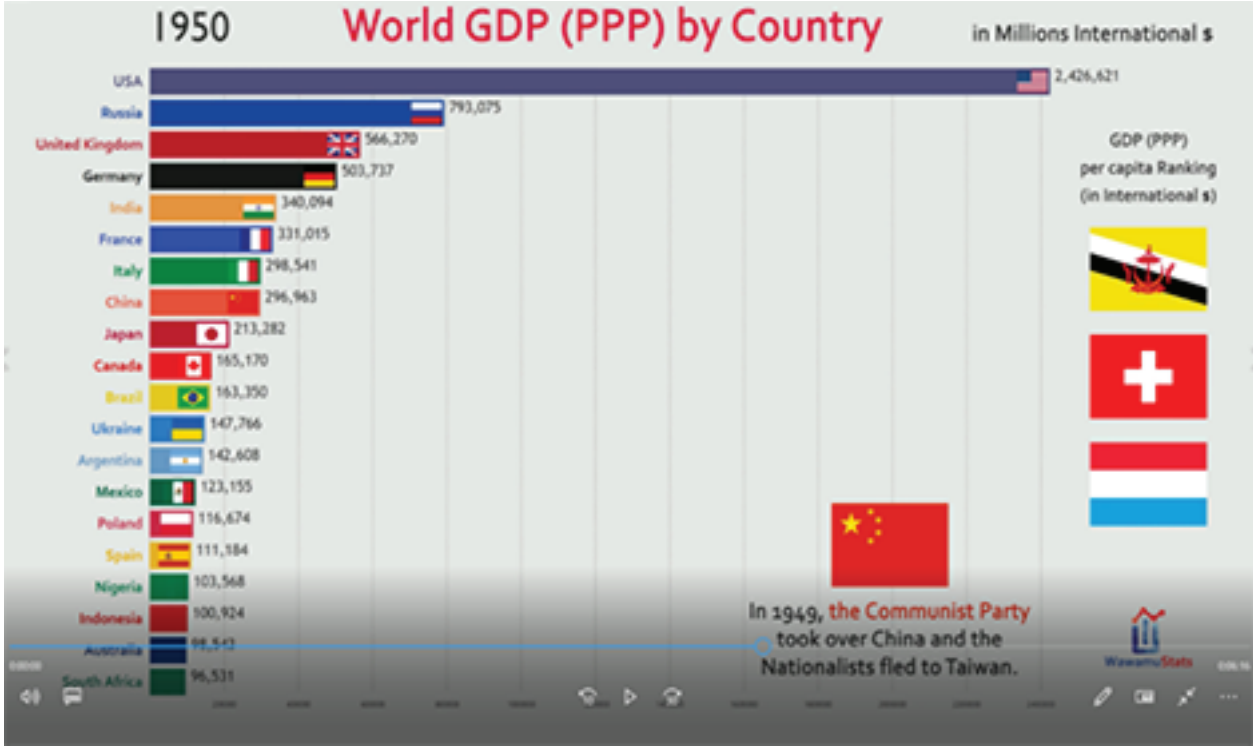


Рис. 18. **ВВП (с учётом ППС) по странам в 1950 г.**
Источник: **Top 20 Country GDP (PPP) History & Projection (1800–2040). www.youtube.com/watch?v=4-2nqd6-ZXg (дата обращения: 28.01.2021).**

Рис. 19. **ВВП (с учётом ППС) по странам в 2000 г.**
Источник: **Top 20 Country GDP (PPP) History & Projection (1800–2040). www.youtube.com/watch?v=4-2nqd6-ZXg (дата обращения: 28.01.2021).**

К 2000 году их стало десять. К ним добавились Турция, Южная Корея, Саудовская Аравия, Иран и Таиланд. Выпали из двадцатки Нигерия и Аргентина (рис. 19). К 2040 году выпадет Таиланд, но вернётся Нигерия и добавится Пакистан (рис. 20).

Рис. 20. **ВВП (с учётом ППС) по странам в 2040 г.**
Источник: **Top 20 Country GDP (PPP) History & Projection (1800–2040). www.youtube.com/watch?v=4-2nqd6-ZXg (дата обращения: 28.01.2021).**

Расчёты Э. Мэддисона позволяют проследить динамику за последнюю тысячу лет с высокой степенью надёжности [*Мэддисон*, 2012. С. 513, 574–575]. Китай и Индия быстро увеличивают свой вклад в мировой ВВП. И эта тенденция сохранится в XXI в. И наоборот, роль традиционных центров мирового производства (таких как США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия и Испания) будет постепенно сокращаться. Эхо демографического взрыва будет слышно на протяжении всего XXI столетия.

ЛИТЕРАТУРА

Дитон А. (2016). Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия».

Доклад о Мировом развитии 2003 года. (2003). М.: Весь мир.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955–1974). Т. 26. Ч. 1.

Мэддисон Э. (2012). Контуры мировой экономики в 1-2030 гг.: Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд. Института Гайдара.

Мюрдаль Г. (1972). Современные проблемы «третьего мира». М.: Прогресс.

Нуреев Р.М. (2020). Экономика развития: модели становления рыночной экономики: Учебник. 2-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М.

Родионова И.А. (1995). Глобальные проблемы человечества. М.: Аспект Пресс, 1995.

Age Structure of the World's Population 1950 to 2100 (Unsorted bar chart). www.youtube.com/watch?v=X1ojPHXni8M (дата обращения: 2.03.2021).

Bairoch P. (1993). Economics and World History. Myth and Paradoxes. London: Harvester Wheatsheaf.

Demographic Internet Staff. Historical Estimates of World Population (EN-US) // US Census Bureau. www.census.gov (дата обращения 28.01.2021).

The Economy (2017). Oxford: Oxford University Press.

Top 20 Countries by Population (1950 to 2100). www.youtube.com/watch?v=eQ3DmdduyyQ (дата обращения: 2.03.2021).

Top 20 Countries GDP (PPP) History & Projection (1800–2040). www.youtube.com/watch?v=4-2nqd6-ZXg (дата обращения: 2.03.2021).

Top Countries by Average Annual Number of Births. www.youtube.com/watch?v=gZS3qVPowCc (дата обращения: 2.03.2021).

Top Countries With The Highest Fertility Rates — Children per Woman 1950 to 2100. www.youtube.com/watch?v=VgbbIdEP0PI (дата обращения: 2.03.2021.

Нуреев Рустем Махмутович
nureev50@gmail.com

Rustem Nureev
Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Department of Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of Kazan (Volga Region) Federal University
nureev50@gmail.com

DEMOGRAPHIC EXPLOSION AND ITS EFFECTS IN THE XXI CENTURY

Abstract. The article examines the population explosion and its consequences in the XXI century. For a long time, the world's population has changed extremely slowly. Although a traditional society is characterized by a high birth rate, it is also characterized by a high mortality rate, especially in childhood. This continued until the middle of the last century. As a result of compulsory vaccination of the entire adult and child population in Asia, Africa and Latin America, a sharp reduction in mortality and an increase in overall life expectancy was achieved. As a result, although fertility in these countries is still governed by the laws of pre-industrial society, mortality has come to be governed by the laws of post-industrial society. As a result, a rapid population growth began, which will continue throughout the 21st century. As a result of the demographic explosion, not only has the world's population grown significantly, but life expectancy has also increased. If in 1950 it was 37 years in Tropical Africa and 69 years in Northern Europe, then in 2010 it rose to 50.5 years in Tropical Africa and 79 years in Northern Europe. There have also been significant changes in the structure of the world's population: the share of countries in Asia, Africa and Latin America has sharply increased. As a result, by 2100, of the 20 largest countries in the world in terms of population, 19 will be countries of Asia, Africa and Latin America. The greatest successes have been achieved by those countries that have managed to reduce socio-economic inequality and create, in accordance with the recommendations of G. Myrdal, a system of incentives for more productive labor.

Keywords: *developing countries, population explosion, life expectancy, standard of living, world GDP.*
JEL: D31, E01, F63, I15, J11.

REFERENCES

Age Structure of the World's Population 1950 to 2100 (Unsorted bar chart). www.youtube.com/watch?v=X1ojPHXni8M (date of the application 2.03.2021).

Bairoch P. (1993). *Economics and World History. Myth and Paradoxes*. London: Harvester Wheatsheaf.

Deaton A. (2016). *Velikiy pobeg: Zdorov'ye, bogatstvo i istoki neravenstva* [The Great Escape: Health, Wealth and the Origins of Inequality]. M.: Izd-vo Instituta Gaydara; Fond «Liberal'naya Missiya». (In Russ.)

Doklad o Mirovom razvitii 2003 goda [World Development Report 2003] (2003). M.: Ves` mir. (In Russ.)

Maddison A. (2012). *Kontury mirovoy ekonomiki v 1–2030 gg.: Ocherki po makroekonomicheskoy istorii* [Contours of the world economy in the years 1–2030. Essays on Macroeconomic History]. M.: Izd. Instituta Gaydara. (In Russ.)

Marx K., Engels F. (1955–1974). T. 26. Ch. 1. (In Russ.)

Myrdal G. (1972). *Sovremennyye problemy «tret'yego mira»* [Modern problems of the «third world»]. M.: Progress. (In Russ.)

Nureyev R.M. (2020). *Ekonomika razvitiya: modeli stanovleniya rynochnoy ekonomiki*: Uchebnik. 2-ye izd [Development economics: models of the formation of a market economy. Textbook. 2nd ed.]. M.: Norma; INFRA-M. (In Russ.)

Rodionova I.A. (1995). *Global'nyye problemy chelovechestva* [Global problems of humanity]. M.: Aspect Press. (In Russ.)

The Economy. (2017). Oxford: Oxford University Press.

Top 20 Countries by Population (1950 to 2100) https://www.youtube.com/watch?v=eQ3DmdduyyQ. Date of the application 2.03.2021

Top 20 Country GDP (PPP) History & Projection (1800–2040). www.youtube.com/watch?v=4-2nqd6-ZXg (date of the application 2.03.2021).

US Census Bureau, Demographic Internet Staff. Historical Estimates of World Population (EN-US). www.census.gov (date of the application 28.01.2021).

Top Countries by Average Annual Number of Births. www.youtube.com/watch?v=gZS3qVPowCc (date of the application 2.03.2021).

Top Countries With The Highest Fertility Rates — Children per Woman 1950 to 2100. www.youtube.com/watch?v=VgbbIdEP0PI (date of the application 2.03.2021).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Е. Тихонова
д.социол.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

МЕЖГЕНЕРАЦИОННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАТУСОВ И КЛАССОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ[1]

Аннотация. Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов в современной России уступает по распространенности процессам профессиональной мобильности и характерно в первую очередь для полярных групп: руководителей и профессионалов, с одной стороны, а также рабочих и рядовых работников торговли — с другой. Иначе обстоит дело с классовой принадлежностью, для которой характерно именно межгенерационное воспроизводство. Этот кажущийся дисбаланс объясняется тем, что выходцы из родительских семей с разным профессиональным статусом, даже входящие сами в одни и те же профессиональные группы, занимают в них заметно различающиеся по всем ключевым показателям рабочие места. Выходцы из семей руководителей и профессионалов, сохранившие их профессиональную принадлежность, оказываются обычно в ядре среднего класса, выделенного с учетом дохода, образования и профессиональной принадлежности индивидов. В то же время выросшие в семьях с иным профессиональным статусом родителей руководители и профессионалы обычно относятся сегодня в России лишь к периферийной части среднего класса или вообще в него не попадают, поскольку специфика ресурсов (квалификационного, личностного и т.п.) выходцев из разных типов родительских семей сказывается на их возможностях занятия наиболее привлекательных рабочих мест в рамках соответствующих профессиональных групп. Более того, выходцы из семей руководителей и профессионалов имеют высокие шансы попасть в состав среднего класса даже в случае занятия ими позиций полупрофессионалов или клерков, а также сравнительно невысокую вероятность оказаться в составе низшего класса в случае попадания в число рабочих и рядовых работников торговли, поскольку и в этих профессиональных группах они занимают позиции, обеспечивающие наиболее высокие зарплаты, выполнение функций супервайзеров и т.п. В то же время для потомственных представителей низшего класса характерно попадание на худшие во всех отношениях рабочие места даже в рамках типичных для него профессиональных групп (рабочих и рядовых работников торговли). Эти особенности социального воспроизводства во многом определяют и его общий характер в современной России.

Ключевые слова: *социальное воспроизводство, социальная мобильность, классовая принадлежность, воспроизводство профессиональных статусов, профессиональная мобильность.*
JEL: D01, E24, E65, E71, I30, J00.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78.

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Проблематика социальной мобильности рассматривается сейчас в отечественной науке и с точки зрения особенностей в российском обществе различных её видов, и в сравнении с другими странами, и через призму сопоставления отдельных поколений (см. [*Козырева*, 2013; *Нова ли…*, 2016; *Многомерная…*, 2018; *Черныш*, 2010; *Ястребов*, 2016a; *Ястребов,* 2016b]). Относительно редко, но все же встречаются и работы, анализирующие роль отдельных социальных институтов или видов ресурсов для вероятности восходящей или нисходящей мобильности в стратификационной иерархии (см. [*Модель…*, 2018; *Тихонова*, 2014a; *Тихонова*, 2014b; *Черныш*, 2005 и др.]). Изредка встречаются и публикации, посвященные математическим оценкам вклада социального происхождения в социальное неравенство [*Карцева, Кузнецова*, 2020] или роли культурного капитала в трактовке П. Бурдье [*Бурдье*, 2002] в процессе социального воспроизводства (см. [*Тихонова*, 2014b] и др.). Отечественными учёными при этом не только продемонстрирован сложный и неоднозначный характер социальной мобильности в современном российском обществе, но и установлено, что возможности для основных форм мобильности за последние десятилетия в России снизились, причем это касается как территориальной мобильности (см. [*Зубаревич*, 2010; *Мкртчян*, 2013; *Ястребов*, 2016b] и др.), так и образовательной (см. [*Константиновский*, 2008; *Образование…*, 2018; *Новые…*, 2015; *Ястребов*, 2016b]и др.), социально-профессиональной [*Мобильность …*, 2017; *Ястребов*, 2016b; *Gerber*, *Hout*, 2004] и доходной мобильности [*Мареева*, *Слободенюк*, 2019].

Характерное для исследований последних лет фокусирование внимания преимущественно на анализе процессов социальной мобильности оставляет в тени, впрочем, другую сторону проблемы, а именно, *межгенерационное социальное воспроизводство, т.е. масштабы и механизмы передачи классовых, профессиональных и иных позиций от поколения к поколению*. При этом нужно учитывать, что социальное воспроизводство различных социальных групп имеет для них принципиально разный смысл, скрывая за собой как возможность успешного удержания «унаследованных» от родителей сравнительно высоких статусных позиций в социальных иерархиях[2], так и «зависание» в её середине или даже невозможность вырваться на протяжении двух и более поколений из положения «социальных аутсайдеров».

Учитывая важность проблематики межгенерационного воспроизводства профессиональных статусов и классовой принадлежности, а также недостаточное внимание к ней отечественных исследователей, я сосредоточусь в данной статье именно на ней, точнее — проанализирую роль профессионального статуса родителей в вероятности попадания на те или иные профессиональные и классовые позиции современного российского общества. Ибо основой для места в классовой иерархии в рыночных обществах позднеиндустриального типа выступает профессиональный статус индивидов. Профессиональные статусы определялись при этом в соответствии с их классификацией, принятой в Международном классификаторе занятий в его версии 2008 г. (International Standard Classification of Occupations-08, сокращенно ISCO-08)[3]. В основе выделения профессиональных групп во всех версиях в ISCO лежит матрица признаков, учитывающая, с одной стороны, набор видов деятельности, задачи и обязанности которых имеют высокую степень схожести, а с другой — уровень образования, обеспечивающий способность выполнять задачи и обязанности, предусмотренные этими видами деятельности.

Классовые позиции индивидов, позволившие проанализировать особенности социального происхождения в России представителей разных классов, определялись на основе профессиональных статусов индивидов, а также их образовательных и доходных характеристик. Тем самым я исходила из той разновидности неовеберианских подходов, которая основывается на принципе вертикальной ранжированности общества и рассматривает

---

[2] Поскольку речь в данной статье идет о массовых слоях населения, то говорить о высоких статусных позициях можно лишь с определенной долей условности, т.е. как об относительно высоких.

[3] Подробнее см.: Классификаторы профессий ISCO. www.hse.ru/rlms/rlms/classif/isco и [*International...* 2012].

интегральный социальный статус (в классовых обществах им является классовая принадлежность) как результат агрегирования позиций в ключевых статусных иерархиях. Под средним классом в статье подразумеваются, соответственно, индивиды, находящиеся на средних позициях в экономической, властной и квалификационной статусных иерархиях[4] (или хотя бы в двух из этих иерархий[5]). Под низшим классом подразумеваются индивиды, находящиеся на нижних статусных позициях во всех этих иерархиях. Между средним и низшим классами находится достаточно большая трансграничная зона. При таком подходе средний класс — это не просто экономический класс со средними для данного общества характеристиками активов, дохода, имущества и т.п., а социальный класс, представители которого устойчиво занимают срединное положение в социальной иерархии престижа с учетом специфики критериев престижности тех или иных характеристик индивидов в соответствующем обществе, включая, разумеется, и их экономические характеристики.

С точки зрения методики определения классовой принадлежности это означало необходимость использования применительно к современному российскому обществу таких критериев, как: 1) принадлежность по профессиональному статусу к 1–4 классам по ISCO-08 (т.е. учитывался относительно более престижный и доходный характер «беловоротничковой» занятости); 2) наличие законченного высшего образования (поскольку оно является престижным в глазах большинства населения страны и это единственный тип образования, способный приносить в современной России дополнительные ренты, что также влияет на отношение к нему в обществе [*Лукьянова*, 2010; *Тихонова*, *Каравай*, 2018; *Профессии*…, 2017]); 3) среднедушевые доходы в домохозяйстве свыше 1,25 поселенческой медианы как границы, при которой в России начинают доминировать характерные для среднего класса развитых стран поведенческие паттерны, экономическое благополучие становится устойчивым, а потребление характеризуется наиболее престижными в глазах населения России особенностями [*Модель* …, 2018].

Представители выделенного с учетом этих критериев ядра среднего класса обладают всеми этими признаками, но численность этого ядра в России очень невелика и составляла в 2019 г. 7,9% всего взрослого населения страны. Периферийная часть среднего класса включает: 1) лиц со среднедушевыми доходами в домохозяйствах свыше 1,25 в их типах поселений, хотя и с нетипичными для среднего класса профессиональными статусами[6], а также 2) тех, кто обладают одновременно высшим образованием и профессиональными позициями, характерными для среднего класса, но чьи среднедушевые доходы ниже 1,25 медианы (при условии, что они выше уровня в 0,75 медианы доходов в их типах поселений, означающего в российских условиях уровень бедности[7]). В совокупности эти относящие к периферии среднего класса группы насчитывали в 2019 г. чуть менее трети населения. Общая же численность среднего класса, выделенного согласно этой методике, достигала в 2019 г. почти 40% взрослого населения, причем для большинства его представителей была характерна неконсистентность статусных позиций в разных статусных иерархиях.

Представители трансграничной зоны обладают либо только «беловоротничковой» занятостью, либо только высшим образованием при относительно низких среднедушевых доходах. Эта часть населения составляла в 2019 г. 23,6% всех россиян от 18 лет и старше. Наконец, представители низшего класса (36,7%) не обладают ни одним из признаков сред-

---

[4] В этом случае можно говорить о ядре среднего класса.

[5] В таком случае речь идет о периферийной части среднего класса.

[6] Как показал дополнительный анализ, в массе своей они имеют, в отличие от остальных представителей тех же профессиональных групп, властный ресурс и относительно бóльшую продолжительность обучения, т.е. занимают относительно более высокое положение во властной и квалификационной иерархиях.

[7] Как показал дополнительный анализ, в большинстве случаев это происходит из-за иждивенческой нагрузки, прежде всего несовершеннолетними детьми.

него класса и занимают низшие позиции во всех ключевых статусных иерархиях[8]. Стоит отметить, что низший класс не полностью совпадает с совокупностью рабочих и рядовых работников торговли и бытового обслуживания (б/о) — около трети последних не попадает в его состав за счёт относительно высоких доходов, которые они имеют, а некоторые и за счёт наличия у них высшего образования. Соответственно, они оказываются в трансграничной зоне или даже в периферийной части среднего класса. Тем не менее типичным для рабочих и рядовых работников торговли является пребывание в составе низшего класса, что, естественно, отражается и на престижности принадлежности к ним, и на общем месте представителей данных профессиональных групп в иерархии статусных позиций.

Эмпирической базой исследования выступил массив данных опроса, проведенного Левада-Центром[9] в январе 2019 г. по общероссийской выборке численностью 1626 респондентов, репрезентировавшей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, типам поселений, полу, возрасту и наличию высшего образования.

Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов россиян и их классовой принадлежности

Профессиональная структура работающей части населения страны в нашей выборке была близка к данным статистики (рис. 1), хотя ФСГС РФ и Левада-Центр (ИА) используют при определении профессиональных статусов разные версии ISCO-08[10]. Профессиональный статус родителей оценивался на момент, когда респонденту было 16 лет. Этот возраст традиционно избирается в исследованиях социального воспроизводства и межгенерационной мобильности для оценок статуса родительской семьи, поскольку в это время обычно происходит выбор молодыми людьми их образовательных траекторий, обусловливающих их профессиональную и статусную позицию в будущем. Соответственно, положение в обществе родительской семьи особенно сильно сказывается на будущих позициях в обществе выходцев из них именно в данном возрасте.

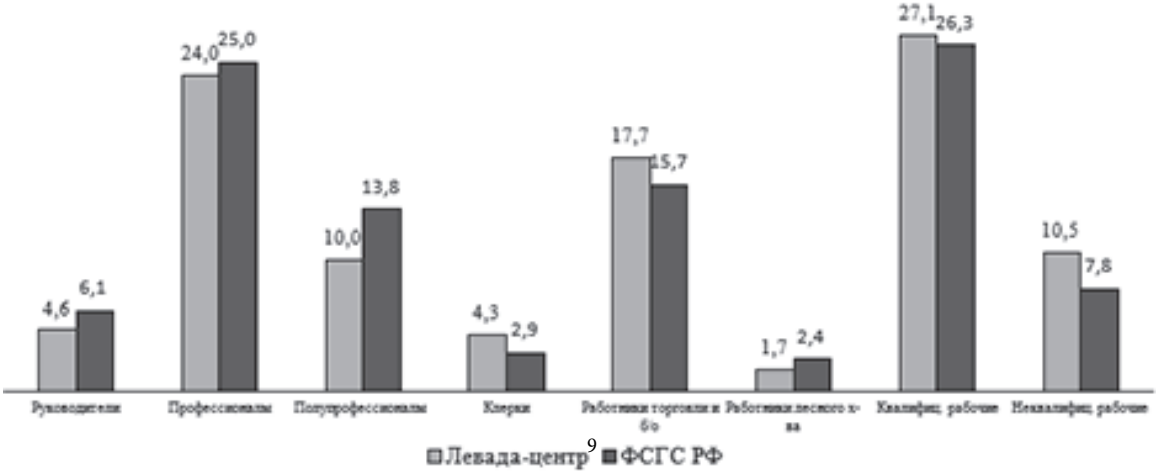


Рис. 1. **Профессиональная структура занятого населения России в 2019 г., %**
Источник: **Левада-Центр (ИА); ФСГС РФ. Данные ФСГС РФ приводятся по табл. 2.32. Численность и структура занятых по группам занятий: [ФСГС РФ, 2020].**

---

8 Теоретические основания и методика такого деления подробно описаны в: [*Тихонова*, 2020].

9 АНО «Аналитический Центр Юрия Левады» включена Минюстом РФ в список некоммерческих организаций — иностранных агентов, далее — ИА.

10 Общероссийский классификатор занятий, используемый ФСГС РФ [*Общероссийский…*, 2020], является адаптированной статистической службой России к условиям нашей страны версией международного классификатора ISCO. Левада-Центр (ИА) использует базовую версию этого международного классификатора.

С учетом образования и квалификации, предполагающихся на разных профессиональных позициях, а также престижности и доходности самих этих позиций, в совокупности определяющих обычно интегральный социальный статус человека в обществе, нами было выделено 6 групп[11] родительских семей: 1) семьи, где оба родителя занимали позиции руководителей и профессионалов (в нашем подмассиве работающих россиян — выходцев из этого типа семей было 13,6% при 9,8% по неработающим); 2) семьи, где только один из родителей был руководителем или профессионалом, а второй — полупрофессионалом или клерком (4,5% и 3,8%); 3) семьи, где один из родителей был руководителем или профессионалом, а второй — рабочим или рядовым работником торговли и б/о (18,9 и 16,8%); 4) семьи, где оба родителя занимали позиции полупрофессионалов или клерков (3,4 и 2,7%); 5) семьи, где один из родителей был полупрофессионалом или клерком, а второй — рабочим или рядовым работником торговли и б/о (10,4 и 8,0%); 6) семьи, где оба родителя были рабочими или рядовыми работниками торговли и б/о (49,2 и 58,9%). *Как видно из этих данных, половину работающих россиян составляют выходцы из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о (продавцы, кассиры и т.п.), которых в обществах современного типа принято обычно рассматривать как ядро низшего класса. Выходцев из семей руководителей и профессионалов, т.е. профессиональных групп, традиционно рассматривающихся в социологии как типичные представители ядра среднего класса, в составе работающего населения России оказалось по состоянию на 2019 г. в разы меньше.* Представители остальных 4 групп имели менее четкое классовое происхождение, хотя подавляющее большинство группы, один из родителей членов которой был руководителем или профессионалом, а второй — полупрофессионалом или клерком, также можно рассматривать с учетом ряда её характерных особенностей, как выходцев из семей ядра среднего класса [*Тихонова*, 2020с].

Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов родителей характеризует в первую очередь полярные группы (рис. 2). Среди тех, чьи родители были руководителями или профессионалами или же один родитель относился к этим профессиональным группам, а второй был полупрофессионалом или клерком, почти половина также стали руководителями и профессионалами и еще 12,1% и 20,0%, соответственно, — полупрофессионалами или клерками. В то же время среди выходцев из семей, где родители являлись рабочими или рядовыми работниками торговли и б/о, 65,1% также стали представителями этих профессиональных групп, а руководителем и профессионалом стал лишь каждый пятый. Для представителей групп с другим социальным происхождением вероятность оказаться в числе руководителей и профессионалов или, напротив, в числе рабочих и рядовых работников торговли и б/о была практически одинаковой. Это говорит не только о том, что они занимают промежуточные позиции между ядрами среднего и низшего классов, относясь к их периферийной части или к трансграничной зоне, но и о том, что *профессиональная структура России относится пока к разряду открытых структур, где масштабы мобильности между составляющими её элементами довольно велики.*

Однако *социальное происхождение представителей различных поколений россиян довольно сильно дифференцировано* (рис. 3). В группе молодежи до 30 лет почти четверть выросла в семьях, где родители работали руководителями или профессионалами или же один из них относился к данным группам, а второй был полупрофессионалом или клерком, и лишь 46,9% выросли в семьях рабочих и/или рядовых работников торговли и б/о. В то же время в поколениях старше 50 лет первых было намного меньше, а вторые составляли

[11] Более дробное деление при имевшейся численности выборки проводить было нецелесообразно в силу малочисленности некоторых из них. В том случае, когда респондент сообщал данные только об одном из родителей, за основу расчётов принималась имеющаяся о нём информация.

безусловное большинство[12]. Это обусловлено переломом в профессиональной структуре родительских семей, который произошел, судя по результатам анализа пятилетних возрастных когорт, в группе тех, кому сейчас 50–55 лет. Объективной основой этого перелома выступило изменение профессиональной структуры страны в 1960–1970-е гг, проявившееся прежде всего в сокращении занятости в индустриальном секторе и росте числа рабочих мест в третичном и четвертичном секторах экономики.

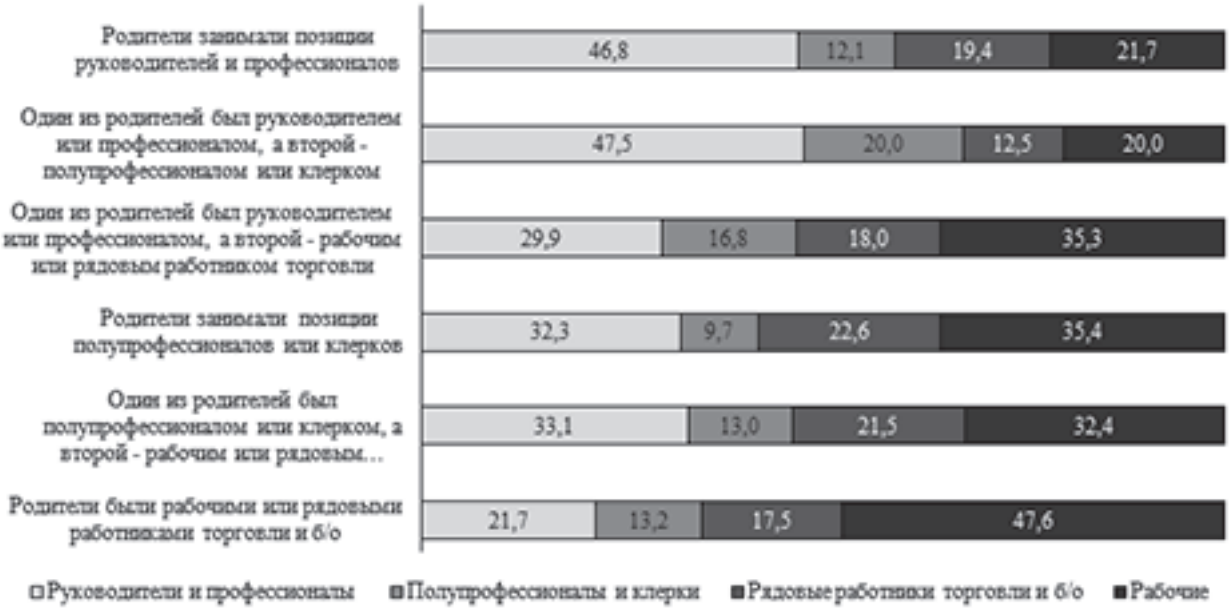


Рис. 2. **Профессиональные позиции выходцев из семей с разным профессиональным статусом родителей в 2019г., %**
Источник: **Левада-Центр (ИА), 2019**

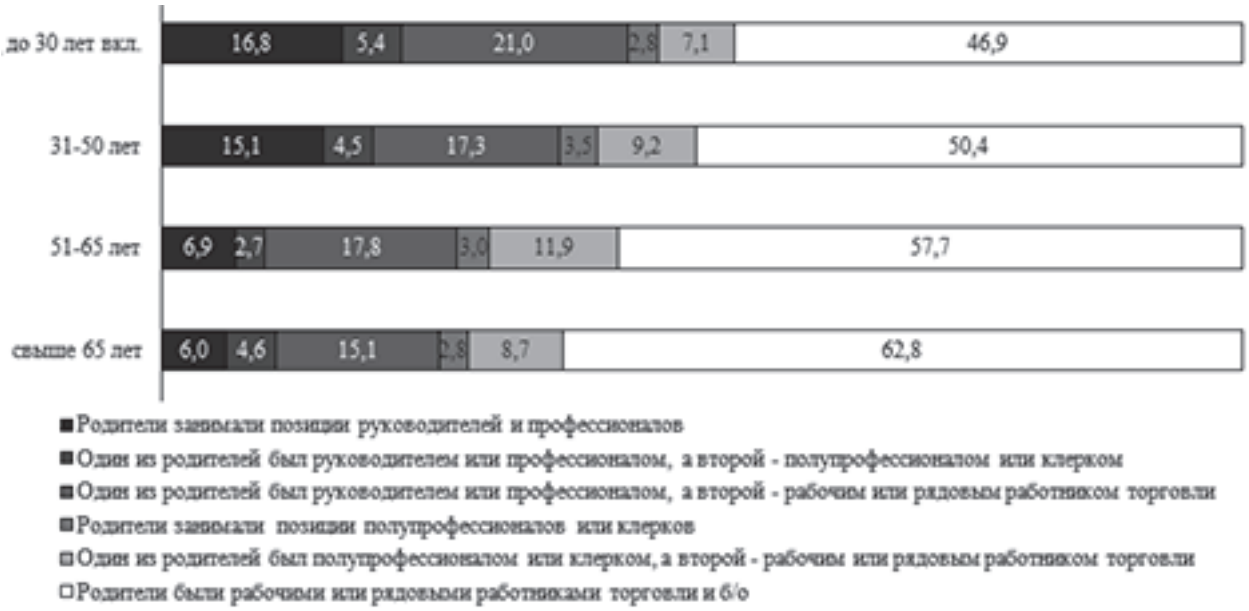


Рис. 3. **Профессиональные позиции родителей россиян из разных возрастных групп в 2019 г., %**
Источник: **Левада-Центр (ИА)**

[12] Учитывая связь возраста и занятости, цифры приводятся по поколениям в целом, без деления на работающих и неработающих.

В результате *в разных поколениях вероятность воспроизвести профессиональный статус родителей у выходцев из разных типов родительских семей различается*. Так, для выходцев из семей, в которых родители относились к руководителям и профессионалам, максимальная вероятность воспроизводства их профессиональных статусов была среди тех, кому в 2019 г. было от 31 до 40 лет, т.е. тех, кто родился в 1980-х гг. (почти 60% при 45,6% по данной группе в целом). Для выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о процесс воспроизводства статусов доминировал над процессами профессиональной мобильности наиболее выражено также в группе 31–40 лет и в следующей возрастной когорте. Таким образом, *в наибольшей степени зависели от профессиональных позиций родителей позиции россиян, вступивших в трудовую жизнь уже в 2000-х гг. Это соответствует упоминавшимся в начале данной статьи выводам других учёных о снижении в России в последние десятилетия возможностей для любых форм мобильности, в том числе и профессиональной*[13].

Что же касается поколения, вступившего в трудовую жизнь в 2010-х гг., то окончательные выводы относительно него делать еще преждевременно, поскольку позиции профессионалов и особенно руководителей требуют зачастую ряда лет для их достижения. Тем не менее имеющиеся данные позволяют предполагать, что роль межгенерационного воспроизводства профессиональных статусов для массовых слоев населения страны в 2010-е гг. скорее усилилась, чем уменьшилась. Это означает, что в целом по населению в последние два десятилетия процессы межгенерационного воспроизводства профессиональных статусов продолжают усиливаться, а возможности профессиональной мобильности сокращаются.

Однако переход в профессиональную группу, относящуюся в массе своей к другому социальному классу, далеко не всегда означает в современном российском обществе полное преодоление социальной дистанции между её новыми членами и теми, кто относится к ней уже не первое поколение. Во всяком случае *устойчивость и привлекательность профессиональных позиций выходцев из семей, которые с высокой долей вероятности относились к ядрам среднего и низшего классов, но сами на момент опроса 2019 г. входили уже в другую, чем их родительская семья, профессиональную группу, различаются довольно сильно*. Так, улучшить свое материальное положение за непростые 2016–2018 гг. удалось 34% работавших в 2019 г. руководителями или профессионалами, выходцев из семей, где родителей можно было с высокой долей вероятности отнести по их профессиональному статусу к ядру среднего класса и вдвое меньшему (18,5%) числу выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о, также сумевших стать руководителями и профессионалами. В разы различалась у представителей двух этих групп и доля сумевших получить за последние три года повышение на работе или найти новую, более подходящую работу (19,2 и 8,1%). Наконец, у различающихся социальным происхождением руководителей и профессионалов разной была в 2014–2018 гг. и динамика реальной оплаты их труда. Покупательная способность зарплаты работающих руководителями или профессионалами уменьшилась за 5 лет после начала кризиса 2014–2016 гг. менее чем у половины выходцев из семей, где родителей можно было отнести по профессиональному статусу к ядру среднего класса (47,8%), в то время как у выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о это уменьшение затронуло большинство (57,8%).

Еще больше различаются, несмотря на принадлежность к одним и тем же профессиональным группам, немонетарные характеристики занятости представителей

[13] В то же время я согласна с теми авторами, которые связывают эту динамику прежде всего с особенностями изменения самой профессиональной структуры российского общества и считают, при условии допущения её неизменности, что вероятность профессиональной мобильности остается в России в последние десятилетия почти одинаковой [*Ястребов*, 2016b].

двух этих подгрупп руководителей и профессионалов. Так, для рабочих мест руководителей и профессионалов — выходцев из семей с этими же профессиональными позициями — характерны наличие на работе ресурса влияния на принятие решений в масштабе своего подразделения или предприятия в целом, важность полученного ранее образования для выполнения текущей работы[14], наличие возможностей для профессионального саморазвития и т.п. Соответствующие показатели для руководителей и профессионалов, родители которых были рабочими или рядовыми работниками торговли, существенно ниже (рис. 4). В целом же рабочие места выросших в семьях руководителей и профессионалов представителей этих же профессиональных групп характеризуются либо только (57,7%) плюсами (в качестве таковых мы рассматривали различные формы автономности труда, возможности карьерного или профессионального роста, значимость для выполняемой работы полученного ранее образования и практического опыта), либо плюсы на них перевешивают минусы (6,4%). Соответствующие показатели у руководителей и профессионалов, выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о, составляли в нашем массиве данных лишь 41,1% и 3,2%. Для них, напротив, были характерны некачественные рабочие места с доминированием таких минусов занятости, как сильная зависимость итогового размера зарплаты от премиальной части и/или штрафов, плохие условия труда, временный характер работы.

Рис. 4. **Особенности занятости руководителей и профессионалов, чьи родители занимали разные профессиональные позиции в 2019 г., %**

Источник: **Левада-Центр (ИА)**

[14] Этот показатель значим, так как косвенно позволяет дифференцировать рабочие места, предполагающие углубленную многолетнюю профессионализацию в избранной специальности, и рабочие места, предполагающие только набор более или менее широких общих компетенций. Как уже демонстрировалось в литературе [*Тихонова*, 2017; *Тихонова*, 2020], эти рабочие места даже у специалистов, имеющих четвертичный уровень образования, различаются по их карьерным перспективам, устойчивости занятости, заработной плате, ресурсу влияния, социальной защищенности и т.д. Причем по всем этим характеристикам рабочие места, предполагающие углубленную профессионализацию в избранной специальности, выигрывают у рабочих мест, предполагающих только широкий круг общих компетенций.

В определённой степени объясняет эти различия специфика качества человеческого капитала[15] представителей двух рассматриваемых подгрупп руководителей и профессионалов. Если среди выходцев из семей с теми же, что и у них, профессиональными позициями родителей большинство (57,7%) имели высокие его показатели, то среди выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли таких было лишь 29,3%. Со временем эти различия усугубляются, поскольку динамика позитивных изменений в качестве человеческого капитала в двух рассматриваемых подгруппах руководителей и профессионалов различна: соотношение повышавших после получения базового образования уровень своей квалификации выглядит у них как 26,2 и 17,3%, использовавших платные образовательные услуги[16] для взрослых — как 14,6 и 9,2% и т.д.

Такое отношение к своему человеческому капиталу представителей двух рассматриваемых подгрупп руководителей и профессионалов во многом является следствием особенностей их хабитуса, понимаемого нами в соответствии с его трактовкой П. Бурдье как «системы когнитивных и мотивирующих структур» [*Бурдье*, 1998. С. 41]. Как уже отмечалось применительно к современному российскому обществу [*Тихонов*, 2019; *Тихонова*, 2020а], роль таких личностных особенностей индивидов, как способность к долгосрочному планированию, тип локус-контроля, нонконформизм, очень велика не только для определения места человека в стратификационной системе, но и в отношении его к своему человеческому капиталу, денежным средствам и иным ресурсам. Большое значение имеют эти личностные особенности и для межгенерационного воспроизводства наиболее благополучной части массовых слоев населения или попадания в эти слои у выходцев из менее благополучных социальных слоев [*Тихонова*, 2020а]. В этом контексте важны заметные различия отдельных характеристик хабитуса двух разных по их социальному происхождению подгрупп руководителей и профессионалов (рис. 5). Причем если агрегировать показатели перечисленных выше характеристик, то доля имеющих все три из них одновременно у профессионалов и руководителей, выросших в семьях с тем же профессиональным статусом родителей, оказывается почти вдвое больше, чем у выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о представителей данной профессиональной группы (31,4 и 18,1%). В полтора раза различается у них и число не имеющих ни одной из этих характеристик (11,4 и 18,7%).

Образ жизни имеющих разное социальное происхождение подгрупп руководителей и профессионалов также существенно различен. Отчасти это связано с разницей их среднемесячных доходов: среди тех из них, кто вырос в семьях руководителей и профессионалов, доходы в их собственных семьях более чем в половине случаев (50,5%) превышали 1,25 поселенческой медианы доходов, в то время как среди выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о представителей той же профессиональной группы этот показатель был ближе к трети (38,6%). Отчасти же эти различия связаны с их стилями жизни и текущими приоритетами, т.е. с их культурными особенностями. Например, в первой из рассматриваемых подгрупп руководителей и профессионалов в полтора раза чаще можно встретить имеющих инвестиции и сбережения. Кроме того, большинство в первой группе (57,1%) при меньшинстве (39,7%) во второй используют платные образовательные, рекреационные, оздоровительные и туристические услуги для себя или детей, причем эти различия сохраняются и при учете уровня среднедушевых доходов в их семьях.

---

[15] Качество человеческого капитала, в соответствии с его классической трактовкой [*Becker*, 1964], методически оценивалось нами на основании специального Индекса, основанного на показателях шкал «Количество лет обучения» (по которой за 10-12 лет обучения присваивался 1 балл, а с 13 лет обучения каждый год давал 1 дополнительный балл) и «Навыки», состоявшей из субшкал «Знание иностранных языков» и «Владение компьютерными технологиями». Индекс человеческого капитала рассчитывался по итогам агрегирования показателей этих шкал. Подробное описание логики и методики его построения см. [*Тихонова, Каравай,* 2017; *Тихонова, Каравай,* 2018].

[16] Эта тенденция сохраняется и при учете уровня среднедушевых доходов в их семьях.

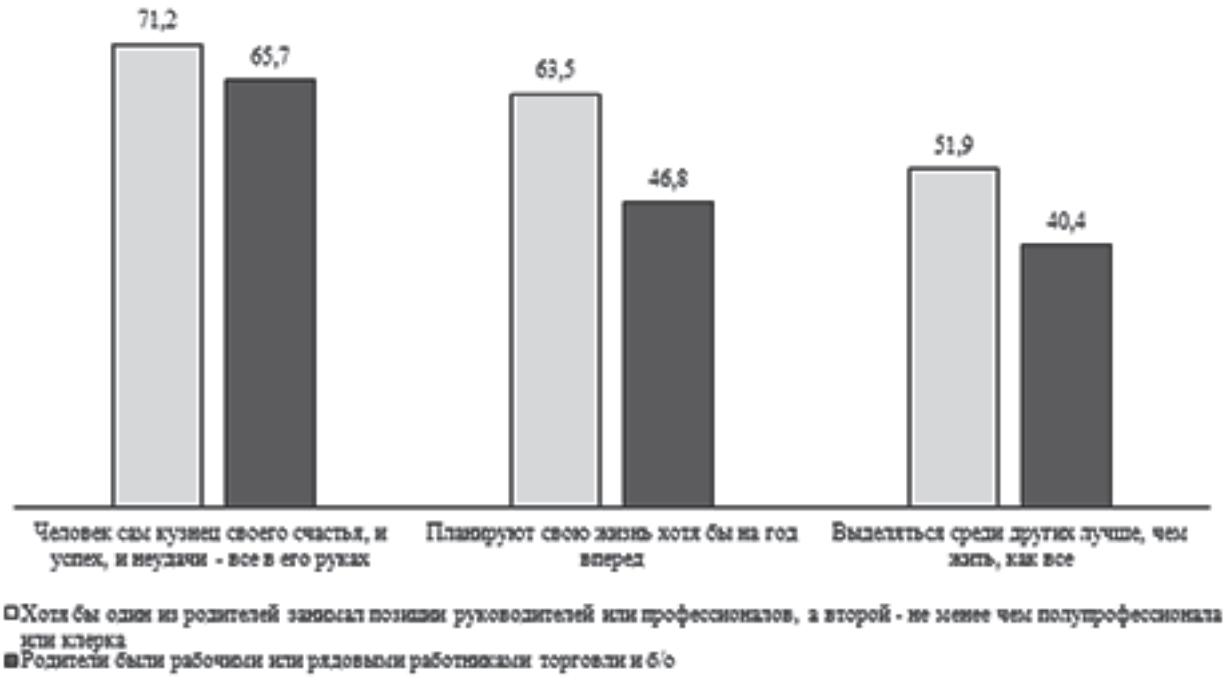


Рис. 5. **Доминирующий тип локус-контроля, способность к долгосрочному планированию и доля нонконформистов у руководителей и профессионалов, чьи родители занимали разные профессиональные позиции в 2019 г., %**

Источник: **Левада-Центр (ИА)**

Зависимость занятости и положения на рынке труда, а также образа жизни и хабитуса от социального происхождения характеризует не только руководителей и профессионалов, но также рабочих и рядовых работников торговли и б/о, т.е. характерна для всех профессиональных групп, относящихся к ядрам разных классов. Так, если говорить о рабочих и рядовых работниках торговли и б/о, то за период 2015–2018 гг. удалось получить повышение на работе или найти более подходящую работу почти каждому четвертому (17,2%) среди тех из них, кто вырос в семьях, где родители с высокой степенью вероятности относились к ядру среднего класса, и вдвое меньшему (8,4%) числу выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о. Относительно выше у них и среднемесячный заработок. Заметно чаще встречаются среди выросших в семьях, где родители с высокой степенью вероятности относились к ядру среднего класса, но сами стали рабочими или рядовыми работниками торговли и б/о, и обладающие у себя на работе ресурсом влияния на принятие решений (32,8 против 19,5% у выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о), а также те, кто обладают такими характеристиками автономности труда, как способность самостоятельно определять свой график работы (23,1 против 9,9%) или самому принимать решения о том, как выполнять поставленные задачи (20,0 и 13,4%). Более того, если учесть такие характеристики властного ресурса на работе, как наличие подчиненных, ресурса влияния или хотя бы каких-то признаков автономности труда, то различия в доле обладающих властным ресурсом в различных его разновидностях между двумя рассматриваемыми подгруппами рабочих и рядовых работников торговли и б/о окажутся качественными. Если среди выросших в семьях руководителей и профессионалов, а также семьях, где один из родителей был полупрофессионалом или клерком, а второй — руководителем или профессионалом, ставших рабочими и работниками торговли и б/о, властным ресурсом обладает большинство (60,9%), то среди выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о и воспроизведших эти профессиональные статусы — меньшинство (44,9%). Добавлю также, что работа первых вдвое чаще (20,0 против 9,9%) предполагает необходимость обновлять свои знания и повышать квалификацию. Кроме

того, хотя в обеих этих подгруппах полученное ранее образование не очень важно, но все же среди представителей той из них, которая объединяет выросших в семьях, с высокой степенью вероятности относившихся к ядру среднего класса, рабочие места втрое чаще предъявляют запрос на полученные ранее образование, знания и навыки (10,9%), чем у выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о (3,4%).

Заметно различается в этих подгруппах рабочих и рядовых работников торговли и б/о распространенность и других характеристик, о которых шла речь выше применительно к руководителям и профессионалам с разным социальным происхождением, в частности особенности их хабитуса. Так, среди оказавшихся в составе рабочих и рядовых работников торговли и б/о выходцы из семей руководителей и профессионалов почти вдвое реже не имеют ни одной из трех рассмотренных выше его характеристик, чем сохранившие профессиональную принадлежность родителей выходцы из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о, и почти вдвое чаще имеют все три эти характеристики, причем для попавших в состав низшего класса рабочих и рядовых работников торговли соответствующие разрывы еще больше.

Учитывая вышесказанное, понятнее становится, почему среди тех, кто вырос в семьях, где родители с высокой степенью вероятности относились к ядру среднего класса, сами попали в низший класс менее 20%, в то время как две трети из них вошли в состав среднего класса. В то же время в составе низшего класса оказалась почти половина (45,3%), и лишь 37,7% выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о вошли в средний класс. А у тех, кто и сам стал также рабочим или рядовым работником торговли и б/о, в состав низшего класса попали даже более 70%. Это означает, что *социальное воспроизводство в современной России имеет не просто очень масштабный характер* (табл. 1), *но оно гораздо масштабнее, чем воспроизводство профессиональных статусов*.

Как видно из таблицы 1, *механизм межгенерационного воспроизводства классовой принадлежности работает в современной России для имеющих разное социальное происхождение представителей тех или иных профессиональных групп неодинаково*. К числу наиболее характерных его особенностей в этом отношении относятся:

— гораздо бóльшая вероятность попасть в состав ядра среднего класса (и средний класс в целом) у тех руководителей и профессионалов, чьи родители также были руководителями и профессионалами, чем у выходцев из других типов семей, хотя типично для руководителей и профессионалов в целом в современном российском обществе все же нахождение в составе среднего класса, точнее — его периферийной части;
— гораздо бóльшая вероятность для выходцев из этих же семей попасть в состав периферийной части среднего класса (и средний класс в целом) даже в случае занятия ими профессиональных позиций полупрофессионалов или клерков;
— сравнительно низкая (менее 50%) вероятность для выходцев из семей руководителей и профессионалов оказаться в составе низшего класса даже в случае, если они становятся рядовыми работниками торговли или рабочими. При этом вероятность и в этом случае оказаться в составе среднего класса для них сравнительно велика (около 40%), поскольку при попадании в состав этих профессиональных групп они занимают в них позиции, предполагающие относительно более высокие зарплаты, выполнение функций супервайзеров и т.п.;
— сравнительно низкая вероятность восходящей мобильности для выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли, причем это касается не столько профессиональной мобильности, сколько перехода в другой социальный класс. Так, вероятность попасть в средний класс превышает для них 50% только в случае, если они становятся руководителями и профессионалами, но и в этом случае в его состав попадают менее двух третей из них. Мобильность же в состав полупрофессионалов и клерков в большинстве случаев, в отличие от выходцев из других

Таблица 1

Классовая принадлежность представителей разных профессиональных групп, родители которых занимали различные профессиональные позиции, %*

Профессиональные статусы самих респондентов и их классовая принадлежность	Профессиональные статусы родителей		
	Хотя бы один из родителей был руководителем или профессионалом, а второй — не менее чем клерком	Прочие варианты сочетаний профессиональных статусов родителей	Родители были рабочими или рядовыми работниками торговли и/или б/о
Руководители и профессионалы (1 и 2 классы по ISCO-08)			
Средний класс (СК), в том числе:	86,3	73,1	64,6
Ядро СК	40,0	20,1	13,9
Периферийная часть СК	46,3	53,0	50,7
Представители трансграничной зоны	13,7	26,9	35,4
Низший класс	0	0	0
Полупрофессионалы и клерки (3 и 4 классы по ISCO-08)			
Средний класс (СК), в том числе:	68,7	61,5	46,1
Ядро СК	15,6	12,3	8,8
Периферийная часть СК	53,1	49,2	37,3
Представители трансграничной зоны	31,3	38,5	53,9
Низший класс	0	0	0
Рабочие и рядовые работники торговли и б/о (5 и 7–9 классы по ISCO-08)			
Средний класс (СК), в том числе:	39,8	33,1	22,4
Ядро СК	0	0	0
Периферийная часть СК	39,8	33,1	22,4
Представители трансграничной зоны	12,5	10,1	7,4
Низший класс	47,7	56,8	70,2

* Серым фоном выделены показатели, не менее чем на 3% (средняя величина статистической погрешности для использованного массива данных) превышающие 50%, т.е. безусловно типичные для соответствующей группы.

Источник: составлено автором.

типов семей, обеспечивает для выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о попадание лишь в трансграничную зону. При сохранении же позиций рабочих и рядовых работников торговли и б/о вероятность оказаться в составе низшего класса превышает у них 70%.

Как видим, в России сейчас доминируют процессы классового воспроизводства. Это доминирование обеспечивается не только за счёт того, что дети руководителей и профессионалов сами чаще становятся впоследствии руководителями и профессионалами и чаще других представителей этих профессиональных групп оказываются в составе среднего класса и его ядра, но и за счёт того, что даже попадая в состав полупрофессионалов и клерков, они занимают наиболее привлекательные в этой группе рабочие места и в итоге тоже

оказываются в среднем классе — если и не в его ядре, то в периферийной части. Кроме того, даже если они становятся рабочими или рядовыми работниками торговли и б/о, то особенности их рабочих мест в большинстве случаев позволяют им не оказаться в составе низшего класса, а почти для 40% обеспечивают и пребывание в составе среднего класса. Для потомственных же представителей этих профессиональных групп вероятность оказаться в составе низшего класса почти вдвое выше, т.е. для них эффект «липкого пола» выражен очень ярко.

Однако консерватизм классовой структуры соседствует с достаточно большой открытостью профессиональной структуры российского общества, выступающей основным «социальным лифтом» как вверх, так и вниз для представителей всех классов. Так, среди руководителей и профессионалов лишь каждый пятый вырос в семьях, где родители были только руководителями и профессионалами, и даже с учетом семей, где к руководителям или профессионалам относился лишь один из родителей, а второй был полупрофессионалом или рядовым офисным служащим, эта доля доходит только до четверти.

Выводы

Объективными предпосылками, предопределяющими соотношение социального воспроизводства и социальной мобильности в российском обществе, являются два ключевых процесса, повлиявших на формирование модели его социальной структуры и место в сложившейся статусной иерархии конкретных людей. Первый из этих процессов — изменение в последние 70 лет модели экономики нашей страны, связанное с её переходом от индустриального к позднеиндустриальному этапу развития. Этот процесс привел к резким сдвигам в профессиональной структуре российского общества, что напрямую отразилось на социальном статусе родительских семей многих россиян. Второй из них — поистине революционные изменения, произошедшие во всех сферах жизни общества в 1990-е гг. Эти изменения не только привели к многократному углублению социального неравенства, но и во многом изменили представления населения о том, что является престижным, а что — нет, сформировав новую модель стратификационной иерархии.

Межгенерационное социальное воспроизводство допускает рассмотрение его в различных ракурсах. Я остановилась в данной статье только на двух из них: воспроизводство профессионально-групповой принадлежности и воспроизводство классовой принадлежности. Для основной массы россиян сейчас характерно межгенерационное классовое воспроизводство, доминирующее над процессами классовой мобильности. При этом если низший класс в большинстве случаев состоит из потомственных представителей профессиональных групп, чьи шансы на восходящую мобильность невелики, а на занятие относительно высоких для массовых слоев позиций в социальной иерархии еще ниже, то средний класс более неоднороден по своему составу, хотя ядро его составляют все же прежде всего выходцы из семей руководителей и профессионалов, занявшие эти же профессиональные позиции. В то же время, если говорить о воспроизводстве не социальных, а профессиональных статусов, то их смена от поколения к поколению, наоборот, во всех профессиональных группах доминирует над их воспроизводством. При этом межгенерационное воспроизводство и классовых, и профессиональных статусов характеризует в первую очередь полярные группы, т.е. тех, чьи родители были руководителями или профессионалами, с одной стороны, и выходцев из семей, где родители являлись рабочими или рядовыми работниками торговли и бытового обслуживания — с другой. Это отражает специфику данных профессиональных групп как ядер основных массовых классов российского общества. Что же касается членов остальных профессиональных групп, то у них процессы воспроизводства и мобильности имеют более сбалансированный характер.

Различия в масштабах профессионального и классового воспроизводства обусловливаются прежде всего тем, что места на рынке труда выходцев из родительских семей с разным профессиональным статусом, входящих в одни и те же профессиональные группы, различаются довольно сильно. Это касается и возможностей получить повышение на работе или найти более подходящую работу, и ряда немонетарных характеристик занятости (ресурса влияния у себя на работе, наличия возможностей для профессионального саморазвития и т.п.), и динамики доходов. Такая разница объясняется как спецификой качества человеческого капитала выходцев из разных типов родительских семей, так и особенностями других видов их ресурсов, включая такие личностные особенности, как способность к долгосрочному планированию, тип локус-контроля и т.д. В результате даже в рамках одних и тех же социально-профессиональных групп их члены, в зависимости от их социального происхождения, характеризуются существенно разным местом в системе социальных неравенств.

Процесс социального воспроизводства характеризуется в современной России в итоге не только большей вероятностью попадания в состав ядра среднего класса (и средний класс в целом) тех руководителей и профессионалов, чьи родители также были руководителями и профессионалами, чем для выходцев из других типов родительских семей, но и гораздо бóльшей вероятностью для выходцев из этого типа семей попасть в состав периферийной части среднего класса (и средний класс в целом) даже в случае занятия ими профессиональных позиций полупрофессионалов или клерков, а также сравнительно низкой вероятностью оказаться в составе низшего класса даже если они становятся рядовыми работниками торговли или рабочими, поскольку и в этом случае они занимают в соответствующих профессиональных группах наиболее привлекательные позиции. Типично для потомственных представителей рабочих и рядовых работников торговли и б/о при этом — межгенерационное воспроизводство в составе своего класса. Более того, даже получив высшее образование, став руководителями или профессионалами и сумев оказаться в составе среднего класса, дети рабочих и рядовых работников торговли и б/о в массе своей характеризуются относительно более низкими позициями в этом классе, худшим качеством своих рабочих мест и бóльшими рисками «выпасть» из него при любых экономических неурядицах макро- и микроуровня. Если же они оказываются на позициях полупрофессионалов и клерков, то в большинстве своем (в отличие от выходцев из семей руководителей и профессионалов на формально тех же рабочих позициях) им не удается попасть в состав среднего класса.

Таким образом, с одной стороны, в России пока еще существует достаточно большая открытость профессиональной структуры российского общества. С другой стороны, ситуация с социальным воспроизводством в целом обстоит далеко не так благополучно, как может показаться, судя по ситуации с воспроизводством профессиональных позиций. Во-первых, даже вероятность оказаться в различных профессиональных группах сильно различается в зависимости от социального происхождения. Во-вторых, наиболее благополучной ситуация в этом отношении была в советское время, а начиная с поколения, вступившего в трудовую жизнь в 2000-х гг., доминирование процесса межгенерационного профессионального воспроизводства над процессами профессиональной мобильности усилилось. В-третьих, как уже упоминалось выше, рабочие места у выходцев из разных типов семей даже при наличии у них одних и тех же профессиональных позиций сильно различаются по их качеству, устойчивости и вероятности сохранить свою профессиональную принадлежность при возникновении кризисных явлений в экономике. Наконец, в-четвертых, если говорить не только о воспроизводстве профессиональных статусов, но и о межгенерационном социальном воспроизводстве позиций в социальной структуре в целом, то в наибольшей степени оно характерно для среднего и низшего классов, особенно их ядер (т.е. пресловутый эффект «липкого пола» выражен в российском обществе очень ярко именно для них). В то же время социальное воспроизводство других массовых групп имеет довольно причудливый вид, а его масштабы существенно различаются в раз-

ных возрастных группах, отражая изменения в макроэкономической ситуации в стране в разные периоды её развития.

Все вышесказанное говорит о том, что роль профессиональной мобильности как ключевого инструмента смены классовой принадлежности в современном российском обществе все еще сохраняется, хотя возможности для этой формы мобильности постепенно сокращаются. Однако и сейчас еще воспользоваться этим инструментом для смены своей классовой принадлежности удается далеко не всем, кто сумел повысить свой профессиональный статус по отношению к статусу своих родителей, и переоценивать её роль в этом отношении не стоит.

ЛИТЕРАТУРА

Бурдье П. (1998). Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I, № 2. С. 40–58.

Бурдье П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. №. 5. С. 60–74.

Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП.

Карцева М.А., Кузнецова П.О. (2020). Неравенство возможностей и неравенство доходов населения в российских регионах: анализ взаимосвязи // Материалы XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 19 мая. 2020. www.hse.ru/data/2020/05/20/1547846760/%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B.pdf (дата обращения: 21.01.2021).

Козырева П .М. (2013). Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Социологическая наука и социальная практика. № 1. С. 60–73.

Константиновский Д.Л. (2008). Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСО.

Лукьянова А.Л. (2010). Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 14. № 3. С. 326–348.

Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2019). Относительная доходная мобильность россиян в объективном и субъективном измерении: специфика и вызовы для социальной политики // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН. С. 394–399.

Мкртчян Н.В. (2013). Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX — начале XXI века // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 19–32.

Многомерная социальная мобильность в современной России (2018) / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Мобильность и стабильность на российском рынке труда (2017) / Под общ. ред. Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения (2018) / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под ред. д. социол. н. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб. : Нестор-История.

Нова ли новая Россия (2016) / Под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова. М.: Университетская книга.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования (2015) / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. М.: ЦСП и М.

Образование и социальная дифференциация (2018) / Отв. ред. М. Карной, И.Д. Фрумин, Н.Н. Кармаева; НИУ ВШЭ, Институт образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Общероссийский классификатор занятий, актуальный на 2020 год. (2020). ОКЗ 2020 (ОК 010-2014). classdoc.ru/okz (дата обращения 21.01.2021).

Профессии на российском рынке труда (2017) / Отв. ред.: Н.Т. Вишневская. М.:Издательский дом НИУ ВШЭ.

Тихонов А. А. (2019). Динамика финансового и потребительского поведения россиян в 2003-2018 гг. // Журнал институциональных исследований. Т. 11. № 3. С. 153–169.

Тихонова Н. Е. (2014a). Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф.

Тихонова Н. Е.(2014b). Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. № 10. С. 23–35.

Тихонова Н. Е. (2017). Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. Т. 8. № 2. С. 140–165.

Тихонова Н.Е. (2020a). Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология, этнология. Т. 29. № 1. С. 6–30.

Тихонова Н.Е. (2020b). Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // Социологические исследования. № 10. С. 71–83.

Тихонова Н.Е. (2020c).Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. Социология, этнология. Т. 29. № 4. С. 34–56.

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. (2017). Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России: Социология, этнология. Т. 26. № 3. С. 6–35.

Тихонова Н. Е., Каравай А.В. (2018). Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. № 5. С. 84–98.

ФСГС РФ. (2020). Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2020 г. rosstat.gov.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (дата обращения 21.01.2021).

Черныш М.Ф. (2005). Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики.

Черныш М.Ф. (2010). Социальная мобильность в российском и китайском мегаполисах // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2010. М.: Новый Хронограф. С. 151–168.

Ястребов Г.А. (2016a). Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Ч. I // Мир России: Социология, этнология. Т. 25. № 1. С. 7–34.

Ястребов Г.А. (2016b). Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Ч. II // Мир России: Социология, этнология. Т. 26. № 2. С. 6–36.

Becker G.S. (1964). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago. University of Chicago Press.

Gerber T.P., Hout M. (2004).Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // American Sociological Review. Vol. 69. No. 5. P. 677–703.

International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 (2012) / International Labour Office. Geneva: ILO.

Тихонова Наталья Евгеньевна
netichon@rambler.ru

Natalia Tikhonova
Doctor of Sociology, Professor, Leading Researcher at the Institute of Social Policy, Professor-Researcher, National Research University "Higher school of economics"; Chief Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
netichon@rambler.ru

INTERGENERATIONAL REPRODUCTION OF PROFESSIONAL STATUSES AND CLASS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY[17]

Abstract. Intergenerational reproduction of professional statuses in modern Russia is less widespread than the professional mobility and is typical primarily for polar groups: managers and professionals, on the one hand, and manual and trade workers, on the other. The situation is different with class affiliation, for which intergenerational reproduction is prevalent. This imbalance is explained by the fact that people from parental families with different professional status, even being in the same professional groups, occupy job positions that differ significantly. Those who come from families of managers and professionals and have retained this professional affiliation usually belong to the core of the middle class defined by criteria of income, education, and professional status. At the same time, managers and professionals who grew up with parents with a different professional status, usually belong only to the periphery of the middle class or do not belong to it at all, since the specifics of their resources (qualification, personal, etc.) affect their ability to occupy the attractive job positions within their respective occupational groups. Moreover, those who come from families of managers and professionals have a high chance of getting into the middle class even if they hold the positions of semi-professionals or clerks, as well as a relatively low chance of belonging to the lower class if they are manual and trade workers, since they occupy positions that ensure the highest salaries, the functions of supervisors etc. even in these professional groups. At the same time, it is common for hereditary representatives of the lower class to find themselves in the worst job positions in all respects, even within the framework of its typical professional groups (manual and trade workers). These specifics of social reproduction largely determine its character in modern Russia.

Keywords: *social reproduction, social mobility, class affiliation, reproduction of professional statuses, professional mobility.*
JEL: D01, E24, E65, E71, I30, J00.

[17] The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

REFERENCES

Becker G.S. (1964). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. — Chicago: University of Chicago Press.

Bourdieu P. (1998). Struktura, gabitus, praktika [Structure, habit, practice] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. V. I. No. 2. Pp. 40–58.

Bourdieu P. (2002). Formy kapitala [Forms of capital] // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. V. 3. No. 5. Pp. 60–74.

Chernysh M.F. (2005). *Sotsial'nyye instituty i mobil'nost' v transformiruyushchemsya obshchestve* [Social institutions and mobility in a transforming society]. Moscow: Gardariki.

Chernysh M.F. (2010). Sotsial'naya mobil'nost' v rossiyskom i kitayskom megapolisakh [Social mobility in Russian and Chinese megalopolises] // *Rossiya reformiruyushchayasya: Yezhegodnik* — 2010 [Reforming Russia: Yearbook – 2010]. Moscow: Novyy Khronograf. Pp. 151–168.

FSGS RF. (2020). *Rabochaya sila, zanyatost' i bezrabotitsa v Rossii — 2020 g.* [Labor force, employment and unemployment in Russia — 2020]. rosstat.gov.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (date of the application: 21.01.2021).

Gerber T.P., Hout M. (2004).Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5. P. 677–703.

International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 (2012) / International Labour Office. — Geneva: ILO.

Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2020). Neravenstvo vozmozhnostey i neravenstvo dokhodov naseleniya v rossiyskikh regionakh: analiz vzaimosvyazi [Inequality of opportunities and inequality of income of the population in Russian regions: analysis of the relationship] // *Materialy XXI Apreľskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, 19 maya 2020* [Materials of the XXI April International Scientific Conference on the Development of Economy and Society, May 19,2020]. www.hse.ru/data/2020/05/20/1547846760/%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B.pdf (date of the application: 21.01.2021).

Konstantinovskiy D.L. (2008). *Neravenstvo i obrazovaniye. Opyt sotsiologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiyskoy molodezhi (1960-ye gody — nachalo 2000-kh)* [Inequality and education. The experience of sociological research on the life start of Russian youth (1960s — early 2000s)]. Moscow: TSSO.

Kozyreva P.M. (2013). Mezhpokolennaya sotsial'no-professional'naya mobil'nost' v postsovetskoy Rossii [Intergenerational social and professional mobility in post-Soviet Russia // Sociological Science and Social Practice] // *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. No 1. Pp. 60–73.

Luk'yanova A.L. (2010). Otdacha ot obrazovaniya: chto pokazyvayet meta-analiz [Return on education: what the meta-analysis shows] // *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Vol. 14. No. 3. Pp. 326–348.

Mareyeva S.V., Slobodenyuk Ye.D. (2019). Otnositel'naya dokhodnaya mobil'nost' rossiyan v ob"yektivnom i sub"yektivnom izmerenii: spetsifika i vyzovy dlya sotsial'noy politiki [Relative income mobility of Russians in objective and subjective dimensions: specifics and challenges for social policy] // *Budushcheye sotsiologicheskogo znaniya i vyzovy sotsial'nykh transformatsiy (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. A. Yadova)* / Otvetstvennyy redaktor. M. K. Gorshkov [The future of sociological knowledge and challenges of social transformations (to the 90th anniversary of V.A.Yadov's birth) / Executive editor. M.K. Gorshkov]. Moscow: FNISTS RAN. Pp. 394-399.

Mkrtchyan N.V. (2013). Migratsiya molodezhi v regional'nyye tsentry Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Migration of youth to the regional centers of Russia in the late XX — early XXI century] // *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. No. 6. Pp. 19–32.

Mnogomernaya sotsial'naya mobil'nost' v sovremennoy Rossii (2018) / Otv. red. M. F. Chernysh, YU. B. Yepikhina [Multidimensional social mobility in modern Russia (2018) / Resp. ed. M.F. Chernysh, Yu.B. Epikhina]. Moscow: Institut sotsiologii FNISTS RAN.

Mobil'nost' i stabil'nost' na rossiyskom rynke truda (2017) / Pod obshch. red.: R. I. Kapelyushnikov, V. Ye. Gimpel'son [Mobility and stability in the Russian labor market (2017) / Under total. ed.: R.I. Kapelyushnikov, V.E. Gimpelson]. Moscow: NUR HSE.

Model' dokhodnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstranovyye sravneniya (2018) / N.E. Tikhonova, Yu.P. Lezhnina, S.V. Mareyeva, V.A. Anikin, A.V. Karavay, Ye.D. Slobodenyuk; pod redaktsiyey doktora sotsiologicheskikh nauk N.Ye. Tikhonovoy [Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons / N.E. Tikhonova, Yu.P. Lezhnina, S.V. Mareeva, V.A. Anikin, A.V. Karavay, E.D. Slobodenyuk; under the editorship of Doctor of Sociological Sciences N.E. Tikhonova]. Moscow; St-Petersburg: Nestor-Istoriya.

Nova li novaya Rossiya (2016) / Pod red. O.I. Shkaratana, G.A. Yastrebova [Is New Russia New: Monograph (2016) / Ed. O.I. Shkaratan, G.A. Yastrebova]. Moscow: Universitetskaya kniga.

Novyye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya (2015) / D.L. Konstantinovskiy, M.A. Abramova, Ye.D. Voznesenskaya, G.S. Goncharova, V.G. Kostyuk, Ye.S. Popova, G.A. Cherednichenko [New meanings in educational strategies of young people: 50 years of research (2015) / D.L. Konstantinovsky, M.A. Abramova, E.D. Voznesenskaya, G.S. Goncharova, V.G. Kostyuk, E.S. Popova, G.A. Cherednichenko]. Moscow: TSSP i M.

Obrazovaniye i sotsial'naya differentsiatsiya (2018) / Otv. red. M. Karnoy, I.D. Frumin, N.N. Karmayeva [Education and social differentiation]. Moscow: HSE.

Obshcherossiyskiy klassifikator zanyatiy, aktual'nyy na 2020 god. (2020). OKZ 2020 (OK 010-2014) [All-Russian classifier of occupations, relevant for 2020. OKZ 2020 (OK 010-2014)]. classdoc.ru/okz (date of the application: 21.01.2021).

Professii na rossiyskom rynke truda (2017) / Otv. red.: N.T. Vishnevskaya [Professions in the Russian labor market / Resp. ed .: N.T. Vishnevskaya]. Moscow: HSE.

Tikhonov A.A. (2019). Dinamika finansovogo i potrebitel'skogo povedeniya rossiyan v 2003–2018 gg. [Dynamics of financial and consumer behavior of Russians in 2003–2018] // *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. Vol. 11. No. 3. Pp. 153–169.

Tikhonova N. E. (2014a).*Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social structure of Russia: theories and reality]. M.: Novyĭ khronograf.

Tikhonova N.E. (2014b). Faktory stratifikatsii v sovremennoy Rossii: dinamika sravnitel'noy znachimosti [Stratification Factors in Modern Russia: Dynamics of Comparative Significance] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 10. Pp. 23–35.

Tikhonova N.E. (2017). Chelovecheskiy kapital professionalov i rukovoditeley: sostoyaniye i dinamika [Human capital of professionals and managers: state and dynamics] // *Vestnik Instituta sotsiologii*. Vol. 8. No. 2. Pp. 140–165.

Tikhonova N.E. (2020a).Osobennosti identichnostey i mirovozzreniya osnovnykh strat sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Peculiarities of identities and worldviews of the main strata of modern Russian society] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 29. No. 1. Pp. 6–30.

Tikhonova N.E. (2020b). Rossiyskiye professionaly: spetsifika rabochikh mest i chelovecheskogo potentsiala [Russian professionals: the specifics of jobs and human potential] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 10. Pp. 71–83.

Tikhonova N.E. (2020c). Sredniy klass v fokuse ekonomicheskogo i sotsiologicheskogo podkhodov: granitsy i vnutrennyaya struktura (na primere Rossii) [The middle class in the focus of economic and sociological approaches: boundaries and internal structure (on the example of Russia)] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 29. No. 4. Pp. 34–56.

Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2017). Chelovecheskiy kapital rossiyskikh rabochikh: obshcheye sostoyaniye i spetsificheskiye osobennosti [Human capital of Russian workers: general condition and specific features] // *Mir Rossii. Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 26. No. 3. Pp. 6–35.

Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2018). Dinamika nekotorykh pokazateley obshchego chelovecheskogo kapitala rossiyan v 2010–2015 gg. [Dynamics of some indicators of the total human capital of Russians in 2010–2015] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 5. Pp. 84–98.

Yastrebov G.A. (2016a). Sotsial'naya mobil'nost' v sovetskoy i postsovetskoy Rossii: novyye kolichestvennyye otsenki po materialam predstavitel'nykh oprosov 1994, 2002, 2006 i 2013 gg. Chast' I [Social mobility in Soviet and post-Soviet Russia: new quantitative estimates based on the materials of representative surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part I] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 25. No. 1. C. 7–34.

Yastrebov G.A. (2016b). Sotsial'naya mobil'nost' v sovetskoy i postsovetskoy Rossii: novyye kolichestvennyye otsenki po materialam predstavitel'nykh oprosov 1994, 2002, 2006 i 2013 gg. Chast' II [Social mobility in Soviet and post-Soviet Russia: new quantitative estimates based on the materials of representative surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part II] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 26. No. 2. Pp. 6–36.

Zubarevich N.V. (2010). *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow: NISP.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский
д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: СОДЕРЖАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И ПРИЧИНЫ ИСЧЕРПАНИЯ (ЧАСТЬ 2)[1]

Аннотация. Итоги посткоммунистической эволюции в Восточной Европе, начавшейся с крушения Берлинской стены и распада СССР, становятся предметом очень противоречивых дебатов 30 лет спустя. Растущее социальное разочарование, подъем консервативного популизма и отступление демократии во многих странах этого региона делает академические дебаты частью более широкой идеологической и политической борьбы за концепцию будущей Европы и место Восточной Европы в глобализирующемся мире. В центре этой проблематики находится переоценка посткоммунистического проекта — системы ценностей, принципов и норм экономической и политической трансформации в Восточной Европе, а также дорожной карты, использовавшейся элитами для восстановления политической легитимности и проведения реформ. Автор анализирует три главных аспекта этой темы: содержание посткоммунистического проекта как теоретической конструкции, эволюция его основных идей за прошедшее время, результаты его реализации — как позитивные, так и негативные. Во второй части статьи в центре внимания находятся причины и механизмы дисфункций посткоммунистического транзита: логика демократии и авторитаризма в обществах переходного периода; типология и интерпретации политических режимов; концепция «конца посткоммунизма» как идеологическая конструкция. Автор суммирует роль посткоммунистического проекта в текущих политических дебатах, показывая его противоречия, упущенные возможности, дисфункции и причины исчерпания.

Ключевые слова: *посткоммунизм, Центральная и Восточная Европа, посткоммунистический транзит, отступление демократии, популизм, политические режимы, идеология, экономические и политические реформы, легитимность.*
JEL: A10, F02, F15, N20, P20.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_79_90.

В первой части статьи (см. ВТЭ, 2021, № 1) были рассмотрены более общие вопросы концепции посткоммунизма: содержание данного понятия в текущих дебатах; место посткоммунистической Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) как глобального региона в геополитической перспективе; противоречия переходного периода; так называемые «демократические транзиты» и причины вариативности их результатов. Во второй части статьи в центре внимания находятся механизмы дисфункций посткоммунистического транзита: логика демократии и авторитаризма в обществах переходного периода; типология и интерпретации политических режимов; концепция «конца посткоммунизма» как идеологическая конструкция. В заключении суммируется роль посткоммунистического проекта в текущих политических дебатах, показываются его противоречия, упущенные возможности, дисфункции и причины исчерпания.

[1] Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. (№ проекта 20-01-006) и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Дисфункции посткоммунистического транзита: демократия и авторитаризм в обществах переходного типа

Вопреки представлениям начального периода посткоммунистической трансформации, в последующей литературе выявлены дисфункции этого процесса, позволяющие говорить о системном характере отклонений от западных образцов. В центре внимания — вопрос о том, определяется их появление исторической традицией, ошибками осуществления реформ или логическим следствием избранной модели транзита? Суммируем наиболее важные аргументы критиков:

1) Сохранение государствами региона ЦВЕ периферийного и зависимого положения от исторического Запада, выражающегося в психологических стереотипах и параметрах социального регулирования. В результате трудности транзита соединились с трудностями, вызванными глобализацией, которые меняют концепцию либеральной демократии. Недоверие общества к власти не стало препятствием к консервации и воспроизводству её системных характеристик. Принятие идеологии либерализма, по мнению критиков, ведет к ослаблению роли государства, данная слабость способствует установлению доминирования клановых интересов, даже «приватизации государства»; эта слабость, в свою очередь, способствует его приватизации и утрате обратных связей с обществом. Возникает замкнутый круг, который трудно разорвать (то, что называется «выйти из посткоммунизма»).

2) «Дефектная демократия» — ситуация, когда демократические институты созданы и формально функционируют, но на деле не выполняют функций обратной связи между обществом и властью. Этот феномен констатируется для всех стран посткоммунистического транзита, включая наиболее продвинутые в становлении демократических институтов. Примером выступает Чехия, где данное явление получило систематическую разработку. М. Клима в своей книге «От тоталитаризма к искаженной демократии» представил ситуацию, сложившуюся в стране за прошедшие четверть века как систему клиентелизма, охватывающую государственный аппарат, партии и коррупцию [*Klima,* 2015]. Ещё для Чехословакии этот процесс выражался в том, что трудности переходного периода не были учтены — результатом стали слабость гражданского общества, укорененность коммунистических (вообще патерналистских) стереотипов, национализм (как причина распада страны), элитарный характер образования всех партий, коррупция как следствие приватизации, неэффективность власти. Распад Чехословакии выражал определенные договоренности элит, сложившихся в предшествующий период [*Eyal,* 2003], но одновременно укреплял их статус в новых государствах. Констатируется конфликт менталитета и институтов — последние деформируются из-за традиционализма сознания. Наследием коммунизма становится нетерпимость политиков. В целом эта ситуация определяется в виде парадокса — «есть демократия, но нет демократов». Нужно, по мнению эксперта, как минимум, два поколения, чтобы уйти от прошлого и начать уважать себя как нацию. За всем этим стоит исторический комплекс — отсутствие собственной элиты в стране, которая в разное время управлялась из Вены, Берлина или Москвы [*Pehe,* 2014]. «Дефектная демократия на уровне авторитаризма — определение, использовавшееся также для квалификации других постсоветских стран, в частности, российской политической системы [*Ясин,* 2012].

3) «Слабое государство» — анемия государственности как предпосылка возвращения к власти старой партийной номенклатуры в новых формах. Этот феномен характерен для тех посткоммунистических государств, где элитами был взят курс на проведение идеологизированных либеральных реформ в направлении рыночной экономики, способствовавших ослаблению инфраструктуры управления. Примером служит Болгария, позволяющая судить о структурных факторах трансформации государственного социализма, выборе элит, институциональной легитимности при перераспределении ресурсов, источ-

никах соскальзывания с демократического пути [*Ganev,* 2007]. В отличие от традиционных элит (стремящихся к институционализации) новые посткоммунистические элиты, как считает В. Ганев, выделились из государства и находятся вне его. Они заинтересованы в слабости государственных институтов и правовых правил контроля над ними изнутри с целью установления доминирования над ресурсами. Это — фактор, способствующий слабости государства, результатом которого может стать «декомпозиция государства». В случае Болгарии данное наблюдение становится основой вывода об амбивалентности либеральной программы реформ для посткоммунизма и необходимости перейти от идеологической к социологической оценке их вклада [*Ganev,* 2020]. В этой перспективе понятен парадокс слабости постсоветских государств, в частности Центральной Азии. При внешней импозантности государства и видимых признаках его мощи, на деле присутствуют факторы слабости, требующие специальных технологий управления [*Heathershow,* 2017].

4) «Частное государство» (private state) — система фактического захвата государственных институтов одним властным кланом с целью установления контроля над экономикой и политикой. Возникает «рентоориентированная политическая система». Ее примером в регионе ЦВЕ для критиков служит современная Венгрия, где фактически сформировался однопартийный режим, в котором «государство–партия–семья» — одна система, ее элементы взаимно проникают друг в друга, а управление начинает напоминать систему итальянской мафии. В отношении Венгрии В.Орбана было введено понятие «мафиозное государство», особенность которого усматривалось в таком способе слияния власти и собственности, при котором «политическое предприятие само превращается одновременно и в экономическое, покоряя как мир политики, так и мир экономики и формируя с помощью всего арсенала средств государственной власти свою мафиозную культуру» [*Мадьяр,* 2016. С. 20].

5) «Национальный посткоммунизм» как неудачное завершение транзита к демократии. Современный польский автор, сравнивая режим В. Орбана с режимом Я. Качиньского, предлагает следующую его формулу — это системы «национального пост-коммунизма». Для подобного государства он выделяет следующие ключевые признаки или «правила»: 1) примат старых товарищей (элита Фидес — родственники и друзья с детства); 2) лояльность лидеру превыше всего (никто не оспаривает лидерство); 3) партию не покидают — она заботится обо всех, включая не справившихся и совершивших ошибки; 4) никакой пощады внутренним врагам; 5) политика - это бизнес или средство обогащения: терпимое отношение к коррупции и формирование системы «доверенных сторонников», сходной с олигархией, но без предоставления ее членам права прямо влиять на политику; 6) ограничение демократических институтов, в частности судебной власти и СМИ, которые превращаются в орудие политики — «партийный мегафон»; 7) популистский и демагогический стиль политики и пропаганды, ориентированной на провинцию и социальные низы с целью обретения стабильной электоральной поддержки и закрепления у власти. Власть сконцентрирована в руках лидера при централизованной экономике, кастовой социальной системе, характеризуется отчужденной государственно-партийной элитой, коррупцией и терпимым отношением к ней. Все это, считает аналитик, продолжение традиций XX в. в системе «национального посткоммунизма» [*Kalan,* 2019]. Можно констатировать, что, несмотря на эмоциональность оценок автора, он фиксирует ряд действительно важных черт приватизации государства, характерных (хотя и в разной степени) практически для всех постсоветских государств.

6) «Коррупционное государство» (или «гнилое государство») — термин, отражающий срыв правовой модернизации посткоммунистических государств. С одной стороны, констатируется ряд позитивных примеров быстрого экономического развития, например становление польской экономики с крушением коммунизма, успех которого связывается, впрочем, не в последнюю очередь с внешними факторами (беспрецедентная помощь ЕС) [*Cienski,* 2018]. С другой стороны, обращается внимание на то, что экономический рост не

привел к продвижению демократических реформ, но напротив, способствовал популизму, коррупции и консервативно-авторитарному тренду.

В основных государствах, испытавших влияние посткоммунистического преобразования, — таких как Болгария, Венгрия, Польша, Россия, и даже Китай — везде существует выраженная коррупция, причем некоторыми констатируется связь ее появления (в современных формах) с неолиберализмом и логикой транзита [*Holmes,* 2006]. Впрочем, остается открытым вопрос о том, может ли (и в какой мере) коррупция определять природу и тип государственности. Как отмечает ряд исследователей, коррупция — не только преступление, но и тип высокотехнологичного рыночного решения осуществляемого могущественными лицами, связанными с государством или внутри него (например, в Киргизии) [*Engvall,* 2016]. В некоторых работах присутствует термин «клиентелистской демократии», возникшей с отказом от коммунизма в традиционных азиатских культурах. В условиях слабости гражданского общества и отсутствия полноценной политической конкуренции, как это представлено в государствах Средней Азии или других развивающихся регионах мира, коррупция — едва ли не единственный механизм клиентелистской демократии, противостоящий жесткому авторитаризму.

Особая группа дисфункциональных постсоветских режимов наиболее четко выражает последствия застоя политической трансформации, демонстрируя три негативных эффекта: 1) продолжение власти старых элит, трансформированных в олигархии, играющие ведущую роль в экономике и политике своих государств; 2) растущее стремление к потреблению ренты и коррупции; 3) демократический откат в таких странах как поучительный пример другим странам. В результате, констатируют аналитики, граждане полудюжины посткоммунистических стран еще живут в авторитарных режимах [*Djankov*, *Hauck,* 2016]. Объяснение этого результата усматривается прежде всего в истории как главной детерминанте, результат действия которой лишь частично удается скорректировать институциональным выбором новейшего времени. Эти выводы о срыве постсоветских демократических транзитов подтверждаются обращением к опыту других регионов — странам арабского мира, Азии и Африки, Латинской Америки, экспериментировавших с советской моделью в 1950-1970-е гг. и столкнувшихся со сходными проблемами по выходе из нее.

Политические режимы посткоммунистического региона: типология и трудности интерпретации

В Восточной Европе и России период посткоммунистических реформ ознаменовался разрывом правовой традиции — конституционной революции, получившей в тот период позитивную оценку как «возрождение страны» и способ преодоления авторитаризма (см., например, [*Lowenhardt,* 1995]). Сходным образом шло формирование рыночных институтов посткоммунистического мира и приспособление к ним различных социальных групп в России [*Frye,* 2000]. Это была шоковая терапия — не только в экономике, но и всех областях жизни, обеспечившая взаимодействие этики, социальной терапии и даже биополитики, которые охватывали психологические проблемы постсоветского человека в России [*Matza,* 2018]. Напротив, в некоторых государствах Азии трансформация в направлении рыночной экономики и политической модернизации не знала такого разрыва культурной, правовой и политической преемственности. Это ставит вопрос о цивилизационных моделях транзита, их преимуществах и издержках.

Интересен фактор заимствования и влияния внешних образцов на выбор странами региона стратегий экономических реформ. Когда реформы начинались в странах Восточной Европы , существовал только один внешний ориентир — Запад как «идеальный тип». Сейчас появилась важная альтернативная модель Китая, который продемонстриро-

вал возможности быстрого экономического развития без демократических преобразований (в рамках либеральной модели такой вариант не рассматривался). Сравнение транзита в Восточной Европе и Китае через 25 лет после его завершения показало, что радикальность процесса реформ в одном случае и эволюционный характер в другом имеют свои преимущества и недостатки. В Восточной Европе в основе преобразований лежит кризис коммунистической диктатуры в результате обрушения плановой экономики, в Китае — основу составляет стратегия самой партии, которая пошла на эволюционные реформы и ввела меритократию, чтобы сохранить власть. В одном случае, считает новейший исследователь, негативным результатом стала клептократия, в другом — усиление однопартийной диктатуры с рыночной экономикой. Вместо полной единовременной декоммунизации китайцы пошли на передачу управления экономикой в деревне другим структурам с целью сохранить власть партии, но в темпах экономического роста достигли большего, чем восточноевропейцы [*Roland,* 2018]. На сегодняшний день это позволяет некоторым восточноевропейским элитам предлагать коррективы предшествующей либеральной модели реформ (основанной на «шоковой терапии» по лекалам манчестерского либерализма) с позиций китайской модели реформ, осуществляемых авторитарным государством.

Любой транзит требует идеологии — явной или завуалированной, которая направляет политику, дает чувство миссии и легитимацию режима — внешнюю и внутреннюю. Транзит от коммунизма к демократии, как выяснилось, не исключает появления другой формы демократии (нелиберальной), различных вариантов соединения либеральных ценностей с национализмом и правового государства с авторитаризмом. И все это — при внешнем принятии либеральных стандартов прав человека и рыночной экономики. В такой перспективе информативно сравнение процессов конструирования идеологии в России и Китае для решения задач модернизации: совмещения традиции и обновленного национализма, вовлечения общества, убеждения элиты и получения ее поддержки [*Cheng Chen,* 2016]. Подобное конструирование предполагает обращение к традиции. Возрождение традиции — характерный признак популистских режимов ЦВЕ и Азии, коммунистического Китая и современной России. В России этот поиск связан с актуализацией идей евразийства - идейного конгломерата, появившегося в 1920-е гг., артикулировавшего неевропейский и незападный путь России с целью обеспечить ее роль в колониальном мире. В этих поисках присутствовали элементы, близкие консервативным движениям в межвоенной Европе. В настоящее время этот идеологический конгломерат выступает резервуаром националистической мобилизации в странах постсоветского пространства и России [*Bassin, Glebow, Lawelle,* 2015]. Но сходные тренды в разных изводах консервативного популизма характерны практически для всех государств постсоветского ареала. Их выражением становится феномен «ностальгии по коммунизму» [*Todorova, Gille*, 2010; *Ghodsee,* 2017] — предшествующим имперским или вообще авторитарным формам государственности. Причем эти ориентиры, исторически противостоящие друг другу, эклектически сочетаются в консервативном популистском сознании. В некоторых случаях конструирование национальной идентичности в независимом новом постсоветском государстве вообще возможно с прямым использованием советского идеологического наследия (например в Узбекистане) [*Adams,* 2010].

В целом экономический прогресс в постсоветских странах был более успешен, чем политический. Реформаторы знали, как провести экономическую реформу, но не построить демократию. Возможно, их позиция сформировалась на основе идеологического предубеждения о том, что демократия гарантирует экономический успех. Сегодня очевидно, что это, как минимум, не очевидно, а в ряде случаев очевидно обратное. Многие страны, вступившие на путь демократии, затем свернули с него. В некоторых странах не получилось обеспечить легитимность либеральным демократиям. Обращалось внимание на тот факт, что посткоммунистический тип авторитаризма унаследовал от коммунизма его основной

признак — слияние власти и собственности — с ее перераспределением и приватизацией в рамках новой правящей группы, построенной по патронажно-клиентарному принципу [*Приватизация власти…*, 2018]. В ЦВЕ, как отмечалось, наиболее ярким примером выступает Венгрия [*Мадьяр*, 2016]. Слияние власти и собственности (через контроль над бизнесом) — характерная черта российского посткоммунистического режима [*Липпман, Рябов,* 2007], определяющая особенности государственного управления сверху до низу [*Плискевич*, 2014]. Все эти наблюдения едины в том, что в существенной группе посткоммунистических государств либеральные экономические реформы, проведенные неправовыми методами, не только не позволили создать правовое государство, но и способствовали сворачиванию конституционных реформ [*Fruhstorfer*, *Hein,* 2016] и авторитарному синдрому.

Типология переходных процессов и политических режимов позволяет выявить две стратегии переходного периода — для Центральной и Восточной Европы и Евразии. Но они не едины внутри себя. В Центральной и Восточной Европе возможно выделить: страны быстрой консолидации (Чехия, Венгрия, Польша, Словения); страны замедленной консолидации (Болгария, Румыния); страны заторможенной консолидации (Сербия, Хорватия, Македония, Албания). Данная группировка соотносится с параметрами конституционной трансформации: «бархатные революции» и перевороты; принятие конституций путем диалога или разрыва конституционной преемственности; соответственно, большие или меньшие возможности «бархатной реставрации». Типология переходных процессов в Евразии включает: российскую модель 1993 г. как общий ориентир для СНГ; страны, вставшие на путь поиска альтернативы (Молдавия, Украина, Грузия, Киргизия, испытавшие феномен «цветных революций»); страны, избравшие модель авторитарной модернизации (Казахстан, Белоруссия, Азербайджан, Армения); нереформированные режимы Средней Азии (Туркмения, Таджикистан, Туркменистан). России в этой типологии принадлежит особое место как стране, инициировавшей выход из коммунизма во всем регионе, но одновременно создавшей особую модель политического режима, сочетающую конституционно-демократическую легитимность с авторитарной системой управления [*Медушевский*, 2018].

Характерны трудности, с которыми сталкиваются аналитики в поисках *дефиниции* соответствующих политических режимов. Наиболее распространенным является их общее определение как «гибридных режимов», то есть таких, которые не могут быть однозначно отнесены к демократическим или авторитарным, но сочетают их признаки. В 1990-х — начале 2000-х гг. предполагалось, что они эволюционируют к демократии, представляя собой неполные или переходные ее формы, которые определялись как «полудемократия», «виртуальная демократия», «электоральная демократия», «делегативная демократия». Но затем (начиная уже с 2000-х гг.) большинство исследователей отказывается рассматривать их с позиций демократического транзита (и предопределенности его результата в виде построения демократии), отмечая, что авторитарный вектор их развития преобладает над демократическим. Появляется понятие «нелиберальной демократии», а в дальнейшем выдвигается ряд дефиниций, упирающих уже на авторитарный компонент их функционирования — «частично свободное государство», «мягкий авторитаризм», «полуавторитаризм», электоральный авторитаризм», «конкурентный авторитаризм», «псевдодемократия» и даже новый вид тоталитаризма (что, конечно, представляет скорее публицистическое преувеличение).

Конец посткоммунизма как идеологическая конструкция?

В контексте современных споров заслуживает обсуждения тезис хорватского исследователя Б. Будена (Boris Buden) о необходимости отказа от самого термина «пост-коммунизм», выдвинутый в его книге 2009 г. [*Buden*, 2009]. Обсуждение этой идеи, десятилетие спустя (Прага, 2018), позволило ввести термин «конец конца посткоммунизма» [*Bogdan*, *Sikora,* 2019].

Основные положения концепции Будена в актуализированном виде сводятся к следующему. Провал посткоммунистического транзита есть факт (диагноз) — нужно его просто признать. В основе провала лежат не тактические ошибки, но ошибочность самого замысла — попытка соединить либеральную демократию и капитализм в новых условиях глобализации. Проект посткоммунизма был утопией и, как таковой, не мог быть реализован в принципе, а его воспроизводство в публичной сфере мотивировалось простым актом веры. Исчерпание веры в «западную демократию» и «невидимую руку» рынка как источника движения вперед означало конец утопии.

Проект посткоммунизма, имея западное происхождение, утратил свою динамику с кризисом западной модели либерального государства под влиянием глобализационного вызова. Западная модель выдвигалась как перспективный образец для посткоммунистического региона, который, следуя идеям Ю. Хабермаса и Р. Дарендорфа, вступил на путь «догоняющих революций» с тем, чтобы завершить переход к демократии по истечении 60 лет (что оказалось слишком долго для поколения революционеров). Однако на деле сам «Запад» перестал представлять собой единое целое — он столкнулся с противоречиями и дезинтеграционными тенденциями, утратил былую привлекательность для стран ЦВЕ, и полагая, что сохраняет контроль над ситуацией, на самом деле «управляет пустотой» (используя метафору книги [*Mair,* 2013]). Понятие «опустошения» западных демократий раскрывается по таким параметрам, как сужение социального пространства гражданского общества, отделение партийной политики от народа, размывание политического спектра в его крайних полюсах, смешение программ традиционных партий и неспособность электората различать их, отрыв политиков от реальности. Эти параметры особенно заметны в посткоммунистическом регионе Восточной Европы.

Важной стороной проблемы проекта посткоммунизма признаются критиками перекосы модернизации: соотношение западного оригинала и восточноевропейской копии просто разошлось по времени. Пока посткоммунистический регион догонял Запад (каким он был раньше), тот оказался внутренне измененным и «опустошенным» — стал представлять «пустое пространство», тотально разобщенный народ и элиты. Это пустое пространство сейчас заполнено так называемым популизмом, представляющим собой реакцию на неэффективность постсоветского решения. Популизм воспроизводит поэтому прежние идеологические конструкции, направленные против либеральной демократии, включая широкий спектр различных консервативных доктрин — от умеренного консерватизма правых правительств в странах Восточной Европы до идей, близких испанскому фашизму (например, клерикальный фашизм в Хорватии).

Единство «Запада» как теоретической конструкции, основанное на его восприятии с позиций либеральной идентичности (легитимности), победившей все другие, считают Буден и его единомышленники, начинает распадаться. Восточная Европа оказалась перед выбором: означает ли принадлежность к Западу вступление в НАТО; целесообразно ли следовать за Д.Трампом против Европы, а в ней самой — за Великобританией или Брюсселем. Неопределенность картины будущего означает отсутствие политического воображения. С этих позиций под вопросом оказывается единство региональной идентичности Восточной Европы: это уже не регион, а блок нормативной идентичности (a normative identity block). Различные ее части вынуждены ориентироваться на более крупные региональные объединения, известные как Глобальный Север, Юг и Запад — Восток. Европа переосмысливает себя, глядя на другие регионы (США, Китай, Россию), но теряет единство идентичности и привлекательность в качестве модели.

В Европе представлены «спорные» регионы — это Балканы, которые относятся к Европе только формально (географически, но не политически). На Балканах процессы европеизации и демократизации, следуя современным оценкам, тотально провалились (Босния-Герцоговина, Хорватия, Сербия-Косово, а также Румыния). Постсоветская транс-

формация не нашла завершения: эти страны создали проблемы, которые сами не могут решить, делегируя их ЕС (в который не входят). Балканы воспринимаются в Европе как чуждый регион, культурно другой и не способный на интеграцию. В этом контексте заявление Э. Макрона о нежелании включать балканские страны в ЕС — выражение устойчивой позиции. В то же время «балканизация» или «украинизация» Европы — заметный тренд, идущий без прямой интеграции этих регионов.

Ситуация, полагают критики посткоммунистического проекта, возвращается к 90-м гг. XX в. на новом уровне. Восточная Европа сталкивается со схожей дилеммой: вся концепция посткоммунистического транзита была глубоко идеологической, поэтому плохо готовила общества к грядущей истории. Теперь «история уходит с Запада», заставляя переосмыслить посткоммунизм (как ранее коммунизм). Смена идеологий — выражение тенденций и противоречий глобализации в регионе — переход от идеологии потребления к идеологии выживания. Первая идеология (господствовавшая в 1990-е гг.) постулировала, что рыночная экономика самостоятельно обеспечит экономический рост, высокие жизненные стандарты и демократию. В условиях глобализации эта иллюзия перестает соответствовать действительности. Народы и элиты постсоветских стран вынуждены принимать решения, навязываемые извне ведущими игроками (сильными государствами и транснациональными финансовыми регуляторами и компаниями), утрачивая позиции в производстве, кадрах и профессиональных навыках. Экономическая стратегия посткоммунистических стран свелась к простой дилемме — либо дешевая рабочая сила и приток инвестиций, либо дорогая рабочая сила, но уже без инвестиций.

Новый тип региональной идентичности ЦВЕ формируется поэтому как защитная реакция от деструктивных следствий глобализации — противопоставление региона Западу. Эта «Самоизоляция» региона Восточной Европы, или его «Само-овосточнивание» (self-Easternization), выступает как культурный проект, выражающий себя прежде всего в культуре и искусстве. Имеется в виду политика идентичности, направленная на преодоление отчуждения, своеобразная форма борьбы за признание со стороны Запада. Посткоммунизм выражает неустойчивый баланс между завышенными ожиданиями и разочарованием, причем с нарастанием последнего. Не означает ли это, что посткоммунизм являлся не более чем очередной попыткой догоняющей модернизации, завершившейся (как большинство предыдущих) откатом назад?

Заключение: итоги посткоммунистического проекта

Итоги посткоммунистического проекта определяются тем, как мы видим его содержание в идеологическом, правовом и институциональном измерениях. Крушение коммунизма как целостной системы, связывающей воедино все три компонента, теоретически открывало перспективы обретения регионом новой демократической идентичности, закладывая основы легитимности новых политических режимов и программы их действия на «переходный период» от коммунистической диктатуры к демократии.

На этой основе был сформирован посткоммунистический проект — совокупность теоретических положений, программных установок и дорожных карт по выведению соответствующих стран на широкую дорогу демократических преобразований. В течение десятилетий, последовавших за демократическими революциями 1989 г., никто не ставил под вопрос реализуемость плана. Речь шла только о моделях и технологиях его осуществления, позволявших выделить разные группы стран по критерию близости к цели и того, насколько они справились со «школьным заданием», — освоением рекомендаций более продвинутых стран по созданию рыночной экономики, демократии и парламентаризма.

При этом в интернациональной дискуссии почти полностью игнорировались пять принципиальных факторов: *во-первых*, влияние процессов глобализации на степень состо-

ятельности посткоммунистического проекта (основы и интенции которого закладывались фактически до начала глобализации и не могли предвидеть ее воздействия); *во-вторых*, трансформация содержания и смысла ряда основополагающих принципов классической демократии в условиях европейской интеграции и связанных с ней задач (идеология прав человека, европейский рынок, ограниченный суверенитет, многоуровневый конституционализм, транснациональное конституционное правосудие); *в-третьих*, роль культурной и исторической традиции национальных государств, которая, временно отступив под натиском демократических процессов, со временем вернула свои позиции, определив различную трактовку самого понятия «посткоммунизм» и путей выхода из него; *в-четвертых*, растущий разрыв общих ценностей посткоммунистического региона и интересов входящих в него субрегионов и отдельных стран с учетом глобальной экономической дифференциации, конкуренции и геополитических приоритетов; *в-пятых*, меняющееся соотношение целей и средств посткоммунистического проекта — неспособность элит предвидеть влияние мощных деструктивных процессов на легитимность политических институтов в виде экономических диспропорций, миграционного кризиса, спонтанного информационного обмена. Этот вакуум теоретических концепций, доверия и действенных регуляторных механизмов быстро заполнил так называемый популизм — психологическая реакция апатичного общества на когнитивный конфликт завышенных ожиданий и реальности, резкие социальные изменения и неврозы — подчеркнуто карандашом, на полях галочка, чтобы это значило раздражающие социальные последствия этих изменений.

Тезис о конце посткоммунизма, на наш взгляд, напоминает известный тезис о конце истории и вызывает сходное ощущение ложной многозначительности. Очевидно, что его смысл зависит исключительно от того, что мы вкладываем в понятие посткоммунизма. Проведенный обзор дискуссий показывает, что данный термин используется, как минимум, в трех разных пониманиях. В одном термин «посткоммунистический» вообще есть прагматическое описание определенной эпохи с ее надеждами, трудностями и достижениями — эпохи, по-видимому, завершающей свое существование. В другом понимании он используется как идеологический маркер для обозначения перехода бывших коммунистических стран к либеральной демократии и рыночной экономике. В таком случае завершение или провал транзита означает и конец посткоммунистической эпохи. В третьем понимании посткоммунизм означает новый идеологический синтез, отражающий поиск регионом места в условиях глобализации. Каков будет этот синтез, зависит от сочетания исторической традиции, культурных инноваций и представлений о желательной картине мира будущего.

Окончание посткоммунистического периода, определяемого как эпоха «транзита к демократии», позволило констатировать противоречивость полученного результата. С одной стороны, всем странам региона удалось уйти от коммунизма, во всяком случае, в той его одиозной форме, которая господствовала под именем марксистско-ленинской идеологии и основанных на ней репрессивных однопартийных режимов. С другой стороны, иная, более масштабная цель — построение полноценной демократии западного типа, по общему признанию, остается скорее обещанием, чем реальностью, а в некоторых странах она потерпела провал с установлением новых авторитарных режимов. Важно выяснить, насколько коммунистическое прошлое влияет на формирование идентичности стран региона в условиях глобализации. Проект посткоммунизма уходит, не будучи сменен никаким новым полноценным проектом, если не считать таковым право-популистский поворот в политике стран Восточной Европы и России. Это позволяет сомневаться в прочности легитимирующих основ постсоветских политических режимов и их устойчивости в долговременной перспективе. По мере того, как с угасанием воспоминаний о коммунизме в Восточной Европе будет стираться из памяти посткоммунистический этап развития с его надеждами и разочарованиями, станут понятны реальные политические факторы адаптации стран региона в новые интеграционные проекты формирующегося глобального правового порядка.

ЛИТЕРАТУРА

Горбачев М.С. (2018). В меняющемся мире. М.: АСТ.

Мадьяр Б. (2016). Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение.

Медушевский А.Н. (2015). Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Медушевский А.Н. (2019). Политическая философия М. Горбачева и перспективы нового мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (132). С. 125–144.

Медушевский А.Н. (2018). Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство, Россия // Полития. № 3 (90). С. 113–139.

Плискевич Н.М. (2014). Трансформация системы «власти–собственности» в России: региональный аспект. М.: Институт экономики.

Приватизация власти, или По ту сторону политического.: Материалы дискуссии (2018) // Неприкосновенный запас. Т. 121. № 5. С. 3–321.

Пути российского посткоммунизма. Очерки / Под ред. М. Липман, А. Рябова. М.: Изд. Р. Элина.

Шишелина Л.Н. (2010). Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. М.: Весь мир.

Ясин Е.Г. (2012). Приживется ли демократия в России. М.: Новое литературное обозрение.

Adams L.L. (2010). The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan. Durham. London: Duke University Press.

Between Europe and Asia: The Origins, Theories and Legacy of Russian Eurasianism. (2015). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. M. Bassin, S.Glebow, M. Lawelle (Eds.).

Bogdan C., Sikora P. (2019). The End of the End (of Postcommunism) // Revista ARTA. Prague. April 11. 2019. revistaarta.ro/en/the-end-of-the-end-of-postcommunism.

Buden B. (2009). Zone des Übergangs: Vom Ende des Postkommunismus. Berlin: Suhrkamp.

Cheng Chen. (2016). The Return of Ideology: The Search for Regime Identities in Postcommunist Russia and China. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Cienski J. (2018). Start up Poland: The People who Transformed an Economy. Chicago: University of Chicago Press.

Constitutional Politics in Central and Eastern Europe. Berlin: Springer. (2016) / A. Fruhstorfer, M. Hein (Eds.)

Djankov S., Hauck O. (2016). The Divergent Postcommunist Paths to Democracy and Economic Freedom Peterson Institute for International Economics Working paper 16-10 July 2016. www.piie.com/system/files/documents/wp16-10.pdf.

Engvall J. (2016). The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective. Ann Arbor: University of Pittsburgh Press.

Eyal G. (2003). The Origins of Post-communist States: From Prague Spring to the Breakup of Czechoslovakia. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Frye T. (2000). Brokers and Bureaucrats: Building Market Institutions in Russia. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Ganev V. (2020). Understanding State Weakness in Postcommunism. www.wilsoncenter.org/publication/345-understanding-state-weakness-postcommunism.

Ghodsee K. (2017). Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century-Communism. Durham and London: Duke University Press.

Heathershow J. (2017). Paradox of Power: The Logics of State Weakness in Eurasia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Holmes L. (1997). Post-Communism: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press.

Holmes L. (2006). Rotten States?: Corruption, Post-Communism, and Neoliberalizm. Durham, NC: Duke University Press.

Kalan D. (2019). A Private State. Viktor Orban's National Post-communism (1.07.2019). klubjagiellonski.pl/2019/07/01/a-private-state-viktor-orbans-national-post-communism.

Klima M. (2015). Od totality k defektní demokracii. Praha: SLON.

Lowenhardt J. (1995). The Reincarnation of Russia: Struggling with the Legacy of Communism, 1990–1994. Durham, NC: Duke University Press.

Mair P. (2013). Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy. London: Verso.

Matza T. (2018). Shock Terapy: Psychology, Precarity, and Well Being in Postsocialist Russia. Durham: Duke University Press.

Pehe J. (2014). Czech Republic and Slovakia 25 Years after the Velvet Revolution: Democracies without Democrats (15 September 2014). eu.boell.org/en/2014/09/15/democracies-without-democrats.

Post-communist Nostalgia. (2010). New York, Oxford: Berghahn Books. *M.Todorova, Gille Z.* (Eds.)

Roland G. (2018). The Evolution of Postcommunist Systems: Eastern Europe versus China. eml.berkeley.edu/~groland/pubs/Evolutionpostcommunist.pdf.

Rupprecht T. (2018). Rupprecht in Pula, 'Globalization Under and After Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe'. networks.h-net.org/node/28443/reviews/3984879/rupprecht-pula-globalization-under-and-after-socialism-evolution (дата обращения 10.01.2021).

Медушевский Андрей Павлович
amedushevsky@mail.ru

Andrey Medushevsky
Doctor of sciences (Philosophy), tenured professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
amedushevsky@mail.ru

POST-COMMUNISM PROJECT IN EASTERN EUROPE: CONTENT, EVOLUTION AND THE CAUSES OF EXPIRATION

Abstract. The outcomes of Post-Communist evolution in Eastern Europe started by the fall of Berlin wall and the collapse of USSR becomes the subject of very controversial debates 30 years after. The growing social disappointment, the rise of conservative populism and the backslide of democracy in many countries of this region makes this academic debate a part of a broad ideological and political struggle over the concept of future Europe and the place of Eastern Europe in globalizing world. At the core of this problematic stay the reappraisal of Post-Communist project — system of values, principles and norms of economic and political transformation in Eastern Europe as well as road-map used by elites for the reconstruction of political legitimacy and reform process promulgation. The author analyses three major aspects of the subject: the substance of the Post-Communist project as a theoretical construction; the evolution of its basic ideas at the passed time, and the results of its fulfillment — positive and negative. The Second part of the article put its gravity center on causes and mechanisms of Post-communist transit dysfunctions: the logic of democracy and authoritarianism in societies under transformation; typology and interpretation of political regimes; the concept of the "end of Post-communism" as ideological construction. The author summarizes the role of the Post-Communist project in current political debates showing its contradictions, missed opportunities, dysfunctions and causes of its expiration.

Keywords: *Post-Communism, Central and Eastern Europe, Post-communist transit, democratic backslide, populism, political regimes, ideology, economic and political reforms, legitimacy.*
JEL: A10, F02, F15, N20, P20.

REFERENCE

Adams L.L. (2010). *The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan.* Durham, London: Duke University Press.

Between Europe and Asia: The Origins, Theories and Legacy of Russian Eurasianism. (2015). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. M. Bassin, S.Glebow, M. Lawelle (Eds.).

Bogdan C., Sikora P. (2019). The End of the End (of Postcommunism) // *Revista ARTA*. Prague, April 11, 2019. revistaarta.ro/en/the-end-of-the-end-of-postcommunism.

Buden B. (2009). *Zone des Übergangs: Vom Ende des Postkommunismus.* Berlin: Suhrkamp.

Cheng Chen. (2016). *The Return of Ideology: The Search for Regime Identities in Postcommunist Russia and China.* Ann Arbor: University of Michigan Press.

Cienski J. (2018). *Start up Poland: The People who Transformed an Economy.* Chicago: University of Chicago Press.

Constitutional Politics in Central and Eastern Europe. Berlin: Springer. (2016) / A. Fruhstorfer, M. Hein (Eds.)

Djankov S., Hauck O. (2016). The Divergent Postcommunist Paths to Democracy and Economic Freedom. Working paper 16–10 July 2016 // Peterson Institute for International Economics. www.piie.com/system/files/documents/wp16-10.pdf.

Engvall J. (2016). *The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective*. Ann Arbor: University of Pittsburgh Press.

Eyal G. (2003). *The Origins of Post-communist States: From Prague Spring to the Breakup of Czechoslovakia.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Frye T. (2000). *Brokers and Bureaucrats: Building Market Institutions in Russia.* Ann Arbor: University of Michigan Press.

Ganev V. (2020). *Understanding State Weakness in Postcommunism.* www.wilsoncenter.org/publication/345-understanding-state-weakness-postcommunism.

Ghodsee K. (2017). *Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century-Communism.* Durham and London: Duke University Press.

Gorbachev M.S. (2018). *V meniaiuschemsia mire* [In a Changing World]. Moscow: AST.

Heathershow J. (2017). *Paradox of Power: The Logics of State Weakness in Eurasia.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Holmes L. (1997). *Post-Communism: An Introduction.* Durham, NC: Duke University Press.

Holmes L. (2006). *Rotten States?: Corruption, Post-Communism, and Neoliberalizm.* Durham, NC: Duke University Press.

IAsin E.G. (2012). *Prizhyvetsia li demokratia v Rossii* [Will Democracy survive in Russia]. Moscow, NLO.

Kalan D. (2019). *A Private State. Viktor Orban's National Post-communism* (1.07.2019).klubjagiellonski.pl/2019/07/01/a-private-state-viktor-orbans-national-post-communism.

Klima M. (2015). *Od totality k defektní demokracii.* Praha: SLON.

Lowenhardt J. (1995). T*he Reincarnation of Russia: Struggling with the Legacy of Communism, 1990–1994.* Durham, NC: Duke University Press.

Madiar B. (2016). *Anatomia postkommunistichescogo mafiosnogo gosudarstva* [The Anatomy of Post-communist Mafia-state]. Moscow: NLO.

Mair P. (2013). *Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy.* London: Verso.

Matza T. (2018). *Shock Terapy: Psychology, Precarity, and Well Being in Postsocialist Russia.* Durham: Duke University Press.

Medushevskiy A.N. (2015). *Politicheskie sochinenia: pravo i vlast v usloviiach socialnyh transformaciy* [Political Writings: Law and Power under Social Transformations]. Moscow. Centr gumanitarnyh iniciativ.

Medushevskiy A.N. (2018). *Populizm i Konstitucionnaia transformaciia: Vostochnaia Evropa, postsovetskoe prostranstvo, Rossiia* [Populism and Constitutional Transformation: Eastern Europe, Post-soviet Area, and Russia]. Politiia. No. 3 (90). Pp. 113–139.

Medushevskiy A.N. (2019). *Politicheskaia filosofia M. Gorbacheva I perspektivy novogo mirovogo poriadka* [Political Philosophy of M.Gorbachev and the Prospects for a new World Order] // Sravnitel'noe Konstitucionnoe obozrenie. No. 5 (132). P. 125–144.

Pehe J. (2014). Czech Republic and Slovakia 25 Years after the Velvet Revolution: Democracies without Democrats (15 September 2014). eu.boell.org/en/2014/09/15/democracies-without-democrats (Access date: 10.01.2021).

Pliskevich N.M. (2014). *Transformaciia sistemy «vlasti-sobstvennosty» v Rossii* [Russian System of Power-property relations in Transformation: the Regional Aspect]. Moscow: Institut Ekonomiki RAN.

Privatizacia vlasti, ili po tu storonu politicheskogo: Materialy discussii (2018). [Privatization of Power or on the other side of politics] // Neprikosnovennyi zapas. Vol. 121. No. 5. Pp. 3–321.

Post-communist Nostalgia. (2010). New York, Oxford: Berghahn Books. *M.Todorova, Gille Z.* (Eds.)

Puti rossiiskogo postkommunisma (2007). [Paths of the Russian Post-communism]. Moscow: P. Ellin. / M. Lipman, A. Riabov (Eds.)

Roland G. (2018). *The Evolution of Postcommunist Systems: Eastern Europe versus China.* eml.berkeley.edu/~groland/pubs/Evolutionpostcommunist.pdf (Access date: 10.01.2021).

Rupprecht T. (2018). *Rupprecht in Pula, 'Globalization Under and After Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe'.* networks.h-net.org/node/28443/reviews/3984879/rupprecht-pula-globalization-under-and-after-socialism-evolution (Access date: 10.01.2021).

Shishelina L.N. (2010). *Vyshegradskaia Evropa: otkuda I kuda?* [Vyshegrad Europe: where to go? Two Decades of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czechia]. Moscow: Ves' Mir.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.А. Нисневич
д. полит. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования нового мирового порядка в условиях постиндустриального цивилизационного транзита после распада прежнего биполярного. В этих условиях миропорядок не может сформироваться в парадигме полярности, институциональной основой которой призваны служить государства-полюсы, взаимоотношения между которыми строятся в соотнесении с их ресурсами военной и экономической силы. Необходимость иной институциональной основы миропорядка определяется тем, что количество суверенных государств — членов ООН увеличилось с начальных 50 до 193, причем каждое из этих государств имеет все права и претендует на то, чтобы его интересы и цели учитывались в системе международных отношений. Кроме того, в процессе постиндустриального транзита сам институт государства претерпевает существенные трансформации. В результате глобализации границы национальных государств становятся «проницаемыми» для таких пространств, как мировой рынок товаров, продукции и услуг, трансграничное информационно-коммуникационное пространство, международное правовое пространство. Возникают новые транснациональные организационные формы. Именно эти формы, и в первую очередь международные межгосударственные организации (ММО), количество которых также существенно увеличилось, могут составить институциональную основу постиндустриального миропорядка. В контексте формирования такого миропорядка основной интерес представляют политические ММО, созданные в целях политических межгосударственных взаимодействий, включая вопросы совместной обороны и коллективной безопасности, регулирования международных отношений по широкому спектру проблем.

Можно предположить, что многоуровневая сеть политических ММО, распределенная зонтичная архитектура которой будет развиваться и совершенствоваться в процессе цивилизационного транзита, составит политическую институциональную основу зарождающегося постиндустриального миропорядка. Эта структура создает полицентрическую конфигурацию международных отношений, в которой разноуровневыми центрами взаимодействия и согласования политических интересов государств выступают различные политические ММО от общемировых до предельно локальных. При этом ключевой остается проблема эффективности существующих политических ММО для предотвращения межгосударственных и локальных военных конфликтов, политических кризисов и их устойчивого купирования.

Ключевые слова: *мировой порядок, постиндустриальный цивилизационный транзит, глобализация, международные межгосударственные организации, полицентризм.*
JEL: B52, F02, F53, F55, F60.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_91_101.

Чрезвычайно актуальной и в то же время предельно дискуссионной проблемой в современной мировой политической практике и политической науке является проблема формирования нового мирового порядка. Здесь, безусловно, речь не идет об используемом в различных конспирологических теориях [*Still*, 1990] понятии «новый мировой порядок» как теневом правительстве, состоящем из мировой элиты, которая стремится управлять всем миром. Под мировым порядком понимается порядок взаимоотношений и взаимодей-

ствий государств в современном мире, который, по мнению Г. Киссинджера, должен базироваться «на двух компонентах — совокупности общепринятых правил, определяющих пределы допустимых действий, и на балансе сил, необходимом для сдерживания в условиях нарушения правил, что не позволяет одной политической единице подчинить себе все прочие» [*Киссинджер*, 2015. С. 21].

В настоящее время зарождение нового мирового порядка происходит в условиях постиндустриального цивилизационного транзита — процесса перехода к общепланетарной постиндустриальной цивилизации, в которой во временном континууме будут сохраняться и национально-государственные цивилизационные локалитеты [*Nisnevich, Ryabov*, 2018]. И поэтому такой миропорядок можно обозначить как постиндустриальный. Представляется, что к анализу этого процесса применима методология исторического институционализма, в котором акцент делается на институциональном выборе, совершаемом в историческом процессе в целях структурирования и формирования политического поведения, развития политической системы и получения определенного результата [*Steinmo*, 2008].

Отправной точкой и ключевой причиной возникновения настоятельной необходимости в формировании нового мирового порядка стало то, что после распада в 1991 г. СССР и прекращения деятельности Организации Варшавского договора (1955–1991) и Совета экономической взаимопомощи (1949–1991) перестала существовать сложившаяся по итогам Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, определявшая существовавший с 1945 г. до 1991 г. биполярный миропорядок. За этим последовал короткий период доминирования США, которые остались единственной сверхдержавой. Но, как отмечает Г. Аллисон, «окончание холодной войны создало однополярный момент, но не ознаменовало начало однополярной эры» [*Allisson*, 2018]. Такой монополюсный миропорядок, который в определенной мере пытался с позиции силы воссоздать президент США Д. Трамп, не имел и не имеет перспектив длительного существования, так как он не только обостряет уже существующие межгосударственные конфликты интересов, но порождает новые и тем самым не способствует устойчивости мировой системы.

В России превалирует мнение, что наиболее вероятным миропорядком должен стать многополюсный (многополярный) миропорядок [*Симония, Торкунов,* 2015]. Институциональной основой такого миропорядка призваны служить отдельные государства — полюса силы, не превосходящие и не распространяющие своё влияние друг на друга. Однако такой миропорядок, начало перехода к которому было провозглашено более двадцати лет тому назад тогдашним министром иностранных дел России Е. Примаковым [*Примаков*, 1996], всё никак не может сформироваться. Это объективно обусловлено тем, что такой миропорядок сущностно архаичен, представляя собой продолжение биполярного мирового порядка, и не соответствует условиям постиндустриального цивилизационного развития. Как отмечает А. Кортунов, «если вчитаться в современные российские нарративы, описывающие “новую” многополярность XXI столетия, то за пышным многополярным фасадом очень часто вырисовывается всё та же железобетонная биполярная конструкция мировой политики, отражающая до конца не преодоленную советскую ментальность» [*Кортунов*, 2018].

Можно предположить, что постиндустриальный миропорядок не будет формироваться в парадигме полярности, в рамках которой базовыми элементами служат государства-полюсы, взаимоотношения между которыми строятся в соотнесении с их ресурсами военной и экономической силы, хотя такие ресурсы и не престанут играть существенную роль. Исследовательский вопрос состоит в том, что может послужить институциональной основой постиндустриального миропорядка, базовыми элементами которого становятся не вертикально интегрированные политические блоки государств, а непосредственно сами государства во всём их современном многообразии.

Трансформации института государства в условиях постиндустриального транзита

Прежде всего принципиально значимым является тот факт, что после окончания Второй мировой войны начало существенно увеличиваться количество независимых государств — потенциальных базовых элементов мирового порядка. Если учредителями ООН в 1945 г. выступило 51 государство, то к 2011 г. число суверенных государств — членов этой организации увеличилось до их нынешнего числа 193, т.е. почти в четыре раза. Динамика увеличения числа государств — членов ООН показана на рис. 1.

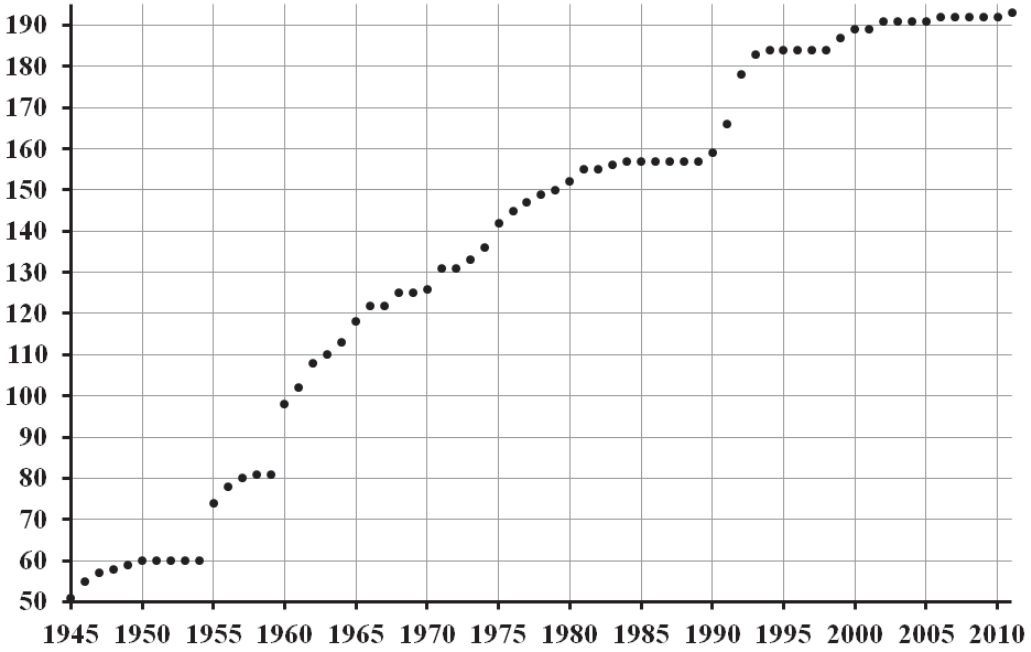


Рис. 1. **Число государств-членов ООН**
Источник: **разработано автором**

На данном рисунке можно выделить два периода скачкообразного увеличения числа независимых государств. Первый — с середины 50-х до конца 60-х гг. XX в., обусловленный распадом колониальных систем; второй — с конца 80-х до середины 90-х г. XX в., обусловленный распадом мировой социалистической системы.

«Государства мира не могут быть фактически равными друг другу — слишком различны их ресурсы и возможности, размеры и потенциалы — экономические, военные, политические и любые другие. Но очевидное неравенство государств не обязательно означает, что они должны также отличаться в своих базовых правах» [*Кортунов*, 2018]. Каждое государство имеет все права и, естественно, претендует на то, чтобы его интересы и цели учитывались в системе международных отношений, а, следовательно, формирующийся миропорядок призван обеспечивать возможности или, по крайней мере, не препятствовать реализации таких интересов и целей.

Существенное влияние на формирование постиндустриального миропорядка оказывает тот факт, что в процессе постиндустриального развития происходят разнонаправленные трансформации института государства, связанные с воздействиями на этот институт как изнутри, так и извне. «По мере того, как по миру катится Третья волна, ключевая политическая единица эры Второй волны — нация-государство — трещит под давлением снизу и сверху. Одни силы стремятся перевести политическую власть с уровня государства-нации на уровень внутринациональных регионов и групп. Другие силы пытаются поднять ее на уровень межнациональных агентств и организаций» [*Тоффлер*, 2004. С.500].

Ключевой системной тенденцией трансформации института государства «изнутри» является его децентрализация. Только децентрализация публичной власти и политического управления может стать адекватным ответом на децентрализацию и демассификацию общества, нарастание социального многообразия и одновременную сегментацию и децентрализацию экономики. Централизация власти больше не работает, так как жестко централизованная власть не способна адекватно и оперативно реагировать на нарастающие объемы и разнообразие частных, групповых и локальных интересов. «Политические и бюрократические структуры, сложившиеся в эпоху Второй волны, неспособны к дифференцированному подходу к каждому региону или городу, к каждой религиозной, расовой, социальной, этнической или сексуальной группе. Условия претерпевают дивергенцию, а люди, принимающие решения, продолжают оставаться в неведении относительно быстро изменяющихся локальных нужд» [*Тоффлер*, 2004. С. 509].

Политическая децентрализация публичной власти осуществляется путем её распределения между центром, регионами и местными административно-территориальными образованиями при разграничении между ними предметов ведения, полномочий и ответственности на основе принципа субсидиарности. Такая «федерализация» власти сегодня имеет место не только в федеративных государствах, но наблюдается и в демократических унитарных государствах.

Подобная тенденция обусловлена, прежде всего, процессом глокализации, которая в трактовке Р. Робертсона означает взаимосвязь процессов глобализации и локализации в сферах экономики, политики и культуры, сочетание глобальных и локальных факторов в развитии территорий [*Robertson*, 1994]. При этом под территориями могут пониматься не только административные внутригосударственные территории, но и отдельные государства и географические регионы. А, следовательно, феномен глокализации может оказывать значимое влияние на процесс формирования нового миропорядка, обусловливая его «многослойный» характер в контексте территорий.

Трансформации института государства под давлением «извне» предопределены тем, что, как отмечает С. Хантингтон, «государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать поток денег, текущих в их страны и наружу, и сталкиваются со всё большими трудностями в контролировании потока идей, технологий, товаров и людей. Короче говоря, государственные границы стали максимально прозрачны. Все эти изменения привели к тому, что многие стали свидетелями постепенного отмирания твёрдого государства — “бильярдного шара”, общепризнанного как норма со времен Вестфальского мира 1648 года, и возникновения сложного, разнообразного и многоуровневого международного порядка, который сильно напоминает средневековый» [*Хантингтон*, 2005. С. 37]. Государство-нация, границы которого возникали в результате перманентных войн за территории и ресурсы, утрачивает свое доминирующее значение как политической единицы миропорядка.

В результате глобализации мир из совокупности национальных государств, деятельность которых основывалась на абсолютизации принципа национального суверенитета, а межгосударственные отношения — на абсолютизации приоритета национальных интересов, трансформируется в иной миропорядок. В таком постиндустриальном миропорядке национальное государство лишается части своего суверенитета, а абсолютный приоритет национальных интересов и целей заменяется конвергенцией национальных и общемировых интересов и целей. «Сегодня фактически все национальные государства постепенно переплелись с функциональными частями более крупной модели глобальных преобразований и глобальных потоков. Межнациональные структуры и отношения охватили фактически все сферы человеческой деятельности» [*Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон,* 2004. С. 58].

Происходит, если можно так выразиться, «интернационализация» института государства вследствие того, что национальные государства «пронизываются» и становятся составной частью таких общемировых пространств, как мировой рынок товаров, продук-

ции и услуг, трансграничное информационно-коммуникационное пространство, международное правовое пространство. Создаются международные политические институты и структуры, наделенные властно-принудительными полномочиями и действующие поверх государственных границ независимо от расстояний. «Почти в каждой сфере социальной активности, от экономической до культурной, наблюдается существенная институциализация межнациональных отношений и структур, т. е. деятельности и отношений, пересекающих территориальные границы национальных государств. Новые транснациональные организационные формы возникли в процессе объединения людей и координации ресурсов, информации и центров социальной власти независимо от национальных границ в политических, культурных, экономических, технологических или социальных целях» [*Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон,* 2004. С.68].

Современные международные межгосударственные организации

Представляется, что именно транснациональные, и в первую очередь межгосударственные, организационные формы, объединённые во взаимосвязанную централизованно распределенную инфраструктуру, составят институциональную основу постиндустриального миропорядка. Это гипотетическое предположение основывается в том числе и на том, что после окончания Второй мировой войны начался процесс резкого увеличения числа и расширения предметной направленности международных межгосударственных (межправительственных) организаций (ММО).

До окончания Второй мировой войны и создания в октябре 1945 г. ООН в системе международных отношений были созданы и действуют до настоящего времени 21 международная межгосударственная организация. Старейшей среди них считается созданная в 1815 г. Центральная комиссия по судоходству на Рейне, членами которой в настоящее время являются Бельгия, Германия, Нидерланды, Франция и Швейцария [*Central Commission…*]. Уникальной международной организацией до настоящего времени остается созданный в 1899 г. для «всемирного парламентского диалога и работы в интересах мира и сотрудничества между народами и надежного установления представительной демократии» Межпарламентский союз, членами которого на данный момент являются парламенты 173 государств [*Inter-Parliamentary Union…*].

Здесь необходимо также указать и созданную после окончания Первой мировой войны в январе 1920 г. на основании Версальского договора, подписанного на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., Лигу наций, которая ставила своей целью разоружение, предотвращение войн на основе принципов коллективной безопасности, решение конфликтов путем переговоров и глобальное улучшение условий жизни [*League of Nations…*]. Эта организация фактически прекратила свою деятельность в середине 30-х гг. XX в. перед началом Второй мировой войны, но юридически была распущена только в апреле 1946 г.

Динамика увеличения с 1945 г. общего числа ММО по уточненным и дополненным данным о таких организациях, предоставленным компанией «КонсультантПлюс» [*Международные организации…*], показана на рис. 2.

На рис. 2 просматривается волнообразный характер процесса увеличения общего числа ММО. Первая волна, начавшаяся с 1945 г., стала постепенно затухать к началу 80-х гг. XX в., а вторая волна началась со второй половины 1980-х гг. Она стала постепенно затухать к началу XXI в. При этом с 1945 г. до настоящего времени число ММО увеличилось с 28 до 191 организации, т.е. почти в 7 раз.

Среди всех ММО, что вполне закономерно, подавляющее большинство составляют организации, цели которых — межгосударственные взаимодействия в сферах экономической, финансовой, торговой, образовательной, научной и иной предметной направлен-

ности. Но с точки зрения зарождающегося постиндустриального миропорядка основной интерес представляют политические ММО, созданные в целях политических межгосударственных взаимодействий, включая вопросы совместной обороны и коллективной безопасности, и регулирования международных отношений по широкому спектру проблем. Динамика увеличения таких ММО с 1945 г. показана на рис. 3.

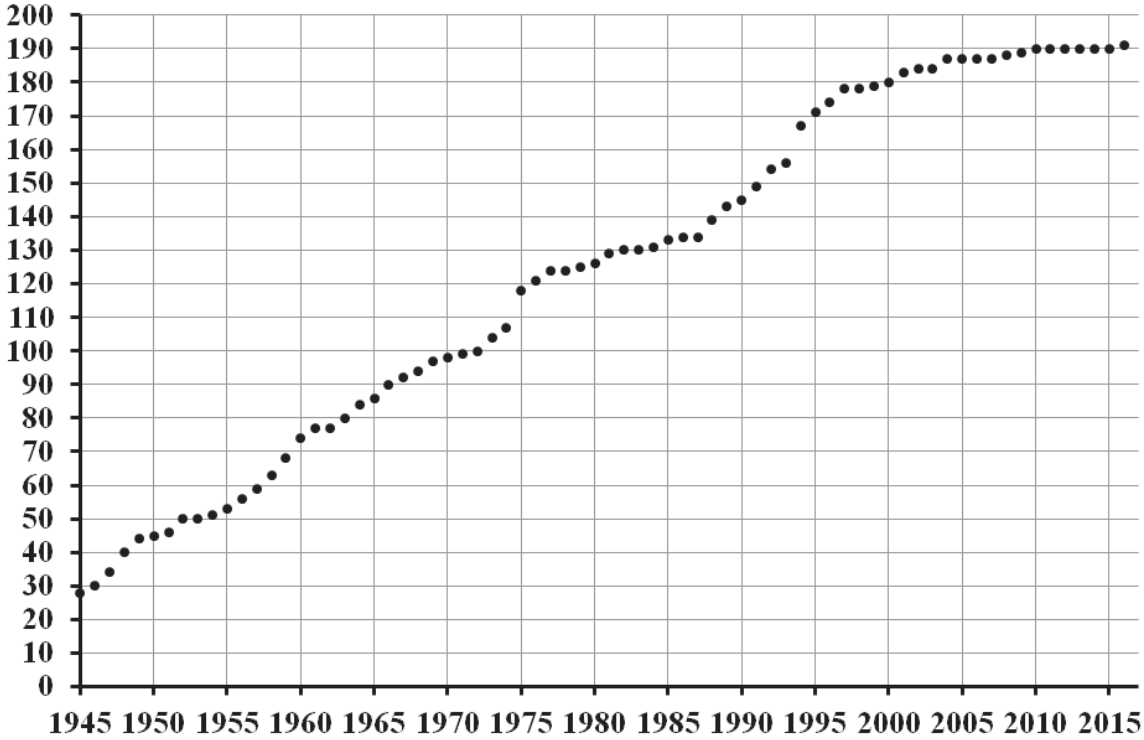


Рис. 2. **Общее число ММО**
Источник: **разработано автором**

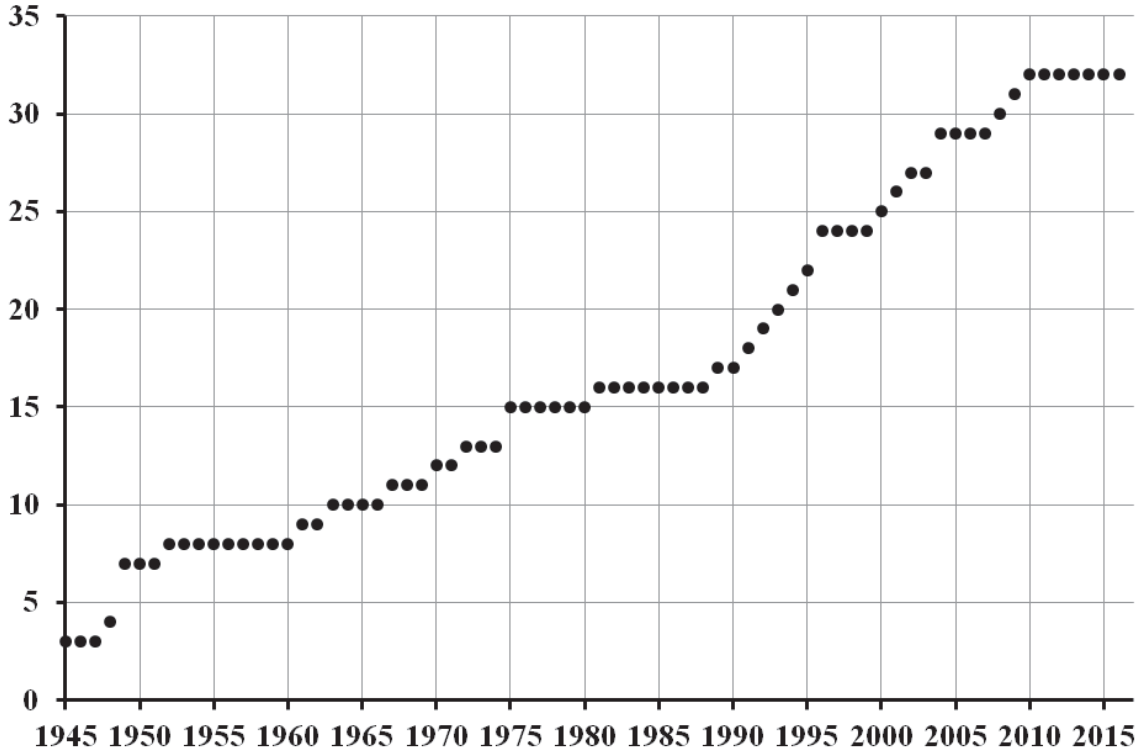


Рис. 3. **Число политических ММО**
Источник: **разработано автором**

На этом рисунке отчетливо просматривается волнообразный характер процесса увеличения числа политических ММО. Первая волна, начавшаяся с 1945 г., стала затухать с середины 1970-х гг., а вторая началась с конца 1990-х гг. и затухала с начала 2010-х гг. Можно предположить, что вторая волна была обусловлена распадом мировой социалистической системы и окончанием биполярного миропорядка. При этом с 1945 г. к настоящему времени число политических ММО увеличилось с 3 до 32 организаций, т.е. более чем в 10 раз, а скорость увеличения числа политических ММО в ходе второй волны по отношению к первой волне выросла в 1,5 раза.

Принципиально важно, что множество действующих в настоящее время политических ММО уже охватывают практически все государства и континенты (возможно в меньшей степени Океанию). Это подтверждается данными, представленными в табл. 1.

Таблица 1
Современные политические ММО

№ п/п	Организация	Год образования	Число участников	География
1	Организация Объединенных Наций (ООН)	1945	193	общемировая
2	Межпарламентский союз	1889	173	общемировая
3	Движение неприсоединения	1961	120	общемировая
4	Организация Исламского сотрудничества	1972	57	Азия, Африка, Европа, Южная Америка
5	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)	1975	57	Европа, Северная Америка, Центральная Азия
6	Африканский союз	1963	55	Африка
7	Международная организация франкоговорящих стран	1970	54	Европа, Северная и Южная Америка, Африка, Азия
8	Содружество Наций	1949	52	Европа, Северная и Южная Америка, Африка, Азия, Океания
9	Совет Европы	1949	47	Европа
10	Союз для Средиземноморья	2008	43	Европа, Северная и Западная Африка, Ближний Восток
11	Организация американских государств	1948	34	Северная и Южная Америка
12	Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна	2010	33	Северная и Южная Америка
13	Организация Североатлантического договора (НАТО)	1949	29	Европа, Северная Америка и Турция
14	Совет Европейского Союза	1975	28	Европа
15	Европейский Союз (ЕС)	1993	28	Европа
16	Ассоциация карибских государств	1994	24	Северная и Центральная Америка
17	Лига арабских государств	1945	22	Ближний Восток, Аравийский полуостров, Северная и Восточная Африка
18	Центрально-европейская инициатива	1989	18	Центральная Европа

Окончание табл. 1

№ п/п	Организация	Год образо-вания	Число участни-ков	География
19	Союз южноамериканских наций	2004	12	Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай,Чили, Эквадор,
20	Совет государств Балтийского моря	1992	11	Германия, Дания, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Россия, Финляндия, Швеция, Эстония
21	Боливарианская альянс для народов нашей Америки	2004	11	Боливия, Венесуэла, Куба, Эквадор, Никарагуа, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Гренада и Сент-Китс, Невис
22	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии	1967	10	Юго-Восточная Азия
23	Содружество Независимых Государств (СНГ)	1991	10	Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан
24	Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств	1995	9	Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина
25	Содружество португалоязычных стран	1996	9	Ангола, Бразилия, Восточный Тимор, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбик, Португалия, Сан-Томе и Принсипи, Экваториальная Гвинея
26	Арктический совет	1996	8	Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция
27	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	2001	8	Индия, Казахстан, Киргизия, Китай, Пакистан, Россия, Таджикистан, Узбекистан
28	Совет сотрудничества стран Персидского залива	1981	6	Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия
29	Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)	2002	6	Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан
30	Северное сотрудничество (Norden)	1952	5	Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция
31	Тюркский совет	2009	4	Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция
32	Союзное государство Белоруссии и России	2000	2	Белоруссия, Россия

Источник: составлено автором.

Анализ данных, представленных в таблице, показывает, что множество действующих политических ММО представляет собой распределенную структуру зонтичного типа, которая по территориальному охвату является многослойной со взаимопересечениями как между слоями, так и в рамках одного слоя. Эта структура создает полицентрическую конфигурацию международных отношений, в которой разноуровневыми центрами взаимодействия и согласования, прежде всего политических интересов государств, выступают различные политические ММО от общемировых до предельно локальных. Именно в такой полицентрической конфигурации видит перспективу постиндустриального миропорядка президент Франции Э. Макрон, что нашло отражение в его выступлении на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в котором он публично вступил в полемику с президентом США Д. Трампом как со сторонником парадигмы полярности [*Verbatim* …, 2018].

Заключение

На основании представленного анализа можно предположить, что многоуровневая сеть политических международных межгосударственных организаций, распределённая зонтичная архитектура которой будет развиваться и совершенствоваться в процессе цивилизационного транзита, составит политическую институциональную основу зарождающегося постиндустриального миропорядка. При этом ключевой на сегодняшней день остается проблема эффективности современных политических международных межгосударственных организаций, начиная с ООН, в деле предотвращения и устойчивого купирования межгосударственных как локальных военных конфликтов, так и политических кризисов.

Усиление роли международных межгосударственных организаций, «глубокое взаимопроникновение национальных организмов» [*Кувалдин*, 2018. С.68] обусловливает фундаментальную трансформацию всей структуры миропорядка, отказ от полюсной парадигмы его формирования в условиях постиндустриального транзита. Миропорядок, основанный на жестко-иерархических, вертикально интегрированных союзах и блоках государств, эволюционирует в сторону полицентризма. Это предполагает не столько замену одного мирового лидера на множество, сколько изменение всей композиции международных отношений, которая примет более «горизонтальный» характер. Полицентризм, с одной стороны, открывает широкие возможности для роста и усиления влияния различных общемировых и региональных объединений, а, с другой — способствует складыванию сетевой структуры международных отношений, предполагающей, что интересы одних и тех же государств в ряде случаев могут совпадать, в ряде других — оказываться «запараллеленными», в-третьих — находиться в состоянии конфликта, который требует разрешения путем многосторонних переговоров.

Как справедливо отмечает В. Кувалдин, новый мировой порядок, и в целом новый глобальный мир, будет создаваться усилиями многих акторов. Среди них «ведущие государства, международные организации, крупнейшие финансовые институты, ТНК, наиболее влиятельные политические силы, глобальные СМИ… их активное взаимодействие, сотрудничество и соперничество создают глобальный мир, мегаобщество, в рамках которого отныне развивается земная цивилизация» [*Кувалдин*, 2018. С. 74].

ЛИТЕРАТУРА

Киссинджер Г. (2015). Мировой порядок. М.: АСТ.

Кортунов А. (2018). Почему мир не становится многополярным // *Россия в глобальном мире*. www.globalaffairs.ru/global-processes/Pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym-19635 (дата обращения: 3.02.2021).

Кувалдин В.Б. (2017). Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь мир.

Международные организации. КонсультантПлюс. www.consultant.ru/law/links/interorg (дата обращения: 3.02.2021).

Примаков Е.М. (1996). Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. №10. С. 3–13.

Симония Н.А., Торкунов А.В. (2015). Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. № 3. С. 27–37. doi: 10.17976/jpps/2015.03.03.

Тоффлер Э. (2004). Третья волна. М.: АСТ.

Хантингтон С. (2005). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. (2004) Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Праксис.

Allison G. (2018). The Myth of the Liberal Order. From Historical Accident to Conventional Wisdom // Foreign Affairs, Vol. 97, No. 4. www.foreignaffairs.com/articles/2018-06-14/myth-liberal-order (access date: 3.02.2021).

Central Commission for the Navigation of the Rhine. www.ccr-zkr.org (access date: 3.02.2021).

Inter-Parliamentary Union. archive.ipu.org/english/home.htm (access date: 3.02.2021).

League of Nations. Encyclopaedia Britannica. www.britannica.com/topic/League-of-Nations (access date: 3.02.2021).

Nisnevich Yu., Ryabov A. (2018). Postindustrial Civilization Transit: Origins, Peculiarities, Prospects. Ed. A. Malashenko. Berlin: Dialogue of Civilizations Research Institute. doc-research.org/category/publication/reports/ (access date: 3.02.2021).

Robertson R. (1994). Globalisation or glocalisation? // Journal of International Communication. Vol. 1. No. 1. Pp. 33–52.

Steinmo S. (2008). Historical institutionalism. Approaches in the Social Sciences / Eds. D. Porta and M. Keating. Cambridge UK: Cambridge University Press.

Still W. T. (1990). New World Order: The Ancient Plan of Secret Societies. Lafayette, Louisiana, U.S.A.: Huntington House Publishers.

Verbatim du discours du Président de la République à la 73e Assemblée générale des Nations unies. New-York, Mardi 25 septembre 2018. www.elysee.fr/declarations/article/verbatim-du-discours-du-president-de-la-republique-a-la-73e-assemblee-generale-des-nations-unies (access date: 3.02.2021).

Нисневич Юлий Анатольевич
jnisnevich@hse.ru

Yuliy Nisnevich
Doctor of Political Sciences, professor of Department Policy and Management National Research University Higher School of Economics, Moscow
jnisnevich@hse.ru

INSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR FORMING THE POST-INDUSTRIAL WORLD ORDER

Abstract. This article presents the problem of forming a new world order in the context of post-industrial civilizational transit after the collapse of the old bipolar one. Under the circumstances, the world order cannot be formed within the paradigm of polarity with its institutional basis laid by pole states, the relationship between which is built in correlation with their military and economic power resources. The fact that the number of sovereign UN member states has significantly increased from the initial 50 to 193 with each of these states possessing all the rights and claiming that their interests and goals should be taken into consideration within the system of international relations calls for a different institutional basis of the world order. Furthermore, in the process of post-industrial transit the institution of state itself undergoes significant changes. As a result of globalization, the borders of nation-states become porous for such areas as world market of goods, products and services, cross-border information and communications, international legal framework. New transnational organizational forms emerge. These new forms and, in the first place, international interstate organizations (IIO), which have significantly grown in number as well, can form the institutional basis of the post-industrial world order. In the context of this world order formation, the main interest is in political IIOs created for the purpose of intercountry political cooperation including the issues of joint defense and collective security, as well as for regulation of international relations on a wide range of topics.

It is fair to assume that the multilevel network of IIOs with its distributed umbrella-shaped architecture, which will develop and improve in the process of civilizational transit, will constitute the political institutional basis for the emerging post-industrial world order. This structure creates a polycentric configuration of international relations, where various political IIOs from global to ultimately local act as multilevel centers for cooperation and coordination of political interests of different states. At the same time, the key problem of efficiency of the existing political INGOs in preventing and sustainably neutralizing international and local military conflicts as well as political crises persists.

Keywords: *world order, post-industrial civilization transit, globalization, interstate organizations; polycentrism.*
JEL: B52, F02, F53, F55, F60.

REFERENCES

Allison G. (2018). The Myth of the Liberal Order. From Historical Accident to Conventional Wisdom // *Foreign Affairs,* Vol. 97. No. 4. www.foreignaffairs.com/articles/2018-06-14/myth-liberal-order (access date: 3.02.2021).

Central Commission for the Navigation of the Rhine. www.ccr-zkr.org (access date: 3.02.2021).

Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. (2004). *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics and Culture]. Moscow: Praksis. (in Russ.)

Huntington S. (2005). *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST. (in Russ.)

Inter-Parliamentary Union. archive.ipu.org/english/home.htm (access date: 3.02.2021).

Kissinger H. (2015). *Mirovoy poryadok* [World Order]. Moscow: AST. (in Russ.)

Kortunov A. (2018). Pochemu mir ne stanovitsya mnogopolyarnym [Why the world is not becoming multipolar] // *Rossiya v global'nom mire*. www.globalaffairs.ru/global-processes/Pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym-19635 (access date: 3.02.2021).

Kuvaldin V.B. (2017). *Global'nyy mir. Politika. Ekonomika. Sotsial'nye otnosheniya* [The global world. Policy. Economy. Social relations]. Moscow: Ves' mir. (in Russ.)

League of Nations. Encyclopaedia Britannica. www.britannica.com/topic/League-of-Nations (access date: 3.02.2021).

Nisnevich Yu., Ryabov A. (2018). Postindustrial Civilization Transit: Origins, Peculiarities, Prospects. Ed. A. Malashenko. Berlin: Dialogue of Civilizations Research Institute. doc-research.org/category/publication/reports/ (access date: 3.02.2021).

Primakov E.M. (1996). Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune XXI veka: problemy, perspektivy [International relations on the eve of the XXI century: problems, prospects] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 10. Pp. 3–13. (In Russ.)

Robertson R. (1994). Globalisation or glocalisation? // *Journal of International Communication*. Vol. 1. No. 1. Pp. 33–52.

Simoniya N.A., Torkunov A.V. (2015). Novyy mirovoy poryadok: ot bipolyarnosti k mnogopolyusnosti [New World Order: from Bipolarity to Multipolarity] // *Polis. Political Studies.* No. 3. Pp. 27–37. Doi: 10.17976/jpps/2015.03.03. (In Russ.)

Steinmo S. (2008). Historical institutionalism. *Approaches in the Social Sciences* / Eds. D. Porta and M. Keating. Cambridge UK: Cambridge University Press.

Still W. T. (1990). *New World Order: The Ancient Plan of Secret Societies.* Lafayette, Louisiana, U.S.A.: Huntington House Publishers.

Toffler A. (2004). *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST. (in Russ.)

Verbatim du discours du Président de la République à la 73e Assemblée générale des Nations unies. New-York, Mardi 25 septembre 2018. www.elysee.fr/declarations/article/verbatim-du-discours-du-president-de-la-republique-a-la-73e-assemblee-generale-des-nations-unies (access date: 3.02.2021).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.С. Соколов
д.и.н., проф., Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина (Рязань)

МЕЖДУ КАРТОЧКАМИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ТОВАРООБОРОТОМ: ВТОРАЯ СОВЕТСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

Аннотация. В статье представлен анализ мероприятий, направленных на отмену карточной системы в СССР в период второй пятилетки. Рассматривается механизм принятия решений и их реализации по данному вопросу партийно-государственно-экономическим аппаратом. Исследуется взаимосвязь между переходом к развёрнутой торговле и состоянием денежного обращения страны. Подчеркивается, что сложная хозяйственная ситуация осложнялась внутриведомственной борьбой между Госпланом, Наркоматом внутренних дел и Наркоматом финансов, которые предлагали разные пути выхода из экономического кризиса. Наркомат внутренних дел предлагал снизить коммерческие цены, Госплан выступал за высокие темпы экономической политики. В свою очередь, Наркомат финансов настаивал на сдерживании эмиссии. Нормированное снабжение усугубляло положение с бюджетным дефицитом. Карточная система сдерживала темп развития товарооборота. Основным источником пополнения бюджета являлось эмиссионное финансирование. Обращается внимание, что в результате ликвидации карточек началось энергичное развертывание товарооборота и развитие денежного хозяйства, что привело к укреплению рубля.

Ключевые слова: *индустриализация, карточная система, товарооборот, коммерческие цены, финансы.*
JEL: B24, N14, N24, N44.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_102_110.

Нормированное распределение продовольствия в России было введено в годы Первой мировой войны и унаследовано большевиками с приходом к власти в 1917 г. В течение Гражданской войны эта система расширялась, охватив почти все городское население и часть сельских потребителей. Основной причиной такого положения была практическая необходимость, однако многие из большевистского руководства рассматривали нормирование как признаки движения к социалистической безденежной экономике, в которой продуктообмен заменит торговлю. Свертывание нормирования в период нэпа не поколебало приверженности многих большевиков этим взглядам. В первую пятилетку интенсивное наращивание капиталовложений в тяжёлую промышленность и падение сельскохозяйственного производства породили значительную инфляцию [*Дэвис, Хлевнюк,*1999. С. 89]. Государство контролировало как оптовые, так и розничные цены и удерживало их на уровне, при котором растущий спрос превосходил предложение. Было введено нормированное снабжение для обеспечения минимальных потребностей городского населения. Основные продукты питания и промышленные товары распределялись по ордерам и карточкам. В марте 1929 г. было введено нормирование отпуска хлеба по заборным книжкам. Вскоре нормирование распространилось на ряд других продуктов питания и некоторые товары ширпотреба. К середине 1931 г. были введены карточки на промышленные товары. Вместе с тем была введена система выдачи пайков и закрытых форм торговли.

Развитие товарооборота являлось одним из наиболее важных хозяйственных задач второй пятилетки. К началу 1930-х гг. карточная система породила множество проблем.

Заработная плата трудящихся нивелировалась скудным пайком. При карточной системе запросы индивидуального потребителя не учитывались с достаточной полнотой. Нормы потребления определялись по «средневзвешенному» потребителю, по той или иной группе, охватывающей огромное количество людей с различными потребностями, вкусами и характером спроса. Это обстоятельство в значительной мере отражалось и на размере потребления. Отчасти при карточной системе увеличивалось потребление некоторых продуктов лишь потому, что потребитель приучился к тому, чтобы брать то, что дают и в том количестве, какое «полагается» [*Смушков*, 1934. С. 54].

Нормированное снабжение усугубляло положение с дефицитом госбюджета. Из-за низких цен на товары обороты государственно-кооперативной торговли оставались небольшими, что вело к замедлению товарооборота. В результате выплаченные населению в виде зарплаты деньги не возвращались в госбюджет через торговлю [*Осокина*, 2008. С. 231]. Дефицит госбюджета не позволял наращивать капиталовложения в промышленность. Главным источником пополнения госбюджета являлась денежная эмиссия. Только за период с 1 января 1931 г. по 1 января 1934 г. количество наличных денег в народном обращении увеличилось в 2,6 раза [*Бокарев*, 1994. С. 243]. Налоги и внутренние займы являлись недостаточными источниками увеличения доходов госбюджета. Логично, что в начале 1932 г. наблюдался существенный рост инфляции. Согласно официальному индексу, за первые пять месяцев 1932 г. цены на продовольствие на свободном рынке выросли на 55%. Можно согласиться с мнением, что стержнем карточной системы являлся крайний индустриальный прагматизм — порождение форсированного промышленного развития и острого товарного дефицита [*Осокина*, 2008. С. 123]. В 1932 г. дополнительные проблемы возникли в связи со значительным увеличением на оборону и сокращением импортных планов из-за кризиса платежей [*Дэвис, Хлевнюк*, 1994. С. 95].

Непростая экономическая ситуация Советского Союза осложнялась неспокойной международной обстановкой. С приходом к власти в Германии Гитлера, в его выступлениях все чаще звучала антибольшевистская риторика. В Азии усиливалась агрессивность Японии, с которой у СССР складывались напряженные отношения. В связи с этим создание военно-промышленного потенциала требовало увеличения расходов [*Соколов,* 2012. С.265].

Экономические реформы в целях оживления товарооборота начали проводиться еще в рамках карточной системы. В мае 1931 г. было отменено нормирование многих промышленных товаров. 10 мая 1931 г. было опубликовано обращение СНК, ЦК ВКП(б) и Центросоюза о потребительской кооперации. В нем содержался призыв к развитию советской торговли и заявлялось об отмене практики нормированной продажи промтоваров [*Директивы КПСС,* 1957. С. 274]. Однако реализовать на практике этот шаг не получилось. Летом 1931 г. случился неурожай. Несмотря на сложную экономическую ситуацию, руководство страны предполагало в скором времени отказаться от карточной системы. Выступая на заседании Политбюро ЦК в июле 1931 г., Сталин заявил: «Придет время, когда мы с карточной системой покончим. Это ведь не от благоденствия у нас карточная система, имейте ввиду! Коль скоро продукты пойдут, похороним её к черту» [*Стенограммы заседания Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б).* 2007. Т.3. С. 535]. В феврале 1932 г. XVII конференция ВКП(б) поставила задачу подготовить отмену нормирования в течение второй пятилетки [*КПСС в резолюциях,* 1984. Т.5. С. 397]. Однако также вследствие неурожая 1932 г. планы заготовок остались не выполненными. В условиях карточной системы, когда покупка товаров в открытой торговле была ограничена, население (особенно сельское) оказалось на грани выживания. Чтобы подготовить условия для отмены карточной системы в Наркомате снабжения СССР, с весны 1933 г. была организована свободная продажа продовольственных товаров, в первую очередь хлеба, из специальной сети государственных магазинов, в дополнение к развёрнутой коммерческой торговле. Всего в 1933 г. было

открыто по стране 5 596 таких магазинов [*История социалистической экономики,* 1978 Т. 4. С. 429]. В 1933 г., в условиях голода и кризиса, власти делали энергичные попытки сократить инфляцию и стабилизировать денежное обращение. Относительно хороший урожай 1933 г., улучшение ситуации в промышленности, замедление роста денежных доходов, позволяло надеяться на снижение розничных цен в коммерческой торговле. К 1933 г. удалось достичь активного внешнеторгового баланса. По словам председателя Госбанка Л.Е. Марьясина, изменение торговой обстановки, которое «все резко почувствовали и увидели в 1933 году…предъявило более строгие требования к организации торговли, потребовало усиления финансовой базы, улучшения финансового хозяйства торговли, роста её оборотных средств [*По страницам архивных фондов,* 2010. С. 15]. В 1934 г. количество денег в обращении увеличилось, но в меньшем объеме, чем размеры товарооборота: за 1934 г. денежная масса в обращении возросла на 12,8% при росте розничного товарооборота на 20% [*Атлас,* 1958. С. 170].

На состоявшемся в начале 1934 г. XVII съезде ВКП(б) Сталин осудил в докладе тезис о введении прямого продуктообмена и упразднении денег. «Развёртывание советской торговли является той актуальнейшей задачей, без разрешения которой невозможно дальше двигаться вперед», — заявил он [*Сталин,* 1952. С. 498]. На съезде об усилении планово-финансовой дисциплины, укреплении рубля и необходимости вывести торговлю на «широкую большевистскую дорогу» говорил В.М. Молотов. Аналогичные суждения прозвучали в выступлении наркома финансов СССР Г.Ф. Гринько, который отметил, что наряду с нормированной торговлей развивается более быстрыми темпами торговля ненормированная [*XVII съезд ВКП(б),* 1934. С. 371, 486]. Схожие идеи прозвучали и в докладе о втором пятилетнем плане В.В. Куйбышева. Он заявил о подготовке условий к отмене централизованного снабжения [*Куйбышев,* 1988. С. 345]. В резолюции съезда подчеркивалось, что основой хозяйственной деятельности должно быть укрепление рубля, «этого важнейшего рычага усиления хозрасчёта и укрепления экономических связей между городом и деревней» [*КПСС в резолюциях,* 1985. Т. 6. С. 122].

Весной 1934 г. возникли проблемы со снабжением хлебом городского населения. В нескольких регионах случилась засуха. Неурожай не способствовал достижению финансовой стабилизации и сокращению эмиссии. Можно согласиться с мнением, что финансовые трудности сыграли существенную роль в принятии решения о начале отмены карточек [*Дэвис, Хлевнюк,* 1999. С. 99]. В июле 1934 г. для проверки состояния торговли Комитет товарных фондов и регулирования торговли при СТО СССР командировал на места высокопоставленных руководителей советских хозяйственных и финансовых ведомств. Одновременно уполномоченным Комитета на местах было поручено принять меры для борьбы со спекуляцией. Председатель Правления Госбанка Л.Е. Марьясин, по поручению комитета товарных фондов инспектировавший Азово-Черноморский край, в своем отчете в августе 1934 г. откровенно заявлял, что решение проблемы спекуляции связано с отменой нормирования, по крайней мере, на промышленные товары [*Дэвис, Хлевнюк,*1999. С. 97]. К октябрю 1934 г. были созданы важные предпосылки для отмены карточек. Значительно расширилась коммерческая торговля. Доход в бюджет от коммерческой торговли составил в 1934 г. 8,4 млрд руб. [*Финансы СССР между VI и VII съездами Советов,* 1935. С. 14]. Наблюдалось сближение коммерческих и рыночных цен. Объем товарооборота увеличился на 23,3%, уровень зарплаты рабочих и служащих увеличился на 12,6% [*Ваганов, Дугин*, 1935. С. 40].

22 октября 1934 г. Сталин в письме Л.М. Кагановичу писал, что в руках государства нужно иметь около 1,5 млрд пудов хлеба (около 24 млн т., «чтобы уничтожить в конце этого года карточную систему по хлебу, недавно ещё нужную и полезную, а теперь ставшую оковами для народного хозяйства». Генеральный секретарь ЦК выразил свое представление о предстоящей реформе следующим образом: «Надо уничтожить карточную систему

по хлебу (может быть также по крупам и макаронам) и связанное с ней «отоваривание» технических культур и некоторых продуктов животноводства (шерсть, кожа и т.п.). Путем снижения коммерческой цены и повышения пайковой цены наметим среднюю цену на печёный хлеб и муку, стабилизируемся на ней и будем её варьировать по поясам. Это вызовет необходимость повышения зарплаты, повышения цены на хлопок, лён, шерсть, кожу, табак и т.п.» [*Сталин и Каганович. Переписка,* 2001. С. 513]. Сталин считал эту реформу серьёзнейшей и предлагал провести её полностью с января 1935 г. Для обсуждения предложений Сталина Политбюро собиралось несколько раз. 28 октября 1933 г. было рассмотрено официально и соответствующим решением были поддержаны предложения Сталина по хлебозаготовкам и отмене к 1 января 1935 г. карточной системы на хлеб. Руководителям ряда ведомств, связанных с грядущей отменой карточек, — наркому внутренней торговли И.Я. Вейцеру, председателю правления Центросоюза И.А. Зеленскому, председателю Комитета заготовок И.М. Клейнеру, руководителю профсоюзов Н.М. Швернику, наркому финансов Г.Ф. Гринько и председателю Госплана В.И. Межлауку — были даны поручения разработать необходимые планы. Речь шла об определении единой цены на хлеб, согласовании вопроса о торговой сети и технике отмены карточной системы. В 1934 г. было закуплено хлеба в объеме 3,6 млн т. (220 млн пудов). В целом государство получило 26,2 млн т [*Сталин и Каганович. Переписка,* 2001. С. 410].

Отмена карточек была главной темой обсуждения на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. Накануне пленума Сталин встретился с Молотовым, Ждановым, Микояном, Вейцером, секретарем ВЦСПС Г.Д. Вейнбергом, Гринько и Межлауком [*На приеме* у *Сталина,* 2008. С. 140]. 25 ноября 1934 г. пленум ЦК ВКП(б) заслушал доклад Молотова об отмене карточной системы. Он подчеркнул, что проведение реформы обеспечено ресурсами и в первую очередь хлебом. По его мнению «пришло время освободиться от этой обузы и поставить дело по-новому». Молотов отметил, что «переход к повсеместной продаже хлеба обеспечит дальнейший подъем промышленности и сельского хозяйства» [*Советская деревня,* 2005. С. 320]. Сталин в речи по докладу Молотова заявил: «В чем смысл всей политики отмены карточной системы?.. Прежде всего в том, что мы хотим укрепить денежное хозяйство... вовсю развернуть товарооборот, заменив системой товарооборота нынешнюю политику механического распределения продуктов… Мы стали на почву товарооборота… Нам нужно развернуть вовсю товарооборот во всей своей хозяйственной деятельности, во всей своей сфере через денежное хозяйство». Он отметил, что «по части товарной смычки между городом и деревней, механическому, слепому, канцелярскому распределению, пайковому распределению продуктов кладётся конец» [*Советская деревня*, 2005. С. 321].

Местное партийное руководство на ноябрьском пленуме высказывало возражения против отмены карточной системы. Сталин встречал возражения резко и не без издёвок. На заявление секретаря Восточно-Сибирского крайкома М.О. Разумова о том, что рабочие после отмены карточек будут платить за хлеб в три раза дороже, он ответил фразой: «Рынок не считается с пайковой ценой» [*Осокина*, 2008. С. 236]. 25 декабря 1934 г. Политбюро одобрило проект резолюции Пленума ЦК по докладу Молотова об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам [*Российский государственный архив социально-политической истории*, Ф.17. Оп.3. Д. 955 Л. 6]. Политбюро поставило местное руководство в трудное положение, оставив на подготовку открытой торговли хлебом один месяц.

7 декабря 1934 г. было опубликовано постановление СНК об отмене с 1 января 1935 г. карточной системы снабжения населения хлебом, мукой и крупой [*Директивы КПСС,* 1957. С. 448]. В связи с этим «Известия» писали: «Отмена карточек на самые решающие предметы потребления означают поворот от нормированного распределения к системе развёрнутой советской торговли» [*Известия*, 1934. 8 декабря]. Сотрудник Госплана М.И. Боголепов считал, что закон 7 декабря 1934 г. по-новому перераспределил народный доход и установил новые ценностные отношения как между промышленностью и сельским

хозяйством, так и между отдельными отраслями народного хозяйства [*Боголепов*, 1935. С. 98]. Ликвидация нормированного снабжения хлебом, мукой и крупой позволила установить единую государственную розничную цену на каждый из этих продуктов. Единые розничные цены на указанные продукты были установлены приблизительно на среднем уровне между существующими коммерческими и нормированными ценами [*История социалистической экономики,* 1978. С. 430]. В то же время новые цены были ниже прежних коммерческих, но значительно выше тех цен, по которым ранее можно было купить хлеб, распределяемый по карточкам. Например, ржаной хлеб стоил теперь в среднем рубль за килограмм при прежней коммерческой цене 1 руб. 50 коп. и нормированной цене 50 коп. Значительно выросли цены на муку и крупу. Для того чтобы компенсировать возросшие расходы населения, правительство обещало увеличить заработную плату. Однако решение об увеличении цен вызвало недовольство в тех слоях населения, которые ранее получали значительную часть продуктов по карточкам, прежде всего у рабочих [*Советское руководство. Переписка,* 1999. С. 303].

Отмена карточек расценивалась пропагандистским аппаратом как неимоверная забота партии и правительства о благосостоянии трудящихся. Обещалось масштабное снижение цен в государственно-кооперативной торговле [*Народно-хозяйственный план на 1935 г.,* 1935. С. 44]. В декабре 1934 г. Москва стала свидетелем небывалого зрелища: по улицам прошли «колбасные марши», в ходе которых разные сорта «микояновской колбасы» несли, наравне с красными стягами, как символ социалистической зажиточности [*Общество и власть 1930-е годы,* 1998. С. 70]. Однако в результате отмены карточной системы оказались зафиксированными фактически сложившиеся различия цен между регионами. Покупательная сила рубля в разных регионах колебалась в широких пределах [*Бокарев,* 1994. С. 243].

Многие партийные и хозяйственные руководители, экономисты связывали отмену карточек с развёртыванием торговли и достижением стабилизации курса рубля. Так, Н.А. Вознесенский, занимавший в 1935 г. пост руководителя группы планирования и учета Комиссии советского контроля при СНК указывал, что «устойчивость советских денег повышается как в силу роста товарооборота (в связи с отменой карточек и ростом социалистического производства вообще), так и в связи с политикой систематического снижения цен» [*Вознесенский,* С. 294]. Аналогичные суждения высказывал Г.Ф. Гринько, который полагал, что отмена карточек упразднит множественность цен, что являлось затруднением для денежной системы. «Рубль крепнет, покупательная сила его растет у всех на глазах», — отмечал он [*Гринько,* 1935. С. 23].

В свою очередь, журнал «Плановое хозяйство» отмечал, что «развёртывание товарооборота, намеченное в значительных размерах снижение цен, резкое уменьшение нормирования и расширение свободной продажи товаров населению через государственные коммерческие магазины является мощным рычагом дальнейшего подъема материального благосостояния трудящихся масс и должно привести в 1935 г. к еще большему повышению роли денег во всем народном хозяйстве» [*Народное хозяйство СССР*, 1935. С. 15].

В письме Молотову в начале августа 1935 г. Сталин писал: «Насчёт полной отмены в этом году промышленных и продовольственных карточек ты, конечно, прав. Это дело надо довести до конца» [*Письма И.В. Сталина В.М. Молотову,* 1995. С. 252]. С 1 октября 1935 г. была отменена карточная система снабжения мясом и мясопродуктами, жирами, рыбой и рыбопродуктами, сахаром, картофелем и установлена продажа этих продуктов населению государственными и кооперативными магазинами по единым государственным ценам, дифференцированным по территориальным поясам. С 1 января 1936 г. было отменено нормирование непродовольственных товаров. По мнению Г.Ф. Гринько, «в 1936 г. мы вступили полностью расчищенной от всяких карточных ограничений сферой обращения товаров в городе и деревне [*Околотин*, С. 48].

После отмены карточной системы возросла покупательная способность рубля, увеличилась скорость его обращения. Так, если в 1932 г. количество денег в обращении на 100 руб. товарооборота составляло 16,4 руб., то в 1936 г. – уже только 9,7 руб. [*История Министерства финансов,* 2008. С. 190]. Заметно возросли доходы госбюджета: с 44,3 млрд руб. в 1933 г. до 126,9 млрд руб. в 1938 г. Значительно возросли и обороты Госбанка. В 1938 г. Госбанком было выдано ссуд на 475 млрд руб. [*Козлов,* 1939. С. 191]. Выступая на сессии ЦИК СССР в феврале 1935 г. Г.Ф. Гринько торжественно заявил, что советский рубль с честью выполнил свои обязательства перед социализмом [*Гринько,* 1937. С. 4].

Но и в этот период имела место финансовая напряженность, о чем свидетельствует рост цен, заставлявшая советское руководство искать пути активизации товарооборота. В письме председателя Правления Госбанка в СНК от 26 октября 1935 г. подчеркивалась необходимость проведения дополнительной денежной эмиссии, хотя только за октябрь 1935 г. эмиссия составила 533 млн руб. [*История Министерства финансов,* 2008. С. 190]. Ситуация осложнялась появлением на местах денежных суррогатов *[Российский государственный архив экономики. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 1015*]. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г. была усилена уголовная ответственность руководителей организаций и граждан за выпуск и распространение всякого рода денежных суррогатов и ценных бумаг [*Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР,* 1935. № 30. Ст. 234]. Постоянное финансовое напряжение обуславливалось политикой государства, которое извлекало доходы в бюджет, используя разрыв между оптовыми и розничными ценами на промышленную продукцию. Ситуация осложнялась внутриведомственной борьбой. Наркомат внутренней торговли, стремясь увеличить товарооборот, предлагал снижение коммерческих цен. Напротив, Госплан и Наркомат финансов, опасаясь уменьшения доходов, выступали за иные меры ускорения товарооборота. С 1938 г. наблюдается рост денежной массы в обращении, что было связано с возросшими затратами государства на производство военной техники.

Таким образом, карточная система была вынужденной, но необходимой мерой. В условиях начавшейся индустриализации правительство не могло обеспечить централизованное снабжение в заявленных размерах. Вместе с тем карточная система содержала определённые недостатки, выразившиеся в ухудшении качества обслуживания потребителей, замораживании товарооборота, росте управленческого аппарата, занятого выдачей и учетом карточек. По официальным данным, в аппарате карточной системы было занято более 20 тыс. человек и его содержание составляло более 300 млн рублей в год [*Осокина*, 2008. С. 231]. Карточная система служила в значительной степени формой механического распределения продуктов питания и промышленных товаров. Она сдерживала стимулы денежной зарплаты в процессе повышения производительности труда. В результате роста промышленности во второй пятилетке государство получило возможность направить на рынок необходимое количество товаров, удовлетворяющее потребности населения.

В 1934 г. правительство резко повысило цены на хлеб и другие продовольственные товары, а также промтовары. Был увеличен объем хлебозаготовок. Это дало возможность в начале 1935 г. отменить карточки на потребительские товары. Упразднение карточной системы явилось результатом значительного роста товарной продукции, производимой промышленностью, и увеличения на этой основе оборотов торговли. Отмена карточек оказывала огромное воздействие на экономику и повседневную жизнь страны, привела к значительному росту цен и трансформации их структуры, повлияла на налоговую систему, изменила бюджеты и потребительские привычки многих семей. Вместе с тем экономические нововведения могли дать определенный результат только при относительном смягчении репрессивной политики.

В экономической системе России первой половины 1930-х гг. наблюдалось развитие двух тенденций. С одной стороны, преобладало усиление административной системы.

С другой — имели место попытки сохранить элементы рынка (колхозный рынок, коммерческая торговля). Между данными тенденциями существовало весьма сложное взаимодействие. Отмена нормирования товаров помогала решить проблему сбалансирования рынка и финансовой системы. Несколько повысился жизненный уровень населения. Ликвидация карточной системы, развитие торговли и товарооборота, укрепление рубля явились экономическими рычагами, направленными на поддержание определённого баланса между рынком и планом в условиях второй пятилетки. Несмотря на приоритет развития тяжёлой индустрии, вторая пятилетка характеризовалась переходом к большему реализму в экономической политике, принятием более умеренных показателей развития народного хозяйства. Элементы свободной торговли (с сохранением товарного дефицита) и политика сохранения устойчивости рубля просуществовали до 1938 г., когда увеличились затраты на содержание армии в связи со сложной внешнеполитической обстановкой.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас М. (1957). Развитие государственного банка СССР. М.: Госфиниздат.

Боголепов М. (1935). Финансы на перевале второй пятилетки // Плановое хозяйство. № 4. С. 94–105.

Бокарев Ю.П. (1994). Денежная реформа 20-х годов и её последствия // Русский рубль. Два века истории XIX–XX вв.: Сб. статей. М.: Прогресс-Академия.

Ваганов А., Дугин И. (1935). Уровень благосостояния рабочих Москвы (По данным бюджетных записей) // План. № 20. С. 40–42.

Вознесенский Н.А. (1979). Избранные произведения. М.: Политиздат.

Гринько Г.Ф. (1935). Ликвидация карточек и укрепление рубля. М.: Госфиниздат.

Гринько Г.Ф. (1937). Финансовая программа СССР на 1935 год. М.: Леноблиздат.

Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. (1957). М.: Политиздат.

Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. (1994). Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. № 3. С. 92–108.

Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. (1999). Отмена карточной системы в СССР (1934—1935 годы) // Отечественная история. № 5. С. 87–108.

История Министерства финансов России. (2002). В 4 т. Т. 3. М.: ИНФРА-М.

История социалистической экономики. (1978). В 7 т. Т. 4. М.: Наука.

Козлов Г.А. (1939). Советские деньги. М.–Л.: Госфиниздат.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). (1984). Т. 5. М.: Политиздат.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). (1985). Т. 6. М.: Политиздат.

Куйбышев В.В. (1988). Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М.: Политиздат.

На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). (2008). М.: Новый хронограф.

Народное хозяйство СССР в третьем году пятилетки (1935) // Плановое хозяйство. № 2. С. 3–20.

Общество и власть, 1930-е годы. Повествование в документах. (1998). М.: РОССПЭН.

Околотин В.С. (2015). Обоснование перехода от планового продуктообмена к «свободной» государственной торговле в исследованиях научной интеллигенции (1933–1936) // Интеллигенция и мир. № 4. С. 39–53.

Осокина Е.А. (2008). За «фасадом сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. (1995). М.: Россия молодая.

По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып.10. (2010). М.: Центральный Банк Российской Федерации.

XVII съезде ВКП (б). Стенографический отчет. (1934). М.: Партиздат.

Смушков В. (1934). Отмена карточной системы и задачи советской торговли // Плановое хозяйство. С. 53–63.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы в 4-х т. (2005). Т. 3. М.: РОССПЭН.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941. (1999). М.: РОССПЭН.

Соколов А.К. (2012). От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917 — июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф.

Сталин И.В. (1952). Вопросы ленинизма. М.: Политиздат.

Сталин и Каганович. (2001). Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН.
Стенограммы заседания Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1923–1938 гг. (2007). Т. 3. М.: РОССПЭН.
Финансы СССР между VI и VII съездами Советов (1931–1934). (1935). М.: Госфиниздат.

Соколов Александр Станиславович
falcon140770@yandex.ru

Aleksandr Sokolov
Dr. Sci. in History, Head of the department of History, philosophy and law, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin (Ryazan)
falcon140770@yandex.ru

BETWEEN CARDS AND SOCIALIST COMMODITY TURNOVER: SECOND SOVIET FIVE YEARS

Abstract. The article presents an analysis of the measures aimed at the abolition of the card system in the USSR during the second five-year plan. The mechanism of decision-making and their implementation on this issue by the party-state-economic apparatus is considered. The article examines the relationship between the transition to expanded trade and the state of the country's monetary circulation. It is emphasized that the difficult economic situation was complicated by the internal struggle between the State Planning Committee, the People's Commissariat of Internal Affairs and the People's Commissariat of Finance, which offered different ways out of the economic crisis. The People's Commissariat of Internal Affairs proposed to reduce commercial prices, the State Planning Committee advocated high rates of economic policy. In turn, the People's Commissariat of Finance insisted on curbing the issue. The rationed supply worsened the situation with the budget deficit. The card system restrained the pace of trade development. The main source of replenishment of the budget was the issue financing. Attention is drawn to the fact that as a result of the elimination of the cards, a vigorous expansion of trade turnover and the development of the monetary economy began, which led to the strengthening of the ruble

Key words: *industrialization, card system, commodity turnover, commercial prices, finance.*
JEL Classification: B24, N14, N24, N44.

REFERENCES

Atlas M. (1957). *Razvitiye gosudarstvennogo banka SSSR* [Development of the State Bank of the USSR]. M.: Gosfinizdat. (In Russ.)

Bogolepov M. (1935). Finansy na perevale vtoroy pyatiletki [Finance at the Pass of the Second Five-Year Plan] // *Planned economy*. № 4. Pp. 94–105. (In Russ.)

Bokarev YU.P. (1994). *Denezhnaya reforma 20-kh godov i yeye posledstviya* [Monetary reform of the 1920s and its consequences] // Russkiy rubl'. Dva veka istorii XIX–XX vv.: Sbornik statey. M.: Progress-Akademiya. (In Russ.)

Vaganov A., Dugin I. (1935). Uroven' blagosostoyaniya rabochikh Moskvy (Po dannym byudzhetnykh zapisey) [The level of well-being of workers in Moscow (according to budget records)] // *Plan*. № 20. S. 40–42. (In Russ.)

Voznesenskiy N.A. (1979). *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. M.: Politizdat.

Grin'ko G.F. (1935). *Likvidatsiya kartochek i ukrepleniye rublya* [Elimination of cards and strengthening of the ruble]. M.: Gosfinizdat. (In Russ.)

Grin'ko G.F. (1937). *Finansovaya programma SSSR na 1935 god* [The financial program of the USSR for 1935]. M.: Lenoblizdat. (In Russ.)

Direktivy KPSS i sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: Sbornik dokumentov. (1957). [Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues: Collection of documents.] M.: Politizdat. (In Russ.)

Devis R.U., Khlevnyuk O.V. (1999). Vtoraya pyatiletka: mexanizm smeny` e`konomicheskoj politiki [The second five-year plan: the mechanism for changing economic policy] // *Domestic history.* No. 3. Pp. 92–108.

Devis R.U., Khlevnyuk O.V. (1999). Otmena kartochnoy sistemy v SSSR (1934—1935 gody) [Abolition of the card system in the USSR (1934–1935 years)] // *Domestic history*. No. 5. Pp. 87–108.

Istoriya Ministerstva finansov Rossii. (2002). V 4 t. T. 3. [History of the Ministry of Finance of Russia. (2002). In 4 volumes. Vol. 3]. M.: INFRA-M. (In Russ.)

Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki (1978). V 7 t. T.4. [The history of the socialist economy. In 7 volumes.Vol. 4]. M.: Nauka. (In Russ.)

Kozlov G.A. (1939). *Sovetskiye den'gi* [Soviet money]. M.–L.: Gosfinizdat. (In Russ.)

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i Plenumov TSK (1898–1988). (1984). T.5 [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1988). Vol.5]. M.: Politizdat. (In Russ.)

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i Plenumov TSK (1898–1988). (1985). T. 6 [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). Vol. 6]. M.: Politizdat. (In Russ.)

Kuybyshev V.V. (1988). *Izbrannyye proizvedeniya v 2-kh t.* T.2 [Selected works in 2 volumes. Vol. 2]. M.: Politizdat (In Russ.)

Na priyeme u Stalina: Tetradi (zhurnaly) zapisey lits, prinyatykh I.V. Stalinym (1924–1953 gg.). (2008). [At Stalin's reception. Notebooks (journals) of records of persons taken by I.V. Stalin (1924–1953]. M.: Novyy khronograf. (In Russ.)

Narodnoye khozyaystvo SSSR v tret'yem godu pyatiletki. (1935) [The national economy of the USSR in the third year of the five-year plan] // Planned economy. No. 2. Pp. 3–20.

Obshchestvo i vlast', 1930-ye gody: Povestvovaniye v dokumentakh. (1998). [Society and Power, 1930s. Narration in documents]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)

Okolotin V.S. (2015). Obosnovaniye perekhoda ot planovogo produktoobmena k «svobodnoy» gosudarstvennoy torgovle v issledovaniyakh nauchnoy intelligentsii (1933–1936) [Justification of the transition from planned product exchange to "free" state trade in the research of the scientific intelligentsia (1933–1936)] // *Intelligentsia and the world*. No. 4. Pp. 39–53.

Osokina Ye.A. (2008). *Za «fasadom stalinskogo izobiliya»: Raspredeleniye i rynok v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the "façade of Stalin's abundance": Distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization. 1927–1941]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)

Pis'ma I.V. Stalina V.M. Molotovu. 1925–1936. (1995). [Letters from I.V. Stalin V.M. Molotov. 1925–1936]. M.: Rossiya molodaya. (In Russ.)

Po stranitsam arkhivnykh fondov Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii. Vyp. 10. (2010). [Through the pages of the archival funds of the Central Bank of the Russian Federation. Issue 10]. M.: Tsentral'nyy Bank Rossiyskoy Federatsii. (In Russ.)

XVII s"yezd VKP (b). Stenograficheskiy otchet. (1934). [XVII Congress of the CPSU (b). Verbatim record] M.: Partizdat. (In Russ.)

Smushkov V. (1934). Otmena kartochnoy sistemy i zadachi sovetskoy torgovli [Cancellation of the card system and the tasks of Soviet trade] // *Planning economy*. Pp. 53–63. (In Russ.)

Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939: Dokumenty i materialy v 4-kh t. (2005). T.3. [Soviet village through the eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and materials in 4 volumes. Vol. 3]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)

Sovetskoye rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941. (1999). [Soviet leadership. Correspondence. 1928–1941]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)

Sokolov A.K. (2012). *Ot voyenproma k VPK: sovetskaya voyennaya promyshlennost' 1917 — iyun' 1941 gg.* [From the military industry to the military-industrial complex: the Soviet military industry 1917 — June 1941]. M.: Novyy khronograf. (In Russ.)

Stalin I.V. (1952). *Voprosy leninizma*. [Questions of Leninism]. M.: Politizdat. (In Russ.)

Stalin i Kaganovich. (2001). Perepiska. 1931–1936 gg. [Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)

Stenogrammy zasedaniya Politbyuro TSK RKP(b)-VKP(b). 1923–1938 gg. (2007). T.3. [Transcripts of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) — VKP (b). 1923–1938 (2007). Vol. 3]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)

Finansy SSSR mezhdu VI i VII s"yezdami Sovetov (1931–1934). (1935). [Finances of the USSR between the VI and VII Congresses of Soviets (1931–1934)]. M.: Gosfinizdat. (In Russ.)

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В.В. Арсланов
PhD (History), старший научный сотрудник,
Институт экономики РАН (Москва)

«ПРИ ПРОЧИХ РАВНЫХ»: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ (МЕЗ)АЛЬЯНСА ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ В КНИГЕ ТОМА БЕРГИНА „FREE LUNCH THINKING: HOW ECONOMICS RUINS THE ECONOMY"

Аннотация. В статье рассматривается новая книга британского журналиста Тома Бергина о современной экономической науке в контексте экономической политики западных стран. В центре внимания — роль неоклассической школы в формировании представлений политиков об эффективном вмешательстве государства в экономику и принятии решений в области налогообложения, промышленной политики и регулировании рынка труда. Автор объясняет доминирование экономики, ориентированной на предложение, политическими изменениями, связанными с рецессией 1970-х гг., а также обсуждает ряд примеров несоответствия между прогнозами и реальными эффектами экономической политики и утверждает, что эти просчёты обусловлены принципами неоклассической теории.

Ключевые слова: *экономическая политика, снижение налогов, экономика предложения, дерегуляция, рынок труда, инвестиции, экстерналии.*
JEL: B13, B23, C53, D01, D40, H21, H23, H24, H30, L51, N12, N14.
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_111_119.

В январе 2020 г. на Давосском форуме состоялась заочная полемика двух во всем не схожих людей, которые так и не познакомились лично. Министр финансов США и один из ближайших соратников Дональда Трампа Стивен Мнучин высокомерно посоветовал шведской экоактивистке Грете Тунберг, критиковавшей администрацию Трампа за выход из Парижского соглашения по климату, пройти университетский курс экономики, прежде чем участвовать в дебатах с политиками и предпринимателями[1]. Не прошло и года, а Мнучин, уже бывший министр финансов, мог в прямом эфире наблюдать, как Джо Байден подписывает указ о возвращении США в Парижское соглашение. Грета Тунберг ещё не закончила школу, но совет Мнучина вряд ли повлияет на её выбор специализации в университете [*Bergin,* 2021. P. 286][2].

За тридцать один год до упомянутого эпизода один абитуриент Университетского колледжа Дублина решил изучить экономическую науку, чтобы разобраться, как функционирует экономика. Закончив университет, он отправился на собеседование в крупную частную компанию, надеясь с пользой для себя и фирмы применить полученные знания. Однако на владельца компании не произвела впечатления теоретическая подкованность молодого человека, и на работу дипломированного экономиста не взяли. Неудачливого соискателя звали Том Бергин. Ныне он корреспондент агентства Рейтер, известный журналист, лауреат престижных премий. В новой книге, вышедшей в начале 2021 г. под названием „Free Lunch Thinking: How Economics Ruins the Economy" («Бесплатный завтрак в головах. Как экономическая наука разрушает экономику»), Бергин обличает гордыню академиче-

[1] www.nytimes.com/2020/01/23/climate/greta-thunberg-steve-mnuchin.html.
[2] Далее при цитировании книги в круглых скобках указываются только страницы издания.

ских экономистов, а также насмешливо пишет о людях, которые получали зарплату, чтобы объяснять дублинским студентам экономику, но лишь запутывали их абстрактными формальными моделями и не имеющими отношения к реальности графиками (P. 11; P. 155).

Помимо сугубо личных причин сомневаться в практической пользе экономических теорий у Бергина есть более конкретная претензия к экономистам — то, что многие из них выступают в роли адвокатов вредной, с его точки зрения, идеи налогового минимализма. Несколько лет назад, исследуя по заданию Рейтер проблему уклонения крупных корпораций от уплаты налогов, Бергин заинтересовался причинами поразительного упорства, с которым политики ряда западных стран на протяжении десятилетий отстаивают идею нежелательности повышения налогов, в особенности налогов на прибыль корпораций. В какой-то момент он понял, что в своей вере в губительность налогов для экономики политики опираются на мнение учёных-экономистов. По признанию Бергина, факт мощного влияния доктрины минимизации налогов на политическую риторику и практику стал для него откровением. Когда бывший секретарь британского казначейства Дэвид Гок сказал ему в интервью, что среди экономистов бытует мнение, будто налоги на прибыль компаний уменьшают желание предпринимателей инвестировать в бизнес, журналист счел это утверждение «сомнительным трюизмом» (Pp. 12–13). Сам он, в результате наблюдений за деятельностью корпораций, пришел к убеждению в обратном. Изначально Бергин замышлял книгу о взглядах экономистов на налогообложение (P. 288), но в итоге охватил ряд других стереотипных представлений, относящихся к рынку труда, здравоохранению, государственному регулированию, которые объединены парадигмой неоклассической экономики.

Уже по названию человек, знакомый с современной экономической наукой, может заподозрить автора в предвзятости к её представителям. Бергин действительно то и дело употребляет слова «ортодоксия» и «экономическая теория» как синонимы, не приводя примеров «неортодоксальных» направлений, о самом существовании которых читатель может догадаться лишь по разрозненным ремаркам. При этом кульминация каждой из восьми глав, над которыми витает призрак отца-основателя неоклассической теории Альфреда Маршалла, достигается путем развенчания одного за другим влиятельных в экономическом сообществе «мифов[3] на основе эмпирических исследований *других* экономистов, чья академическая родословная, к сожалению, остается за рамками книги. Тем более что интеллектуальную биографию своих протагонистов, демиургов современного мейнстрима, Бергин освещает, как правило, подробно. Между тем само существование *других* исследований противоречит нелестной авторской характеристике современной экономической науки как домена неоклассической теории. Поэтому правомерен вопрос, как, в принципе, в условиях интеллектуальной монополии возможно появление и распространение альтернативных мнений.

Из картины, предложенной Бергином, можно понять, что безраздельное господство неоклассики, точнее одного из её вариантов — экономики, ориентированной на предложение („supply-side economics“), существовало не всегда. Эта научная школа начала вытеснять другие экономические теории в 70–80-е гг. прошлого века, когда политики на фоне стагфляции и других затянувшихся трудностей стали внимательнее прислушиваться к экономистам, которые утверждали, что понимают, как работают рынки. Таким образом, автор косвенно признает, что, во-первых, всего несколько десятилетий тому назад было бы неверным сводить всю экономическую науку к рыночному фундаментализму и, во-вторых, для возвышения «ортодоксии» существовали конкретные исторические причины. В первой главе Бергин цитирует Грегори Мэнкью, который в своем популярном учебнике микроэкономики, вышедшем в 1997 г., высмеял постулаты экономики, ориентированной

[3] Так, один раздел называется «The myths of tax responsiveness».

на предложение, назвав её «экономикой фантазии» («fad economics») — словосочетанием, которое Бергин вынес в заголовок соответствующего раздела главы о кривой Лаффера (P. 40). Получается, что и после победы нового учения его господство не было абсолютным.

Но, пожалуй, самое заметное противоречие в отождествлении экономической науки и апологетики рынка и свободной конкуренции можно найти в главе 7 «Расхождение между Пигу и Коузом: Вредно ли регулирование для экономики?», где Бергин противопоставляет ученика Маршалла Артура Пигу отцу классической экономической теории Адаму Смиту. Согласно Бергину, в отличие от Смита, отвергавшего идею государственного регулирования, Пигу вслед за Маршаллом, признававшим существование отрицательных эффектов рынка — экстерналий, доказывал необходимость вмешательства государства для коррекции «провалов рынка» в интересах общества (Pp. 226–228). Но как тогда увязать тот факт, что ученик и преемник Маршалла на кафедре политической экономии Кембриджского университета выступал за государственное регулирование, с утверждением о преемственности между Смитом, Маршаллом и Чикагской школой — форпостом экономики, основанной на предложении: «Ядро их [экономистов Чикагской школы. — *В.А.*] мышления было тем же, что у Адама Смита и его интеллектуальных потомков из неоклассической школы» («At its core, this thinking was that of Adam Smith and his intellectual descendants of the Neoclassical school») (P. 43)? Бергин, по-видимому, не замечает, что в его изложении интеллектуальная эволюция Рональда Коуза не укладывается в схему линейного развития экономики «от Смита до Фридмана» (Pp. 229–235). Воспоминание Джорджа Стиглера о знакомстве «чикагцев» с Коузом, которое приводит Бергин, свидетельствует о более сложном процессе трансформации экономики и дает основание для иной интерпретации генезиса современного мейнстрима, чем та, на которой настаивает Бергин. В начале беседы, по словам Стиглера, американцы восприняли аргументы английского апологета свободного рынка весьма скептично. Но после двухчасовой дискуссии расклад голосов изменился с 20 против и 1 за Коуза на 21 за Коуза (P. 231).

Бергин подчеркивает, что в превращении Коуза из социалиста в либерала-рыночника решающую роль сыграл его наставник в Лондонской школе экономики (ЛШЭ) Лионель Роббинс, который был «critical of some of Alfred Marshall's work […] particularly critical of Marshall's former student John Maynard Keynes» («критически настроен по отношению к некоторым работам Альфреда Маршалла [и…] особенно критически к бывшему ученику Маршалла Джону Мейнарду Кейнсу») (P. 229). Это неприятие Кейнса и Кембриджской школы Роббинсом выразилось в приглашении им на постоянную должность в ЛШЭ Фридриха Хайека, с которым Коуз вскоре подружился. Примечательно, что фигуры двух знаменитых антагонистов, оказавших мощное влияние и на теорию, и на экономическую политику XX в. — Кейнса и Хайека — появляются лишь к концу книги, и то на втором плане. Бергин не задаётся вопросом, насколько велико значение их интеллектуального наследия, возможно потому, что этот вопрос повлек бы за собой ещё более сложный — о роли экономистов Австрийской школы в интерпретации идей Смита и Маршалла. В любом случае, по главе о Пигу и Коузе видно, что эволюция англоязычной экономики XX в. была сложнее, чем простое поступательное движение от Маршалла до Чикагской школы.

Для названия своей книги Бергин использовал известный афоризм Милтона Фридмана, что в экономике не бывает бесплатных завтраков, и поставил это утверждение, по сути, в центр своих размышлений, придя к выводу, что мнение Фридмана отнюдь не стало общепринятым. Современная экономическая наука, пишет Бергин, «may disparage the concept of free lunches, yet, today, one often gets a sense from key economists and policymakers that a free lunch isn't that far away. Economics aims to show how we can generate growth by identifying more efficient ways of organising society, thereby making us richer and, hopefully, happier, with the least amount of sacrifice on our part. Such a utopia is achievable, economists believe, because they understand the mechanisms that drive everything from business investment

and production decisions to consumer purchase choices, to individual attitudes to savings» («может пренебрежительно относиться к идее бесплатных завтраков, однако сейчас часто может казаться, что, с точки зрения ведущих экономистов и находящихся у власти политиков, до бесплатных завтраков не так уж и далеко. Экономическая наука стремится показать, как увеличивать темпы роста, используя более эффективные способы организации общества, чтобы мы богатели и, хочется надеяться, становились счастливее при наименьших затратах с нашей стороны. Экономисты верят, что эта утопия достижима, потому что понимают механизмы самых разнообразных явлений, от инвестиций в бизнес и решений в сфере производства до предпочтений потребителей и отношения частных лиц к своим сбережениям») (P. 3).

Иллюзия возможности бесплатных завтраков исходит, по сути, из веры её сторонников в силу знания. Постигнув, как работают рыночные механизмы, считают они, можно практически даром, без особых затрат и издержек, стимулировать экономический рост и сделать любое общество богаче и благополучнее. Если бы это было так, политикам следовало бы не вкладывать миллиарды в стратегии развития и программы модернизации промышленности, а просто довериться учёным, владеющим бесценным секретом умножения народного богатства. Экономисты-теоретики в отличие от рядовых граждан или представителей других научных дисциплин знают — либо думают, что знают, — как люди реагируют на стимулы. Уверенность в способности прогнозировать человеческое поведение позволяет им преподносить рекомендации по экономической политике как результаты вычислений, сделанных с помощью формальных моделей, которые, в свою очередь, основаны на законе эластичности кривых спроса и предложения — экономическом аналоге закона всемирного тяготения.

При чтении рассуждений Бергина о вере экономистов в точность их моделей на ум порой приходят параллели с астрологами. Принципиальная разница состоит в том, что для экономистов определяющий поведение фактор находится не вне, а внутри человека: согласно экономистам неоклассической школы, поведение человека предсказуемо, потому что оно рационально (P. 159). Джордж Стиглер приравнивал рациональность индивида к эффективности его действий, отмечая, что «экономический агент знает свою среду и вероятные последствия своих действий лучше, чем внешний наблюдатель, каким бы умным он ни был» [*Stigler,* 1982. P. 16]. Собственно, это предположение, которое Стиглер назвал «чикагским кредо», и представляет собой ядро экономической науки, а приверженность ему объясняет, по мнению Бергина, многочисленные заблуждения и предубеждения, которые он разбирает в своей книге (P. 33).

Пример такого заблуждения — популярное представление об отрицательном влиянии налогов на рост инвестиций. Как выразился экономический советник Трампа и один из идеологов его налоговой реформы Кевин Хассетт, налог на прибыль компаний — экономический эквивалент кандалов (P. 247). С точки зрения неоклассической экономики готовность инвестировать прямо зависит от ожидаемой доходности вложений, которая, в свою очередь, определяется пороговой ставкой доходности. Снижение налогов увеличивает доходность будущих инвестиций и, соответственно, вероятность инвестирования в экономику в целом. Новые инвестиции с лихвой компенсируют потери государственного бюджета от уменьшения налоговых поступлений и приведут к ускорению экономического роста и росту занятости (P. 265). Увеличение налогов, напротив, снизит доходность инвестиций, уменьшит желание инвестировать в бизнес-проекты, и экономический рост замедлится. Этот простой механизм основан на трактовке рационального поведения как *реакции на ценовые сигналы*: чем дороже продукт (которым может быть и инвестиция), тем меньше готовность за него платить. Так, повышение налогов на бензин снижает (в теории) потребительский спрос на неэкологичные автомобили, тем самым стимулируя производ-

ство экологичных (P. 209)[4]. Важная особенность этого принципа неоклассической экономики — его универсальность, позволяющая строить прогнозы относительно эффектов тех или иных решений, не принимая в расчёт социально-политический контекст. Достоинство таких прогнозов состоит в том, что они легко проверяются макроэкономическими данными. За примерами далеко ходить не надо: когда в 2015 г. Великобритания снизила налог на прибыль корпораций до 20%, темп роста её ВВП составлял 2,4%, а в следующие четыре года, вопреки прогнозам[5], не поднимался выше 1,9%, пока в 2020 г. под давлением коронавирусного кризиса не попал в зону отрицательных величин[6]. В марте 2021 г. правительство Бориса Джонсона нарушило священную для тори со времен Маргарет Тэтчер заповедь не повышать налоги и приняло решение поднять с апреля 2023 г. ставку корпоративного налога с 19% до 25%[7]. Как отмечают аналитики, консерваторы могли отреагировать на кризис традиционным для них способом, сократив государственные расходы и ещё больше снизив налоги. Но в тот раз они решили отступить от экономической ортодоксии[8]. Статистика по росту ВВП подсказывает, что причина разворота в бюджетной политике не только в пандемии. У политиков есть основания полагать, что предприятия и инвесторы могут повести себя не так, как предсказывают экономисты, и не отреагировать на стимулы «рационально». Ведь сходные прогнозы не подтвердились и в других развитых странах, например во Франции[9] и в США.

Бергин обращает внимание на то, что экономисты любят сравнивать свою науку с физикой и преподносят математические модели как гарантию объективности своих оценок и предсказаний. «Самые лучшие и талантливые экономисты исходят в своей работе из того, что экономика — это физика общества», — цитирует Бергин Роберта Солоу (P. 10). И подчеркивает, что в экономике, в отличие от физики, невозможно гарантировать чистоту эксперимента и проверить теорию с соблюдением всех начальных условий в каждом опыте (P. 15). Поэтому решающим тестом экономических теорий должны быть статистические данные. Собственно, это признают и сами сторонники «ортодоксии», когда, например, критикуют кейнсианские модели как противоречащие эмпирическим данным. Однако регулярные отклонения реальных показателей от прогнозов для экономистов, как выясняется, — ещё недостаточно веская причина, чтобы отказаться от теории. В её защиту они могут сказать, что несовершенна только конкретная модель или в какой-то из параметров закралась ошибка. Но для науки, претендующей на точность утверждений, сопоставимую с законами физики, подобные объяснения не выглядят убедительными, и потому экономистам не стоить сетовать на журналистов, которые считают научность экономики химерой[10]. Характеристика экономики как дисциплины, основанной на вере[11], бьет по самооценке экономистов, ведь исходным импульсом современной англоязычной экономической теории было явное желание её публичного признания в качестве строгой науки и скрытое стремление стать главной общественной наукой.

---

[4] Согласно приводимым Бергином данным, на практике дело обстоит иначе.

[5] www.businesstimes.com.sg/government-economy/uk-growth-forecasts-cut-as-osborne-lowers-corporation-tax.

[6] www.statista.com/statistics/263613/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-the-united-kingdom.

[7] www.cnbc.com/2021/03/03/uk-hikes-corporation-tax-to-25percent-as-pandemic-supports-hits-407-billion.html. В 2017 г. налог на прибыль был снижен до 19%.

[8] *Wolf M.* Rishi Sunak takes an axe to Thatcher's low-tax ideology // Financial Times. 6.3.2021. www.ft.com/content/35e66e37-7635-4a17-8b14-6d41ebb4f6c4.

[9] www.reuters.com/article/france-tax-idUSL5N26M3SG.

[10] Сомнительность многих экономических моделей критикуют, впрочем, и сами экономисты: так, Пол Ромер обвиняет мейнстрим в мошенничестве посредством манипулирования моделями (P. 281).

[11] „Economics, essentially a faith-based discipline, represented itself as a hard science. The real world was reduced by the 1990s to a set of complex mathematical equations that no one, least of all democratically elected politicians, dared challenge." (Stephens Ph. Why economists kept getting the policies wrong // Financial Times, 18.02.2021. www.ft.com/content/a7229df1-5260-4104-a89c-fb4a77271310.

Здесь снова полезен экскурс в историю. Рассматривая другой «миф» экономической теории — о негативном влиянии повышения минимальной заработной платы на занятость, Бергин отмечает, что в конце XIX в. в работе Комиссии по потогонным ремеслам (низкооплачиваемому физическому труду)[12] при Палате лордов не принимал участие *ни один* экономист. Отсутствие специалистов по экономике среди консультантов комиссии, продолжает он, объяснялось, вероятно, тем, что в конце XIX в. политическая экономия ещё не сформировалась как особая дисциплина, отличная от философии, и к авторам трудов по политической экономии редко обращались с практическими вопросами (p. 152). Это не совсем так, поскольку в английских университетах к тому времени уже существовали кафедры политической экономии, читались курсы лекций и выпускались учебные пособия по экономике. Кроме того, существовал Политико-экономический клуб. То есть уже были люди, занимавшиеся политической экономией профессионально, но ещё не было факультетов и учебных программ, рассчитанных на подготовку специалистов по этой дисциплине. Причина неучастия экономистов в работе комиссии, как представляется, была не в том, что английская политэкономия ещё не обособилась от философии, а в том, что ей не хватало символического капитала — общественного признания и авторитета, влияния на умы, достаточного, чтобы политики и законодатели могли в своих доводах ссылаться на мнение профессиональных экономистов. В этой связи примечательны слова пятого президента Американской экономической ассоциации Артура Хэдли, который в своем обращении к коллегам в 1899 г. заявлял, что «влияние в общественной жизни — самое важное применение наших научных занятий» (“influence in public life […] is the most important application of our studies”, цит. по: [*Leonard,* 2015. P. 52]). В конце XIX в. экономисты не обладали таким влиянием и, соответственно, значительным политическим весом. По-видимому, осознание рядом учёных этого досадного факта стало одним из импульсов «перезапуска» английской политэкономии в начале 1890-х гг. именно как новой науки (economics), ориентированной на методы точных дисциплин, главным образом, на математический анализ в отличие от «эссеистской» (по выражению Маршалла) классической политэкономии XIX в.

Ситуация кардинально изменилась к 1977 г., когда президент США Джимми Картер создал независимую экспертную комиссию по изучению вопроса о минимальном размере оплаты труда, которая состояла из академических экономистов (P. 156; по подсчётам Бергина, комиссия обошлась американскому бюджету в 50 млн долларов в пересчёте на цены 2020 г.). На сей раз люди, «who claimed to understand how markets worked» («утверждавшие, что понимают, как работают рынки») (P. 156), смогли оказать прямое влияние на принятие политических решений. Бергин констатирует, что примерно с того времени в политическом дискурсе западных стран установился консенсус по ряду некогда спорных тезисов: рынки эффективны в распределении ресурсов; реакции людей на определенные экономические сигналы последовательны и предсказуемы; государство, как правило, плохо справляется с исправлением провалов рынка (P. 10). „The result over the past four decades has been remarkable unanimity — in the West, at least — on such policy issues as deregulation, tax cuts for businesses and a weakening of trade unions. These policies have been followed not just by the political right […] but also by parties on the left of the political centre.” («В результате установилось, — по крайней мере, на Западе, — удивительное согласие по таким вопросам, как дерегуляция, снижение налогов на предприятия и ослабление профсоюзов. В позициях по этим вопросам были едины не только правые, но и левые партии») (P. 10).

Ничего особо оригинального в этом наблюдении нет, но книга Бергина заслуживает внимания исследователей экономических учений обсуждением каналов и механизмов «нормализации» идей определенной школы, которые прочно укрепились в общественном мнении в качестве прописных истин. «Измерить» влияние этих идей на предпочте-

[12] warwick.ac.uk/services/library/mrc/archives_online/digital/tradeboard/sweated.

ния избирателей крайне сложно. Тем не менее у политиков вошло в обычай подкреплять подобные суждения ссылкой на консенсус или хотя бы на мнение большинства экспертов. Это свидетельствует об успешном внедрении экономического мейнстрима в общественные дискуссии. Подпали политики западных стран под чары либеральных экономистов, суливших простое и практически «бесплатное» решение проблем замедления роста и увеличения безработицы, или движение политиков и экономистов было встречным? Кроме стагфляции, обусловленной, по мнению Бергина, скачком цен на нефть, политиков беспокоил уровень производительности труда. Идея прямой связи между низкими налогами и высокой производительностью, отмечает он, и до кризиса 1973 г. не была чужда западным политикам (P. 56), но благодаря таким экономистам, как Роберт Манделл и Артур Лаффер, этот экономический аналог образа вечного двигателя обрел теоретическое обоснование. Из расчётов Лаффера вытекало, что при снижении налогов у работников появится стимул трудиться больше, так как их чистый потенциальный доход будет расти. Вопрос, однако, состоит в том, как понять, что люди стали трудиться больше. Надо, предложил Лаффер, изучить динамику доходов, потому что количество отработанных часов отражается на зарплате. Несмотря на то, что ещё в 1978 г. экономисты критиковали эту гипотезу как не имеющую эмпирического обоснования (P. 65), Лаффер заручился доверием Рональда Рейгана и разработал акт 1981 г. о снижении налогов. После того как многочисленные исследования показали, что увеличение дохода далеко не всегда коррелирует с рабочим временем, что снижение налогов увеличивает социальное неравенство, но отнюдь не всегда стимулирует производительность и что повышение налогов не приводит к тому, что люди расслабляются, теория Лаффера утратила поддержку научного сообщества. Индивиды, возможно, и рациональны, но их мотивы не столь просты, как предсказывают экономические модели. «The problem is, though, — пишет Бергин, — that claims of a miraculous, welfare-enhancing discovery [...] invariably attract greater attention than those which offer no easy solutions. For this reason, the constant drip-drip over the past few decades of papers that have echoed the basic supply-sider argument have left their mark on the public consciousness» («Проблема, однако, состоит в том, что заявления о чудесном, увеличивающем благополучие, открытии [...] неизменно привлекают больше внимания, чем [публикации], которые не дают простых ответов. Поэтому непрерывный поток статей, излагающих основные аргументы экономики предложения, в течение последних нескольких десятилетий оставил отпечаток на общественном сознании» P. 51).

Ключевую роль в продвижении экономики, ориентированной на предложение, Бергин отводит обозревателю Wall Street Journal Джуду Ванниски, который ещё в начале 1970-х гг., когда мэтр американской экономической науки Пол Самуэльсон публично высмеивал идеи Лаффера, увлекся ими и начал их пропагандировать (Pp. 32–34). В вышедшей в 1978 г. книге «The Way The World Works» («Как устроен мир») Ванниски доказывал, что причиной Великой депрессии был не провал рынка, а протекционистский закон Смита-Хоули, и следовательно, в крупнейшем экономическом кризисе XX в. виновато государство. Момент для публикации книги был как нельзя более удачный, ибо в обществе на фоне нового кризиса усиливался скепсис по отношению к государственному регулированию экономики. Если прежде люди винили в своих невзгодах толстосумов с Уолл-стрит, то в конце 1970-х гг. они начали видеть основную угрозу собственному благосостоянию в «большом государстве». Бергин признает, что экономика, ориентированная на предложение, резонировала с настроениями публики, разочаровавшейся в эффективности государства. При этом реальное состояние американской экономики было не столь уж плохим, и рост ВВП оставался примерно таким же, как в среднем за XX в. Однако люди «felt poorer because they were witnessing the end of an unprecedented economic boom» («чувствовали себя беднее, потому что были свидетелями конца беспрецедентного экономического

бума») (P. 41). Таким образом, именно восприятие населением реальности оказалось в тот период решающим фактором для смены экономической политики.

Бергин отмечает, что далеко не все экономисты принимают на веру догмы экономического мейнстрима и попытки проверить общепринятые идеи могут приводить к смене парадигмы. Так, озабоченные нехваткой эмпирических подтверждений теории предельной производительности, молодые американские экономисты Дэвид Кард и Алан Крюгер смогли продемонстрировать нестыковки между предсказаниями, сделанными на основе этой теории, и реальностью (P. 168). Возможно, дело не столько в абстрактности экономических моделей, сколько в нежелании адептов неоклассической теории признавать её изъяны? Подсказку дает один из собеседников Бергина Ричард Фриман, который объясняет популярность неоклассической теории умением её представителей строить количественные модели экономических процессов (P. 175).

Для многих людей со средним и низким уровнями дохода эффекты реформ по принципам экономики предложения оказались в целом негативными; более того, инвестиций богатейших слоев населения было недостаточно, чтобы компенсировать потери бюджета от снижения налогов (P. 278). Но проблема в том, что люди ждут от политиков быстрых результатов и разочаровываются в мерах, которые не приносят ощутимого улучшения их благосостояния в краткосрочной перспективе. Насколько велика роль эмоционального восприятия реальности избирателями, показала победа в США на президентских выборах Трампа, построившего свою кампанию на утрированно пессимистичной оценке американской экономики. Кроме того, неоклассическая теория подкупает рядового гражданина доходчивым и наглядным объяснением социальных и экономических процессов.

У этой доходчивости есть цена — редукционизм. Экономисты предпочитают объяснения, которые обходятся минимумом деталей. В статье «Методология позитивной экономической науки» Фридман заметил, что хорошая гипотеза объясняет «многое малым, т.е. извлекает общие и решающие элементы из массы сложных и детализированных обстоятельств [...] и позволяет делать верные предсказания на основе одних лишь этих элементов» [*Фридман*, 1994. P. 29]. Бергин объясняет популярность моделей, упрощающих до абсурда реальность, принципом «ceteris paribus» (лат. «при прочих равных»), который позволяет абстрагироваться от «несущественных» подробностей и делать обобщения, применимые к большим группам однородных явлений. Классическое обоснование такого подхода в экономическом анализе дал Маршалл: «силы, с которыми [экономистам — *В.А.*] приходится иметь дело, столь многочисленны, что лучше всего рассматривать их отдельными группами […]. Мы исключаем влияние всех других факторов оговоркой “при прочих равных условиях”, хотя и не считаем их инертными, а лишь временно игнорируем их действие» [*Маршалл*, 1993. P. 53].

В многословных методологических рассуждениях столпов современной неоклассики теряется тривиальная мысль, что игнорирование второстепенных факторов не гарантирует верность гипотезы. Складывается впечатление, что максимально упрощенное моделирование служит не средством, а целью экономической науки. Как пишет Бергин, экономисты склонны рассматривать факторы, которые нельзя встроить в модели, например, изменчивые общественные настроения, как незначительные по сравнению с ценами, и «consequently the ‚*ceteris paribus*’ qualification is not usually seen as a limitation on the application of the concept of elasticity» («соответственно, обычно не считается, что оговорка „*ceteris paribus*“ ограничивает применение понятия эластичности [спроса и предложения]») (P. 61). Впрочем, научной карьере многих экономистов, пренебрегавших разного рода «деталями» человеческого поведения, кроме пресловутой реакции на ценовые стимулы, это не помешало, а некоторые из них даже стали лауреатами премии памяти Альфреда Нобеля по экономическим наукам. Дж. Стиглер однажды признал, что экономистам присуща «a deplorable habit of giving emphatic advice on public policy without bothering — even if they

live long after — to see whether their predictions of the effects of the policy were correct» («заслуживающая порицания привычка настойчиво советовать, что должно сделать государство, не беспокоясь, — даже если они живут достаточно долго, — верны ли их предсказания эффектов этих действий» [*Stigler,* 1982. P. 13]).

Расплачиваться за просчёты и упущения в экономических моделях приходится политикам (например, Маттео Ренци, осуществившему под влиянием экономистов непопулярную реформу трудового законодательства), а чаще всего — малообеспеченным гражданам, вынужденным в своей повседневной жизни справляться с последствиями жёсткой бюджетной экономии (P. 280). Вот им, пожалуй, в первую очередь и стоило бы прочитать книгу Бергина.

ЛИТЕРАТУРА

Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993.

Фридман М. (1994). Методология позитивной экономической науки // Thesis. №. 4. С. 20–52.

Bergin T. (2021). Free Lunch Thinking. How Economics Ruins the Economy. London: Random House Business.

Leonard T. (2015). Progressive Era Origins of the Regulatory State and the Economist as Expert // History of Political Economy. Vol. 47. Pp. 49–76.

Stigler G. (1982). Economists and Public Policy // Regulation Vol. 6. No.3. Pp. 13–17.

Арсланов Василий Викторович
arslanov@gmail.com

Vasily V. Arslanov
PhD (Economics), senior research fellow of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow)
arslanov@gmail.com

„CETERIS PARIBUS“: A SHORT HISTORY OF THE (MIS)ALLIANCE OF ECONOMICS AND POLITICS IN “FREE LUNCH THINKING: HOW ECONOMICS RUINS THE ECONOMY” BY TOM BERGIN

Abstract. The article discusses a new book of the British journalist Tom Bergin about contemporary economics in the context of economic policy in the West. The book focuses on the role the Neoclassical school has played in shaping the views of policymakers on effective government intervention and making decisions on taxation, industrial policy, and labour market regulation. The domination of supply-side economics is explained by the political changes linked to the 1970s recession. On a number of cases, the author points to a discrepancy between forecasts and actual effects of various economic policies and attributes the failure of those polices to the principles of Neoclassical economics they are based on.

Keywords: *economic policy, tax cuts, supply-side economics, deregulation, labour market, investment, externalities.*
JEL: B13, B23, C53, D01, D40, H21, H23, H24, H30, L51, N12, N14.

REFERENCES

Bergin T. (2021). *Free Lunch Thinking. How Economics Ruins the Economy*. London: Random House Business.

Freedman M. (1994). Metodologiya positivnoy ekonomicheskoy nauki. [*Freedman M.* Methodology of positive economics] // *Thesis* No.4. Pp. 20–52. (In Russ.)

Leonard T. (2015). Progressive Era Origins of the Regulatory State and the Economist as Expert // *History of Political Economy*. Vol. 47. Pp. 49–76.

Marshall A. (1993). *Printsipy ekonomicheskoy nauki*. [Principles of economics]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Stigler G. (1982). Economists and Public Policy // *Regulation.* Vol. 6 No.3. Pp. 13–17.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.М. Плискевич
ст.н.с., Институт экономики РАН (Москва)

ГДЕ ДОРОГА К ХРАМУ МОДЕРНИЗАЦИИ? (О КНИГЕ А.П. ЗАОСТРОВЦЕВА «ПОЛЕМИКА О МОДЕРНИЗАЦИИ: ОБЩАЯ ДОРОГА ИЛИ ОСОБЫЕ ПУТИ?»)

Аннотация. В статье рассматривается концептуальный подход А.П. Заостровцева к многообразию существующих в современной литературе теорий модернизации. Отмечается всесторонность анализа автором модернизационных теорий, в который включены не только известные западные концепции, но и концепции, появившиеся на Востоке. При этом автор не ограничивается утвердившимися характеристиками противостоящих институциональных систем, но и предлагает свое противопоставление «силовой» и «правовой» систем, каждая из которых имеет свою модернизационную специфику. Вместе с тем высказывается сомнение в том, что феномен России может быть вписан в такие биполярные конструкции. Для характеристики этого феномена гораздо продуктивнее привлечение к анализу таких теоретических конструктов, как «пограничная» и «промежуточная» цивилизации.

Ключевые слова: *модернизация, западная цивилизация, восточная цивилизация, цивилизационные матрицы, система «власть–собственность», «силовая» цивилизация, «правовая» цивилизация, «пограничная» цивилизация, «промежуточная цивилизация».*
JEL: A10, B52, N20, O1.
DOI: 10.52342/2587-7666 VTE_2021_2_120_130.

Мы живем в противоречивое время. С одной стороны, крайне ускорившиеся процессы научно-технических изменений, быстрой цифровизации как производственной, так и повседневной жизни диктуют необходимость срочной модернизации не только инструментальной составляющей нашего бытия, но и его социокультурной основы. Ведь новому сложному миру, в который мы только вступаем, должен соответствовать сложный человек. Причём требования всевозрастающей сложности относятся не только к так называемому «креативному классу», но и ко всей среде, его окружающей. В противном случае «креаклы» либо зачахнут в удручающей для них среде, либо предпочтут перебраться в те страны, где такая среда будет для них комфортна (мы не одно десятилетие наблюдаем «утечку мозгов» из нашей страны — тревожный в современной ситуации симптом). С другой стороны, многие ещё не забыли шока от реформ 1990-х гг., страшатся любых перемен даже в случае, если сами они так и не преодолели черту бедности. Мысль о том, как бы не стало ещё хуже, поддерживает все ещё достаточно массовое требование стабильности, опасения, что перемены лишь усугубят и без того тяжелое положение.

В этой противоречивой атмосфере все же вновь и вновь поднимается проблема модернизации России и как единственного пути встраивания в новую научно-техническую реальность, и как бесперспективной для нас по своей сути попытки, неизбежно оборачивающейся новыми бедствиями для населения и возвращением к тем же принципам построения общества и государства, от которых неоднократно делались попытки уйти. В новой книге А.П. Заостровцева «Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?» [*Заостровцев*, 2020] выстроен очень интересный вариант обобщения существующих в мировой литературе версий трактовок процессов модернизации и в нашей стране,

и за её пределами. При этом автор хочет взглянуть на идущую среди учёных полемику с нейтральных позиций. Сам он формулирует свою задачу как описание имеющихся идей, в которых он «абсолютно ничего не делит по критерию «хорошо — плохо»» (С. 8)[1].

Правда, стоит отметить, что Заостровцев, будучи сам оригинальным участником этой полемики, со своей задачей не совсем справился: собственные представления о теме вели его, диктовали саму структуру книги, подводящую не к нейтральному, а к его собственному выводу. Хотя такое естественное развитие авторской мысли делает книгу ещё интереснее, окрашивает её живым чувством исследователя, его отношением к подробно рассмотренному в книге богатству подходов и интерпретаций, причём авторов не только из развитых стран Запада, но и с Востока, точнее — Китая. Впрочем, читатель может познакомиться и с полемикой с Заостровцевым некоторых из его оппонентов в приложении к основному тексту, где приводятся материалы обсуждения книги в Центре исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. В этой полемике нет смысла углубляться в упрёки оппонентов Заостровцева, скажем, в подборе фактического материала, работающего именно на его концепцию. Ведь аналогичные упреки можно отнести и к самим участникам дискуссии, в своих работах делающих акценты на близких им фактах и аспектах темы.

Однако, думается, стоит обратить внимание на основной пафос и участников обсуждения, и автора книги. Дискуссия была сконцентрирована на тезисе, что Заостровцев считает нашу страну со всеми её историческими, территориальными и, главное, социокультурными особенностями неспособной к модернизации по западному образцу. Разумеется, общее содержание книги дает основания для такой трактовки. Однако она, как представляется, не совсем верна. Введя новое разделение путей развития на «силовое» и «правовое», Заостровцев развивает тезис, что «силовой» тип развития имеет свои, отличные от западных («правовых»), способы модернизации. Пусть они не столь успешны, но все же существуют, и на это нельзя закрывать глаза.

Правда, представляется, что между частями такой новой пары, как «силовая» и «правовая» цивилизации, все же нет непроходимых границ. Тут скрывается и та историческая коллизия, которая описывается Д. Нортом, Д. Уоллисом и Б. Вайнастом в «Насилии и социальных порядках»: есть некая грань, достигнув которую, «силовое» общество, её силовые элиты сами начнут осознавать неэффективность и опасность для них имеющейся институциональной структуры и предпринимают попытки её модернизации, начиная трудный, часто мучительный переход от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа. Это происходило в истории, где господствовали силовые элиты. Это же может начаться и в обществе нуворишей, типа современного российского, которые, в случае ослабления силовой поддержки и подпираемые новыми поколениями жаждущих передела уже поделенной собственности, приносящей ренту новых силовиков, могут решить, что правовая форма защиты для них надежнее. Ведь сама наша «старая силовая элита» не забыла те рейдерские захваты, благодаря которым она получила свои богатства. А такая ситуация чревата либо новым взрывом переделов собственности, либо достижением тех элитных договоренностей, которые у Норта и его коллег именуются «пороговыми условиями для элит» [*Норт, Уоллис, Вайнгаст*, 2011. С. 76].

В терминологии Заостровцева это можно назвать возможностью перехода от «силовой» к «правовой» модернизации. Впрочем, и сам Заостровцев не закрывает возможность такого перехода. Правда, у него «пороговые условия» выглядят по-другому, ибо он рассматривает «силовой» и «правовой» варианты развития как два не пересекающихся цивилизационных пути движения обществ. Такому взгляду способствует и то, что в самом тексте книги прослеживается некоторое смешение разных трактовок сути двух цивилизационных

[1] Здесь и далее страницы книги приводятся в тексте в круглых скобках.

путей развития обществ. Прежде всего это «матричная» конструкция, предполагающая, что эти два цивилизационных пути покоятся на двух каркасах двух различных цивилизационных матриц. Тут «западной» матрице развития противостоит по сути «восточная». И хотя Заостровцев критикует такие конструкции, как X- и Y-матрицы С. Кирдиной [*Кирдина*, 2014] или раздаточная и рыночная экономики О.Бессоновой [*Бессонова*, 2007][2], он явно склоняется к введенной в оборот С. Хёдлундом «матрице Московии» [*Хедлунд*, 2015].

Вместе с тем акцент на матричные конструкции в исследованиях модернизации несколько смягчается включением в анализ книги другой популярной конструкции — «власти-собственности», все же предполагающей возможность эволюции этой системы в рыночную и демократическую. Такой шанс предоставляет этой, по мнению многих, господствующей у нас системе и Заостровцев; правда, обусловливая его целым рядом ограничений. Во-первых, это «очень сильные внешние воздействия», во-вторых, «не единоразовые, а длительные воздействия со стороны внешних реформаторов», в-третьих, «критическая масса людей с антитоталитарным рыночным мышлением», в-четвертых, «доброжелательный диктатор, принимающий экономически грамотные решения и в конечном итоге передающий власть народному правительству, в-пятых, «наличие агрессивного общества-антипода как противоядия уподобления таковому» (С. 249–250). Не все приведённые условия, отмечает Заостровцев, абсолютно обязательны, но главное — они предлагаются автором для достаточно малых государств, по сути, уже проделавших хотя бы часть эволюции от «силовой» к «правовой» системе. В качестве примеров можно привести историю эволюции южноазиатских «тигров», продемонстрировавших успешность такого перехода. В целом же, по Заостровцеву, «никакой предопределённости такого радикального поворота не существует. Он есть результат цепочки случайно состоявшихся исторических событий, которые переломили внутренний потенциал к самовоспроизводству институциональной матрицы. Гораздо более вероятно продолжение в её рамках при проведении лишь более или менее успешной адаптационной модернизации» (С. 259). Последнее, полагает автор, наиболее убедительно показывают Китай и Россия.

Таким образом, Заостровцев строит свою концепцию, при всём многообразии используемой терминологии, на основе существования стран, принадлежащих к двум качественно различным институциональным системам, каждая из которых развивается по своим законам, с присущими ей особенностями модернизации. Неоднократно проводя параллели между Россией и Китаем, даже подчеркивая, что особенности государственного устройства, укоренившиеся в России, были привнесены в неё Ордой, в свою очередь воспринявшей их в Китае, автор дает ещё один аргумент для объединения этих двух держав в русле одной матрицы[3]. Это, в частности, объясняет и то, что первая глава книги посвящена анализу взгляда на модернизацию с Востока, точнее — взгляду китайского учёного Хэ Чуаньцзи, разработавшего систему индексов, с помощью которой он сопоставил уровни модернизации более чем 130 стран мира. Предложенный китайским учёным метод, бес-

---

[2] Отмечу, что О.Бессонова в последних работах пишет о процессах интеграции этих двух систем, а С. Кирдина высказывает более осторожную возможность о внедрении в конструкцию одной матрицы элементов другой, но при условии, что такие внедрения не затрагивают сущностных качеств принимающей матрицы [*Кирдина*, 2014. С.256]. Тут стоит заметить, что результат такого внедрения чреват искажением встраиваемых институтов (это, в частности, мы наблюдаем в России в последние годы). В этом случае внедрение институтов сопровождается их адаптацией к новой для них среде и, как правило, вызывает своеобразную аккультурализацию заимствованных форм, когда они, вступая во взаимодействие с данной средой, усваивают её природу. С таким явлением мир столкнулся ещё в 1960-х гг. при крушении колониализма. По мнению одного из изучавших этот процесс учёных — Ш. Эйзенштадта, модернизационный порыв в данном случае заканчивается печально: «…многие институты, оформившиеся в начальный период модернизации, сегодня распались и прекратили работать, уступив место менее сложным и, как правило, более авторитарным политическим режимам»[*Эйзенштадт*, 2010. С. 43].

[3] Отмечу, что А. Ахиезер в своей основной книге подчеркивал как раз различия цивилизационных особенностей Китая и России [*Ахиезер*, 1997].

спорно, представляет интерес. Однако предложенная им методика свидетельствует о том, что его интересует прежде всего инструментальный аспект модернизации, а также вытекающие из него проблемы повышения социально-экономического и культурного уровня развития населения, которое должно стать способным обслуживать новые механизмы, воспринимать новые технологии, привлекаемые извне.

Интересно, что в главе, посвященной модернизации по китайскому образцу, не рассказывается о российских исследованиях, проведенных по той же методике, хотя и на основе усовершенствованных индексов. А ведь проводивший их член-корреспондент РАН Н. Лапин не только был инициатором перевода обзорного доклада Хэ Чуаньци на русский язык, но и предпринял масштабное исследование степени модернизации российских регионов с учетом достижений китайского коллеги. В результате Лапин констатировал, что предложенный инструментарий позволяет замерять, прежде всего, социально-экономический компонент модернизации и частично — социокультурный. «И лишь косвенно позволяет судить о технико-технологической и институционально регулятивной компонентах» модернизации [*Атлас*…, 2016. С. 27]. В то же время отмечалось, что «модернизация осуществляется в России как догоняющее развитие, инициируемое сверху, при этом частная инициатива не получает безусловной поддержки государства» [*Атлас*…, 2016. С. 63]. По сути, констатируется исчерпанность выбранного для нашей страны пути, особенно для её среднего класса. «И это серьезный вызов для российской модернизации» [*Атлас*…, 2016. С. 86].

По мнению Н.Лапина и его коллег, сегодня в «“собственное время” российской модернизации входит иное, смежное время её институциональных предпосылок, отделенных от современности несколькими столетиями. Оно течет гораздо медленнее и тормозит современную модернизацию». А результатом этого становится «разбалансированность модернизации как комплексного процесса: прежде всего вторичной модернизации, а также состояния двух стадий модернизации»[4] [*Проблемы*…, 2013. С. 27, 28].

Эти отступления от текста книги Заостровцева приведены для того, чтобы показать: даже те учёные, которые принимают теоретическую концепцию восточной модернизации в том её варианте, который предложен у Заостровцева, и использующие её в своих исследованиях степени модернизации различных регионов России, ощущают её недостатки при применении в комплексном исследовании модернизации, включающем не только инструментальные (что характерно для «матричных» и «властесобственнических» или «восточных» вариантов), но и соответствующе им глубокие социокультурные и гуманитарные сдвиги, без которых и инструментальные изменения, даже пользующиеся государственной поддержкой, быстро приходят в упадок. И говоря о таких инструментальных изменениях, думается, скорее имеет смысл рассуждать о каком-то ограниченном развитии, но не о модернизации.

Размышляя о тупике, в котором оказалась наша страна, неоднократно повторявшая модернизационные попытки, кончавшиеся неудачей, можно, конечно, сделать вывод о том, что она просто принадлежит другому («восточному», «силовому» «властесобственническому» и т.п.) типу цивилизации. И ей нет смысла вставать на тот модернизционный путь, который присущ странам Запада. Теоретические подходы к анализу такого пути подробно изложены в книге, а так как они достаточно хорошо известны, нет смысла подробно останавливаться на их описании. Заостровцев достаточно полно и чётко их проанализировал. В то же время, сравнивая пути развития Китая и России, нельзя не обратить внимание на то, что первый в своей эволюции не делает попыток выйти за рамки инструментальной модернизации и затрагивает социоэкономическую и социокультурную сферы лишь в той

[4] Под вторичной модернизацией в концепции Хэ Чуаньци понимается индустриализация, под третичной — современный этап построения новой цифровой экономики, основанной на знаниях. При этом китайский учёный полагает, что эти два этапа могут развиваться одновременно.

мере, в какой их изменения потребны для успеха инструментального компонента модернизации. В России же, по крайней мере в течение трех — четырех веков, мы видим попытки выйти за эти рамки, пусть пока и кончающиеся неудачей, но, думается, всё же они будут повторяться и в дальнейшем.

Вряд ли такое упорство можно объяснить, ограничиваясь рамками двух противостоящих друг другу цивилизационных типов развития, как бы мы их ни называли. В то же время есть концепция, объясняющая упорное стремление нашей страны перейти из одного состояния в другое, но не проанализированная в книге. Ибо её автор, пусть в душе и является сторонником «правовой» цивилизации, но, признав более соответствующий российским реалиям утвердившийся после неудачи 1990-х гг. «силовой» вариант развития и укоренение «Матрицы Московии 3.0», делает вывод, что наша страна будет развиваться именно по этому пути.

Однако, как свидетельствует отечественная история, попытки поворота к западным образцам не только были, но и будут продолжаться, например, либо вследствие резкого падения рентных доходов, либо появления в элитах достаточно влиятельных сторонников такого поворота (вспомним хотя бы идеи князя Голицына при правлении царевны Софьи, которые сулили более мягкое, нежели петровское, движение в западном направлении). А потому в ходе полемики о модернизации в России вряд ли можно обойтись без анализа концепции «промежуточной цивилизации», выдвинутой А. Ахиезером[5].

Ахиезер рассматривал «промежуточную цивилизацию» как особую переходную форму от традиционной к либеральной цивилизации, причём форму, связанную прежде всего с мучительными процессами изменения социокультурных основ сначала у меньшинства населения, а затем и у расширяющихся его слоев. Такие мучительные процессы проявляются «подчас в крайних формах обострения между двумя формами суперцивилизации, в нередко извращенных формах примирения противоречивых идеалов через формирование гибридных… Россия застряла между этими двумя суперцивилизациями, так как их ценности раскололи страну» [*Ахиезер*, 1998. С. 360–361]. Такая расколотая промежуточная цивилизация «показала, что на пороге, отделяющем и соединяющем две суперцивилизации, возможны тяжелейшие конвульсии, мучительная неспособность перебросить мост между ними… Это патологическое движение может прекратиться в расколотом обществе либо путем преодоления раскола и перехода к либеральной суперцивилизации, либо в результате деградации и гибели общества» [*Ахиезер*, 1998. С. 361].

А так как мы, хотя и испытываем сегодня пессимизм, наблюдая то тут, то там признаки деградации, всё же не хотели бы гибели нашего общества, то важно подумать о том, как выйти из этой ситуации. Здесь вряд ли поможет вечная полемика «западников» и «славянофилов» в новой оболочке (матричной или какой-либо другой). И потому вряд ли продуктивен критический пафос большинства участников обсуждения книги, равно как и трактовка её содержания как обречённости страны на «силовой» вариант развития (или «Матрицу Московия 3.0»). Гораздо продуктивнее постараться понять специфику социокультурного состояния российского общества, его истоки, а также попытаться наметить пути выхода из него.

Соглашаясь с тем, что ныне наша институциональная система может быть охарактеризована и как «силовая», и как «властесобственническая», и как неоэтакратическая (так её определял О. Шкаратан [*Шкаратан и др.*, 2009]), но одновременно, принимая версию А. Ахиезера о специфике России как «промежуточной цивилизации», стоит задаться вопросом: в чем причины такого сочетания и накладывает ли оно свои особые черты на

[5] Термин «промежуточная цивилизация» Заостровцев использует один раз и лишь по отношению к Украине (С. 235). Думается, однако, такое его сужение и вытеснение его за пределы России является, скорее, отражением пессимистического взгляда автора на современную политическую ситуацию в стране.

развитие нашей страны, отличающие её и от Китая, и от стран исламского мира, и от других государств, имеющих схожую институциональную конструкцию?

Первое, бросающееся в глаза, отличие связано с самим фактом неоднократно повторяющихся попыток выйти за рамки своей институциональной структуры и воспринять более эффективные формы западных конструкций. Ведь ещё относительно недавно С. Хантингтон характеризовал СССР как «разорванную страну», где вновь проявилась «классическая борьба западников и славянофилов. И, по его мнению, в 1990-е гг. «вестернизированный Горбачев уступил место Ельцину, русскому по стилю, западному по высказанным убеждениям, которому, в свою очередь, угрожали националисты, призывающие к православной индигенизации России». Последнему способствовал демократический парадокс: «принятие не-западными обществами западных демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти национальным и антизападным политическим движениям» [*Хантингтон*, 2003. С. 201–202].

Однако такая расколотость сознания российского общества находит объяснение в самом положении нашего государства как пограничного между Западом и Востоком. И это отражается в самой отечественной культуре. Скажем, Г. Померанц видел в социокультурном теле страны различные слои (византийский, монголо-татарский, западный) и выводил отсюда образ-символ, характеризующий специфику цивилизационного статуса России как страны, лежащей на перекрестке миров и легко втягивающейся то в один, то в другой соседствующий мир. И оказывается, что ни один из них не может быть отброшен как шелуха, чтобы открыть ядро. У Померанца появляется образ России-луковицы, целостность которой составляет единство всех его слоев. Каждая попытка отбросить что-то, как наносное (или устаревшее), разрушает целое [*Померанц*, 1995].

Эти представления Померанца развивает Я. Шемякин в своей теории «промежуточных» цивилизаций [*Шемякин*, 2014a; *Шемякин* 2014b]. Подхватывая образ луковицы, он характеризует особенности такой цивилизации, отмечает, что у луковицы нет ядра, и в данном случае речь должна идти об особом теле целостности, качественно отличном от представленных целостными мировыми цивилизациями. При всем многообразии последних важно видеть, что в пограничных цивилизациях многообразие преобладает над принципом единства. В результате цельная относительная духовная основа в случае пограничной цивилизации отсутствует, а религиозно-цивилизационный фундамент состоит из «нескольких качественно различных частей. Хотя одновременно мы обнаруживаем и парадокс пограничной цивилизации. Он заключается в том, «что в условиях доминанты многообразия единство также вполне реально» [*Шемякин*, 2014a. С. 117–118].

В своей трактовке пограничных цивилизаций, к которым он относит Россию, Шемякин особо отмечает повышенную по сравнению с классическими цивилизациями роль внешних факторов в жизни общества, повышенную способность к переработке внешних воздействий в соответствии со своими потребностями, приводящими в итоге к превращению внешнего во внутреннее. Этим цивилизациям свойственны и стремление к максимальной открытости, и ревностная защита своей самобытности.

То есть в нашем случае не в экстренных ситуациях, а в связи с цивилизационной самобытностью России, которую не случайно называют то Евразией, то Азиопой, огромную роль играют внешние факторы (даже в ситуации, когда и «простым людям» важно, как именно относятся к их стране в мире, особенно на Западе). Большая проницаемость страны для внешних влияний и повышенная способность к их переработке, вписывание их в свою социокультурную среду позволяет таким обществам легче превращать внешнее во внутреннее[6]. В результате Шемякин приходит к выводу, что «есть все основания гово-

[6] Это, кстати, выделяет и Заостровцев, формулируя свои «пороговые условия» перехода к «правовой» системе.

рить не об одном информационном поле (понимаемом прежде всего как взаимодействие смыслов), как у Померанца, а о комбинации различных информационно-смысловых полей в соответствии с принципом доминанты многообразия в пограничной цивилизационной системе» [*Шемякин*, 2014b. С.128].

Если принять тезис об особом свойстве «пограничности» российской цивилизации, то открывается возможность примирения позиции Заостровцева и его критиков из Европейского университета. Ведь в таком случае оказывается, во-первых не столь безнадёжным достижение условий, необходимых для модернизации страны в соответствии с правовыми принципами, о которых пишет и сам Заостровцев. Во-вторых, более логичной представляется сама ситуация, при которой история народа, в котором одна его часть (точнее — её элита) восприняла социокультурные принципы, привнесенные с Востока, как наиболее подходящие для управления разрастающимся государством и для борьбы с конкурентами во власти, а другая часть длительное время развивалась под влиянием западных тенденций, проникающих из территориально более близких земель.

Что же касается сложившейся ныне ситуации, то стоит вновь вернуться к идее «промежуточной цивилизации» Ахиезера. Эту промежуточность он представлял как расколотость российского общества на тонкий либерально настроенный слой, сочетающийся с традиционной основой. Причём в правящей элите ростки либеральных (точнее — западных) представлений оживали прежде всего в периоды осознания серьёзности отставания нашей страны от Запада, в первую очередь в военно-технической сфере, и порождали стремление к прозападным реформам. Однако, как правило, такие реформы носили инструментальный характер. Более того, сама их реализация могла быть осуществлена мобилизационными методами, что было возможно только при опоре на господствующий традиционалистский социокультурный фактор. А это вело к искажению заимствованных из западной действительности институтов. И каждая такая попытка, сопровождаемая подобными искажениями, вела к появлению в отечественной институциональной конструкции особых институциональных рубцов [*Плискевич*, 2019], незнакомых исследователям западной реальности и самой этой реальности.

А потому каждая следующая попытка реформ либерального типа может быть успешной не просто в ходе копирования западных институтов, показавших свою успешность в другой реальности. Она одновременно требует разработки особого способа перехода из одного состояния в другое, не только учитывающей наличие таких рубцов, но и предлагающей оригинальные способы или смягчения их влияния, или, что лучше, их полной нейтрализации. В качестве неудачного подхода к реформированию советского варианта отечественной институциональной системы можно назвать способ, каким была проведена приватизация государственной собственности на средства производства. Само огосударствление советской властью этой собственности стало серьезным рубцом на теле всего общественного устройства нашего общества. Можно принимать аргументы приватизаторов о сложности политической ситуации первой половины 1990-х гг., требующей решительных действий, а также то, что de facto она нелегально шла ещё со времени разложения СССР в виде спонтанного процесса. Не забудем и об отсутствии этических ограничений не только у представителей старой номенклатуры, но и у многих реформаторов, что наложило свой отпечаток на восприятие происходящего широкими слоями населения. В результате сам процесс приватизации не только не способствовал смягчению воздействия старого институционального рубца, но породил свежий рубец, последствия воздействия которого ещё долго придется изживать.

Поэтому для будущих попыток модернизации в России, не ограничивающихся инструментальными аспектами, которые близки сторонникам «силовых» вариантов, но предполагающих серьёзные социокультурные сдвиги, насущно важно задействовать этическое начало лидеров реформ. Они должны давать образцы морального поведения и пример

для остального общества. Не случайно А. Оболонский, анализирующий проблему падения морали в современном российском обществе и особенно в его элитах, отмечает: «…реформа институтов власти — условие необходимое, но недостаточное. Институты решают не всё. Они — не более, чем инструменты; действуют люди. И даже хорошие институты, оказавшись в распоряжении людей с разложившейся моралью, с деформированной шкалой моральных ценностей, либо бездействуют, либо действуют искажённо, избирательно, по «понятиям», обслуживая удалённые от общественных нужд клановые, групповые и даже личные интересы и тем самым становятся контрпродуктивными» [*Оболонский*, 2016. С. 10].

Это замечание особенно важно в связи с тем, что А. Ахиезер, размышляя о путях выхода России из порочного круга «реформы — контрреформы», видит такой выход только в становлении развитого утилитаризма, который характеризуется «переходом от поиска средств, дающих не меньший эффект, чем утраченные средства, к поискам все более эффективных средств, осознанием связи роста благ и личных усилий по их добыванию, производству». Будучи ориентированным на прогресс, он «требует развития личности, повышения ею ценности своего Я», а следовательно, «выступает как возрастающая по своей значимости пружина социальных изменений, сила, вынуждающая формировать новые средства» [*Ахиезер*, 1998. С. 522]. В таком качестве развитой утилитаризм «готовит почву для либерализма с его растущей оценкой духовных ценностей, идеалов свободы, саморазвития, законности, диалога и т.д.» [*Ахиезер*, 1998. С. 522].

При этом он отмечал, что к началу модернизационных преобразований конца XX в. страна подошла с таким либерально ориентированным слоем в обществе, какого ранее не имела. Вместе с тем нельзя не учитывать, что «либерализм в условиях развитой либеральной суперцивилизации… и либерализм в стране, ещё не ставшей либеральной, — разные явления. Российский либерализм нуждается в серьезной перестройке, в преодолении своего абстрактного характера, в отказе от фетишистской веры в волшебный результат воплощения либеральных идеалов любыми средствами» [*Ахиезер*, 1997. С. 681–682]. Ахиезер подчеркивает (в отличие от многих), что на выход из цикличного развития в рамках «промежуточной цивилизации» повлияют не внешние воздействия, а углубленная внутренняя работа всего общества: «Будущее — результат не внешнего влияния, но массового творческого процесса, идущего из глубин народной почвы, который включает беспрерывный диалог с иными народами и цивилизациями, с собственной духовной элитой. Это будущее строится сегодня обществом не только в сфере духа, но и через способность каждого из нас делать предметом диалога критику нашей истории» [*Ахиезер*, 1997. С. 788].

Показательно, что перехватившие властные рычаги «промежуточные выгодоприобретатели» [*Hellman*, 1998] направляют свои усилия на то, чтобы затормозить продвижение вперед социокультурных процессов и через соответствующую повестку СМИ (особенно телевидения), и через выстраивание системы институтов, по форме нередко соответствующих западным аналогам, но по сути противоречащих им, а потому провоцирующих искажённые нормы поведения, и наконец, через целую систему ограничений (даже законодательных) в области науки, образования и культуры. Однако такая социокультурная политика, хотя, как кажется на первый взгляд, и соответствует «глубинным традициям отечественной культуры», всё же по сути своей противоречит ей, особенно в современных условиях.

Тут, во-первых, стоит помнить, что в культуре каждого народа, в том числе и российского, существует масса традиций, нередко противоположно окрашенных. И, как отмечал А. Гофман, свою опору в отечественных традициях находили и реформы, и контрреформы, а западничество — столь же принадлежит к нашим традициям, как и славянофильство. Причём, по его мнению, большая длительность периодов контрреформ «объясняется главным образом тем, что контрреформы опирались прежде всего на силу и принуждение». А потому и контрреформы в полной мере не могут считаться традиционными: «традиции,

как и легитимность, сами по себе не могут постоянно нуждаться в опоре на право сильного; в противном случае это не традиции, а нечто иное» [*Гофман*, 2008. С. 43]. Во-вторых, новая эпоха — эпоха качественного скачка в научно-технической сфере настоятельно требует соответствующих качественных изменений и в сфере социокультурной. А стремление «промежуточных выгодоприобретателей» ограничиться поверхностными инструментальными изменениями, не затрагивая глубинных социокультурных основ, входит в прямое противоречие с потребностями новой эпохи. Из этого тупика объективно есть два выхода: или деградация общества, или начало реформ, в полной мере соответствующих созданию условий для формирования в достаточно массовом масштабе сложного человека, отвечающего требованиям нового времени. И если этап индустриализации потребовал проведения «культурной революции», без которой новая индустрия была бы мертва, то новый научно-технический скачок невозможен без новой «культурной революции» с включением в неё широкого гуманитарного компонента.

В современной ситуации в России мы пока наблюдаем лишь меры по укреплению сложившейся «силовой» институциональной структуры. Но в то же время многие социологи, особенно работающие с фокус-группами, показывают изменение запросов населения. Господствующий более двух десятилетий запрос на стабильность меняется на запрос на перемены, соответствующие потребностям научно-технического прогресса, на развитие. Конечно, такими настроениями пока заражено отнюдь не большинство нашего общества, но нельзя не видеть, что, согласно данным Европейского социального исследования, и в развитых странах таковых также не большинство [*Магун*, *Руднев*, 2010]. Но критически важно, чтобы носители прогрессивных ценностей стали преобладающей группой в наиболее активной части общества, способной даже в условиях господства «промежуточных выгодоприобретателей» начать работу по постепенному размыванию порядков ограниченного доступа. А как показывают исследования путей к успеху современных развитых стран многое тут было обусловлено именно такой стратегией [*Яковлев*, 2020]. В итоге она и приводила к достижению тех «пороговых условий» для элиты, с которой связывали успех эволюции институтов Норт и его коллеги.

При этом каждая страна, в том числе и Россия, в соответствии с массой своих особенностей будет развиваться по собственному пути. Этот путь может быть относительно прямолинеен или сопровождаться неоднократными срывами. Но для каждой страны он будет своим, особым путем. Ведь и тот путь, который прошли более чем за два века США, по сути своей уникален, не похож ни на один из вариантов развития западноевропейских стран. Так что вряд ли стоит противопоставлять общую дорогу и особые пути модернизации, как делает Заостровцев в названии своей книги. Просто эта дорога очень широка, со своими удобными участками и участками, грозящими попавшим в неудачную колею многими трудностями и даже бедствиями. Но на этой общей дороге каждый обречён идти своим особым путем.

ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер А.С. (1997). Россия: критика исторического опыта. Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Ахиезер А.С. (1998). Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы (2016) / Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир.

Бессонова О.Э. (2007). Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.

Гофман А.Б. (2008). От какого наследства мы отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: РОССПЭН. С. 9–62.

Заостровцев А.П. (2020). Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Кирдина С.Г.(2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М.–СПб.: Нестор-История.

Магун В.С., Руднев М.Г. (2010). Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–22; № 4. С. 5–17.

Норт Д., Уоллис Д., Б.Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Е. Гайдара.

Оболонский А.В. (2016). Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.

Плискевич Н.М. (2019). Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь? // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 100–115.

Померанц Г.С. (1995). Теория субкумен и проблема своеобразия стыковых культур // Померанц Г.С. Выход из транса. М.: Юрист. С. 205–227.

Проблемы социокультурной модернизации регионов в России .(2013) / Составление и общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М.: Academia.

Хантингтон С.П. (2003). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.

Хедлунд С. (2015). Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. Дом ВШЭ.

Шемякин Я.Г. (2014a). Субкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта. Статья 1 // Общественные науки и современность. № 2. С. 113–123.

Шемякин Я.Г. (2014b). Субкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта. Статья 2 // Общественные науки и современность. № 3. С. 119–130.

Шкаратан О.И. и др. (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.

Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации (2010) // Неприкосновенный запас. № 6. С. 42–67.

Яковлев А.А. (2020). Поиски институциональных решений через призму истории // Общественные науки и современность. № 2. С. 67–63.

Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.

Плискевич Наталья Михайловна
znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich
Senior Researcher, Institut of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow
znplis@yandex.ru

WHERE IS THE ROAD TO THE TEMPLE OF MODERNIZATION? (ABOUT THE BOOK BY A.P. ZAOSTROVTSEV «THE POLEMIC ABOUT MODERNIZATION: A COMMON ROAD OR SPECIAL PATHS?»)

Abstract. The article examines the conceptual approach of A.P. Zaostrovtsev. The last one is devoted to the analysis the variety of modernization theories existing in modern literature. Zaostrovtsev carries out comprehensiveness of the analysis of modernization theories, which includes not only well-known Western concepts, but also concepts that appeared in the East. At the same time, in the article we does not limit himself to the established characteristics of opposing institutional systems, but also proposes his own opposition of “power” and “legal” systems, each of which has its own modernization specificity. Doubts are expressed that the phenomenon of Russia can be included in such bipolar constructions. To analyze it, it is much more productive to involve in the analysis such theoretical constructs as “borderline” and “intermediate” civilizations.

Keywords: *modernization, Western civilization, Eastern civilization, civilizational matrices, “power-property” system, “power” civilization, “legal” civilization, “borderline” civilization, “intermediate civilization”.*
JEL: A10, B52, N20, O1.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1997). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. I. Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: a criticism of historical experience. T. I. From the past to the future]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).

Akhiezer A.S. (1998). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. II. Teoriya i metodologiya*. Slovar'[Russia: Criticism of Historical Experience. T. II. Theory and methodology. Vocabulary]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).

Atlas modernizatsii Rossii i eye regionov: sotsioekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye tendentsii i problem (2016). [Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems] /Otv. red. N.I. Lapin. Moscow: Ves' mir. (In Russ.).

Bessonova O.E. (2007) *Obraz buduschego Rossii i kod civilizacionnogo razvitiya* [The image of the future of Russia and the code of civilized development]. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN. (In Russ.)

Eisenshtadt S. (2010). Srivi modernizacii [Failures of modernization] // *Neprikosnovenniy zapas.* No. 6. Pp. 42–67. (In Russ.).

Gofman A.B. (2008). *Ot kakogo nasledstva my otkazyvayemsya? Sotsiokul'turnyye traditsii i innovatsii v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov* [What inheritance are we giving up? Sociocultural traditions and innovations in Russia at the turn of the XX–XXI centuries] // Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskiy analiz vzaimodeystviya i dinamiki [Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of interaction and dynamics]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 9–62. (In Russ.).

Hedlund S. (2015). *Nevidimie ruki, opit Rossii i obschestvennaya nauka. Sposobi ob"yasneniya sistemnogo provala* [Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure]. Moscow: Izd. Dom HSE. (In Russ.).

Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.

Huntington S.P. (2003). *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of civilizations]. Moscow: AST. (In Russ.).

Kirdina S.G. (2014). *Institucionalnie matrici i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional matrix and development of Russia. Introduction to the X-Y-theory]. Moscow–St.Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)

Magun V.S., Rudnev M.G. (2010). Bazovyye tsennosti rossiyan v yevropeyskom kontekste [Basic values of Russians in the European context] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 5–22; No. 4. Pp. 5–17. (In Russ).

North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpretating Recorded Human History], Moscow: Institut Gaydara. (In Russ.).

Obolonskiy A.V. (2016). *Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni* [Ethics of the public sphere and the realities of political life]. Moscow: Mysl'. (In Russ.).

Pliskevich N.M. (2019). Arkhaika institutov i arkhaika paternalizma: yest' li vzaimosvyaz'? [The archaic of institutions and the archaic of paternalism: is there a relationship?] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 100–115. (In Russ.).

Pomerants G.S. (1995). *Teoriya subkumen i problema svoyeobraziya stykovykh kul'tur* [The theory of subcumens and the problem of uniqueness of joint cultures] // *Pomerants G.S. Vykhod iz transa* [Coming out of trance]. Moscow: Yurist. Pp. 205–227. (In Russ.).

Problemy sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov v Rossii (2013) / Pod obsh. red. N.I. Lapin, L.A.Belyayeva [Problems of socio-cultural modernization of regions in Russia / Compilation and general edition of N.I. Lapin, L.A. Belyaeva]. M.: Academia. (In Russ.).

Shemyakin YA.G. (2014a). Subkumeny i «pogranichnyye» tsivilizatsii v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive: o kharaktere sootnosheniya YAzyka, Teksta i Shrifta. Stat'ya 1[Subcumens and "borderline" civilizations in a comparative historical perspective: on the nature of the relationship between Language, Text and Font. Article 1] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 113–123. (In Russ.).

Shemyakin YA.G. (2014b). Subkumeny i «pogranichnyye» tsivilizatsii v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive: o kharaktere sootnosheniya YAzyka, Teksta i Shrifta. Stat'ya 2[Subcumens and "borderline" civilizations in a comparative historical perspective: on the nature of the relationship between Language, Text and Font. Article 2] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 119–130. (In Russ.).

Shkaratan O.I. & others (2009). *Sotsial'no-ekonomicheskoye neravenstvo i yego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii* [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russ.).

Yakovlev A.A. (2020) Poiski institutsional'nykh resheniy cherez prizmu istorii [The search for institutional solutions through the prism of history] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 67–63 (In Russ.).

Zaostrovtsev A.P. (2020) *Polemika o modernizatsii: obshchaya doroga ili osobyye puti?* [Modernization Controversy: Common Road or Special Paths?]. St.-Petersburg.: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).